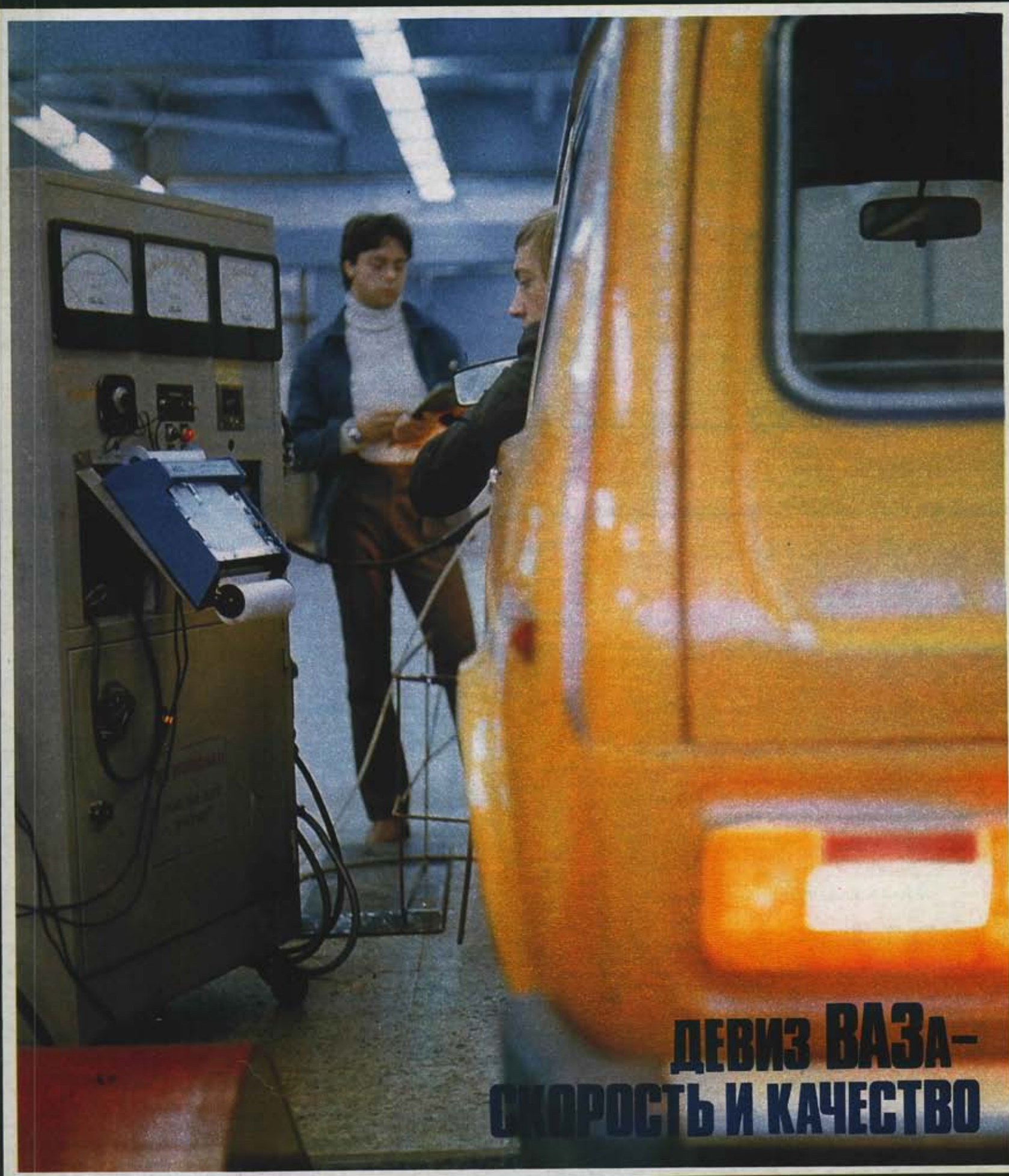

СМЕНА

**ДЕВИЗ ВАЗа-
СКОРОСТЬ И КАЧЕСТВО**

Рисунок Михаила ПАПКОВА

От солнышка высоковаттного
пятак карьера жгуче желт.
Молчит нутро у экскаватора.
Молчанье это душу жжет.
Земля в карьере пережевана,
участок сел на тощий кошт.
Звезда окурка пережеженного
зашвырнута в порожний ковш.
Глаза у парня гневом сужены:
«Ох, изыскатели досужие!
Поставят на расчетах росчерки...
Выходит, верить им нельзя?
Пророчили проектировщики
милльон кубов. А я их взял?
Где осталная половина?
Мы грунт до грамма замели!
К нам самосвалов прет лавина,
и все гудят: земли! земли!»
Уселся он в толпу ромашек
на палых листьях и корье.
«Я б не прощал таких промашек.
Не мне ж искать другой карьер?»
По хлюпким хлябям ветер крался,
мошка трудилась на износ.
Дымя в усы, водитель КраЗа
присел на ковш и произнес:
«Ты, паря, попусту не сетуй.
Живешь в вагоне. Книжки. Душ.
Столовка. Даже мячик с сеткой.
Вокруг тебя с полсотни душ.
А тот, кто о карьере спрошен,
жил в положенье не в твоём,
был с вертолета в топи сброшен,
искал один или вдвоем.
Ничьих следов, ни троп, ни просек.
Тайга в тумане, как в фате.
Конечно, стройка землю просит,—
ищи-свищи ее в воде!
И, может, то ли из-за нервов,
то ль с усталы разведчик наш
взамен пятнадцати замеров
взял только десять и—шашаш.
Его расчет не вышел перлом.
Работа-ад: бури да рой...
Но он вот здесь, у нас, был первым.
А первый—это не второй!
Мы—с техникой. Пробьем дороги!
Найдем карьер и там и тут.
Сполна болота-недотроги
для трассы землю отдадут.
Кому же ты взвалил на плечи
ошибки самых тяжких дней?
Второму их исправить легче,
избегнуть первому—трудней!»

Гулрухсор САФИЕВА, лауреат премии
Ленинского комсомола Таджикистана

И опять эта весть о весне!
Снег растает, и снова, и снова
посмотри, как свежи в новизне
дали нашего края родного.
С новой песней—ей тысячи лет—
вдруг вспорхнет у лица из распадка—
и уйдет в золотистый просвет
меж цветущих кустов куропатка.
А предутренний зов соловья!
Льется он, как вода золотая,
или это смеется твоя
в синей роще любовь молодая?

И, веселые щеки надув,
в окна облако дышит грозою.
Реет стриж. Он соломинку в клюв
подхватил на дороге с собою.
И как будто заря пролилась
на саманной родительской крыше—
это маки, как дети, смеясь,
утром к солнцу на цыпочках вышли.
Ветерок набежит и вздохнет.
Мать вздыхает, сощурившись, тоже:
наша яблонька там, у ворот,
на меня, ее дочку, похожа.

Незаконченная поэма

Мы после смерти бабушки нашли
среди вещей, которыми старуха
так дорожила, что сложила в тугу
затянутый заветный узелок,
кусочек лепешки. Он совсем усох
и черным был. Поверить было
трудно,
что это ели. Цвет сухой земли
был у него. Боясь свершить
оплошность,
я показала старикам кусочек—
те молчаливо приняли лепешку
таким движеньем, словно в ней
был ток.
И бабушкина древняя подруга
мне объявила:— Это хлеб войны.
Ох, доченька, как людям было туго,
ты видишь— в нем соломинки видны.
Его хранила бабушка твоя,
в нем сберегая маленькую память
о днях, когда горела вся земля

и муж, твой дед, ушел навеки в пламень...
...О, я сыта, и ты, народ мой, сыт,
но почему как будто некий стыд
обжег меня и что-то сердце сжало?
Так безутешно вдруг я зарыдала,
как если бы заплакала в тот миг
над дедом— был на фронте он убит.
И слезы пали. Прозиял, обрушась,
провал во времени. Я вспомнила старушек,
которые и ныне, не устав,
могилы ищут сыновей погибших;
тех вспомнила, кого увез состав,
и тех, кто горе знает не из книжек.
...И этот хлеб— он как войны поэма,
дольше не законченная;
хлеб—
о горе память,
перед нею все мы
в долгу навеки. И забвенья нет.

Перевел с таджикского Сергей КАРНЕЕВ.

Тайга осенними протуберанцами
с рассветом вспыхивает в окне.
Прораб спросонок кричит у рации,
весь в нетерпении, как в огне.
Радиоволны в железном коробе,
не умищаясь, бунтуют кобрами,
зелено-красные их глаза
поют на разные голоса:
«К вам едет Прохоров. Груз при нем.
Прием!»...
Прораб прорвался, угрюмя брови,
в эфир, как путник в отель без брони.
Но за болотами в Чебунтане
хранит молчание кабинет.
Его хозяин— на чемодане,
в кармане деньги, в руках билет.
На совещанье
спешит начальник.
Прораб в отчаянье,
не спит ночами:
вопрос горячий о котлопункте
на языке, как на катапульте.
Но связь с конторкою мехколонны,
как с Петропавловском из Коломны.
Лишь суетливо трещит эфир
от говорливых людей и фирм:
«Пришлите лезвий, беда с бритьем.
Прием!»...

Басы жужжат, как авто по трекам.
Вдруг сладкий дискант:
«Ответьте рекам!»
В эфир, помехами-проскрежещенный,
«Ответьте рекам!»—взывает женщина.
Ах, кто ж вы, женщина-имярек,
ответьте лучше, с каких вы рек.
Где вы купались? В Оби? В Тоболе?...
На кнопку палец нажал до боли.
В оконных рамках лишь автогрейдеры...
В глазах прораба огни над рейдами,
оркестры палубные,
уста напалмовые,
он лаской редкой обременен...
«Ответьте рекам! Прием! Прием!»
А что из хмурой тайги ответишь?
Что за простои тебя честят?
Что с трассы в сторону не отъедешь?
Что мозг свихнулся на запчастях?
А дискант тоненько кукарекал:
«Ответьте рекам! Ответьте рекам!»
Хотелось, голову очертя,
все эти реки послать к чертям,
но тут... начальник—про настроение.
Пришлось спокойно сказать ему:
«Вот с запчастями у нас трагедия.
А настроение?
Как в Крыму!»

Красноярский комбайновый

Мне все знакомо здесь до щелочки,—
входи в метизный, в механический,
вдыхай знакомый запах щелочи,
в кузнечном—грохот вулканический,
лови лоснящиеся поручни...
И я вхожу, и я ловлю...
Но где же он, тот самый сборочный,
который памятью люблю?
Огромный зал не разгорожен,
свет яркий, как салютный залп.
А я незнаем огорошен,
мне внове этот длинный зал.
Он бел, как праздничный, как бальный,
оркестром—сборка там и тут.
Чредой конвейерной комбайны,
как в полонезе, вдаль идут...
А рядом—чех моей надежды,
где сдал впервые на разряд.
Мой механический!.. Но где ж ты?
Их не один. Их сразу ряд!

Я оробел, как ископаемый,
проникший в следующий век.
Ты Красноярский ли комбайновый?
Ответь, как честный человек.
А мне в ответ—поточных линий
стальная слаженность и сложность,
и солнечный ливень литый,
и плавки плеск, и жар изложниц...
Завод, родства хранили нить
мы два десятилетия ровно...
Ты стал громово говорить,
ты начал мыслить электронно.
Пусть не найду былых примет,
мне каждый камень здесь доложит,
что старше я на двадцать лет.
Но ты... на двадцать лет моложе!
В КБ рождалось сто забот.
Прокатом кузница басыла.
Я не узнал тебя, завод,
но снова полюбил. Спасибо!

Джафар ЧУЯКО

Талая вода

По горным тропам до луны
Овец гоняют чабаны,
Бредут в туманном месиве,
Чтоб овцы больше весили.
И к ледникам, усталые,
Приводят наконец
Поить водою талою
Баранов и овец.
Ученые приметили:
Бывает иногда
Причиной долголетия
Подснежная вода.
Качаясь от усталости,
Смывают пот с лица:
— Пускай живет до старости
Кавказская овца!
И веселей и звонче,
Чем ручейки в горах,
Хохочут парни до ночи,
А эхо—до утра.

Веселый дождь

Проходит дождь на цыпочках
По лужам вдоль реки,
В сырой суглинок выпачкать
Не хочет каблукки.
Ступает, еле капаля,
Задумался.
Поник.
А ветер ветки лапою
Трясет за воротник.
Роняют в луг некошениый
Красавцы тополя
Прозрачные горошины
Живого хрустала.
Мне торопиться не к кому.
Я здесь один
И весь.
Ловлю дождинки веками,
Как мячики с небес.
Слеза первоначальная
Исчезла—
Не найдешь:
В глаза мои печальные
Пришел веселый дождь.

Два ручейка

Два ручейка,
Бежущие по склонам,
Журча дотопле
Каждый о своем,
Вдруг сознают,
Что им в краю зеленом
Светлей и чище
Дышится вдвоем.

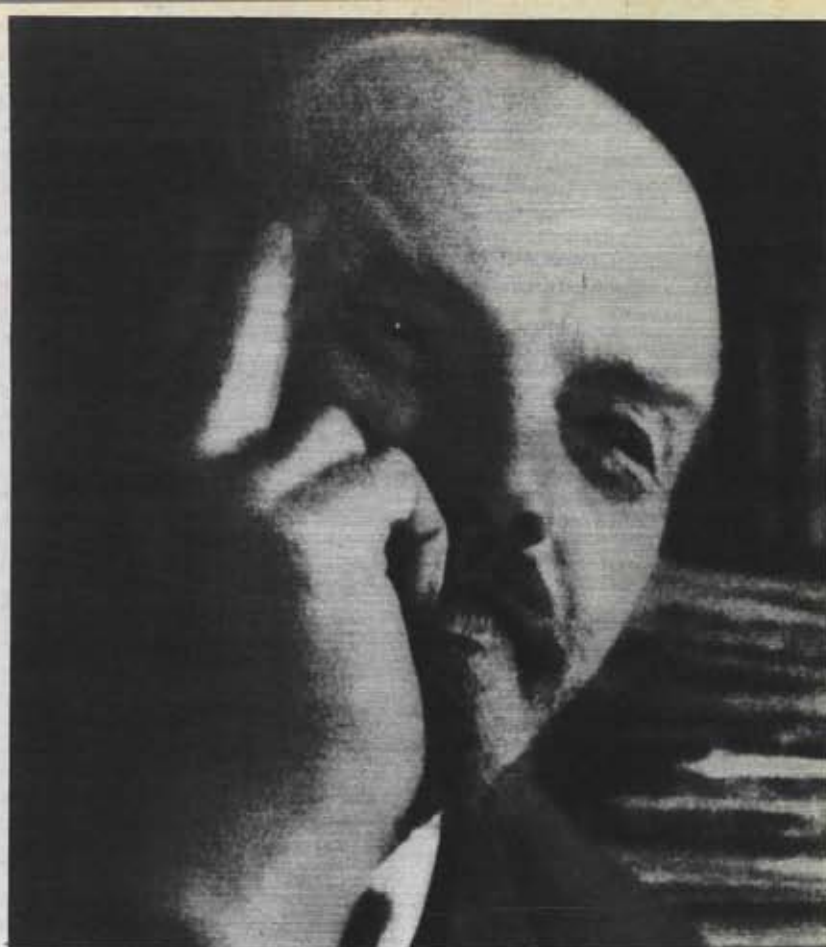
Что между ними
Сладостней прохлада,
Что им,
Преодолевшим валуны,
Совсем не страшно
В пену водопада
В обнимку падать
С каменной стены.

И в тонкий миг
Слиянья в русле новом
Они проникнут
В таинство земли,
Которое,
Владеющее словом,
Мы до сих пор
Постигнуть не смогли.

Перевел с адыгейского Василий СУББОТИН.

**С нами говорит Ленин.
К 110-й годовщине со дня рождения**

**Валентин ЧИКИН,
лауреат премии
Ленинского комсомола**

В. И. ЛЕНИН В СВОЕМ РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ В КРЕМЛЕ. 1920 Г.

“ПРИЕЗЖАЙТЕ СНОВА...”

Слово о мечте

ТАКИМ увидел ленинское лицо Герберт Уэллс в солнечный октябрьский полдень на третьем году революции. И, можно сказать, нашел самые емкие слова, определяющие выразительный образ этого снимка, — кремлевский мечтатель. Уэллс сказал это несколько позже, осмыслив все содержание своей беседы с Лениным; а в тот миг, когда американец Уигфрид Хемфриз, подозрительно принимаемый писателем за работника Наркоминдела, нажал на рычажок своего громоздкого фотоаппарата, он был еще полон категорических предубеждений...

КО ВСЯКИМ предубеждениям, которые вполне естественны для избалованного славою буржуазного писателя, — Уэллс к этому времени уже написал самые популярные свои романы — «Машина времени», «Человек-невидимка», «Война миров», — ко всяким предубеждениям, приготовлениям «к схватке» с «марксистским начетчиком» добавилось раздражение, вызванное утомительной подготовкой к встрече.

Несколько дней назад Горький позвонил из Петрограда и попросил выкроить времячко для своего давнего лондонского друга — полтора десятка лет знакомы, — который с сыном гостит теперь у него; посмотрелся на руины монархии, послушался больших разговоров питерской интеллигенции и очень настаивает на свидании с Лениным... Что ж, пожалуй, готов откровенно объясниться с придирчивым джентльменом, будь он даже самим апостолом фабианства. Предупредил сотрудников, стал поджидать.

А бедняге-фантасту, измыслившему некогда всемогущего Путешественника во Времени, пришлось свершить весьма тривиальное, даже тяжелое путешествие в пространстве — по российским просторам необъятной послецаристской разрухи. В провозчатые дали матроса,

который единственно что умеет — напиться чаем из реквизированного где-то серебряного чайника; столицы же вовсе не знал и часами водил, сбиваясь, по московским улицам, размахивая злополучным чайником. Вдобавок ходатаем насчет встречи почему-то стал американец, плохо говоривший по-русски. И даже в Кремль, в Совнарком, Уэллса вели через все мыслимые и немыслимые препоны.

Переступив порог кабинета, англичанин при всей своей корректности зорко схватывает всю обстановку — библиотечный шкаф во всю стену, кипы документов на журнальном столике, светлые окна на кремлевскую площадь, огромный письменный стол, загроможденный книгами и рабочими бумагами; изучающе вглядывается в хозяина кабинета... («Приятное смугловатое лицо с быстро меняющимся выражением, живая улыбка..., щурит один глаз... — отмечает про себя первое впечатление автор будущей книги. «Россия во мгле»... Он не очень похож на свои фотографии... Один из тех людей, у которых смена выражения гораздо существеннее, чем самые черты лица».) Усадив гостя справа у стола, Владимир Ильич придвигается с полной готовностью всецело включиться в разговор. Что, собственно, господина Уэллса интересует больше всего, какой главный вопрос? («Он превосходно говорит по-английски», — фиксируют отомобилизованные посты писательского внимания.) Главным образом хотелось бы прояснить, как «мистер Ленин» представляет себе будущую Россию, какое государство он стремится построить?

Разве не ясно, что России надо воссоздать заново! И перво-наперво коренным образом реконструировать промышленность. Имеет ли представление уважаемый английский писатель о том, что уже делается для электрификации России? Закладывается строительство крупных электростанций, которые будут давать целым губерниям энергию для освещения, для транспорта, для фабрик и заводов. (Говорит «быстро, с увлече-

нием, совершенно откровенно и прямо, безо всякой позы, как разговаривают настоящие ученые». Слегка жестикулирует, «протягивая руки над лежащими на его столе бумагами».)

Но это ведь утопия — электрификация. А «мистер Ленин» как подлинный марксист отвергает всех «утопистов»; так позволительно ли ему так размахтаться? Владимиру Ильичу трудно скрыть усмешку, лукавые искорки в глазах выдают...

ПОЧЕМУ это все так неусыпно пекутся о некоем интеллектуальном аскетизме правоверных марксистов: не отрываются от земли, не поднимают головы от факта, не загадывая, не заглядывая, не мечтая...

Еще четверть века назад, еще до уэллсовской «Машины времени», когда русские марксисты вели исторический спор с народниками, когда с позиции экономического, политического реализма обстреливали они утопические построения «друзей народа», идеализировавших крестьянскую общину, — даже тогда, в первой своей книге, 24-летний Ленин считал нужным защитить право марксистов на живую мечту об идеале, право борьбы за этот идеал. И как нельзя кстати вспомнились тогда слова Маркса, 24-летнего Маркса, критиковавшего гегелевскую философию права: «Критика сорвала с цепей украшавшие их воображаемые цветы не для того, чтобы человечество продолжало нести эти оковы в их форме, лишенной всякой фантазии и всякой радости, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком». Это ли не символ мечты о настоящей радости! А те самые «друзья народа», что уповают лишь на «доброту», «сознательность» органов буржуазии, обвиняют марксистов в механицизме, в примитивном «желании выварить мужика в котле...». «Топырчатся же подобные слизняки толковать о безыдеальности социал-демократов!»

На пороге века правоверные марксисты, решительно преодолевая ползучий

оппортунизм «экономистов», преклоняющихся перед стихийностью рабочего движения, создавали революционную партию, руководимую передовой теорией, выполняющую роль передового борца. Они мечтали тогда о постоянной армии испытанных бойцов, о социал-демократических Желябовых, о русских Бебелях, которые стали бы во главе этой армии и подняли весь народ на борьбу с царизмом.

«Надо мечтать!» — этим волнующим призывом начинается «лирическое отступление» в книге партийных основоположений «Что делать?», его нельзя здесь не припомнить: «Написал я эти слова и испугался. Мне представилось, что я сижу на «объединительном съезде», против меня сидят редакторы и сотрудники «Рабочего Дела». И вот встает товарищ Мартынов и грозно обращается ко мне: «А позволите вас спросить, имеет ли еще автономная редакция право мечтать без предварительного опроса комитетов партии?». А за ним встает товарищ Кричевский и (философски углубляя товарища Мартынова, который уже давно углубил товарища Плеханова) еще более грозно продолжает: «Я иду дальше. Я спрашиваю, имеет ли вообще право мечтать марксист, если он не забывает, что по Марксу человечество всегда ставит себе осуществимые задачи и что тактика есть процесс роста задач, растущих вместе с партией?» — вот как грозно ставился вопрос тактичными людьми, лидерами «экономизма», еще задолго до английского фантаста. — «...У меня мороз подирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева».

В середине 60-х годов, вслед за поразившими читающую публику «Реалистами» Писарева, публикуется его глубокое исследование толстовской трилогии, героя которой, Николая Иртеньева, критик помещает в свою систему новых людей, восходящую от Рудина и Печорина к Базарову. У него возникает потребность порассуждать о союзе и разладе между мечтой и действитель-

ностью, о мечте деятельной, побуждающей, и мечте расслабляющей, наркотической. Здесь-то, в этом обстоятельном размышлении авторитетного реалиста и находит надежное прибежище правоверный марксист от грозных вопросов ортодоксов-практицистов. Какие же положения представляются ему наиболее важными в обширной главе писаревских рассуждений?

«Разлад разладу рознь... Моя мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека... В подобных мечтах нет ничего такого, что извращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсем напротив. Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забежать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками,—тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни... Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно».

Уж одно это дает основание для мобилизующего партийного призыва: «Надо мечтать!».

У порога века несбыточной, даже нелепой мечтой казался сам лозунг «долгой самодержавие!», но минуло всего пять лет, революционная пламя охватило всю страну, и в неизбежном ниспровержении самодержавия уверовали самые неверующие.

И что же, непрерываема стал авторитет мечты в социал-демократическом движении? Отнюдь. Малоудаче и осторожности, рутинности и ограниченности воздвигают на ее пути еще больше преград. Слово «мечтатель» становится чуть ли не бранным в лексиконе даже такой романтической личности, как Плеханов: Ленин — мечтатель, он фантазирует программы для хорошего исхода; нет, ты вот напиши-ка для худого исхода, сделай так, чтобы твоя программа была подкована на все четыре ноги... Ну, а профессиональные скептики, законченные филистеры, убежденные хвостисты — о них и говорить не приходится. На поверку их пугает даже и осуществление программы-минимум с участием простого народа. «...Они инстинктивно шепчут: чур меня, чур меня! да минует меня чаша революционно-демократической диктатуры! как бы не погибнуть! господа! вы уже лучше «медленным шагом, робким зигзагом»!».

Какова же позиция революционного социал-демократа, правоверного марксиста в критической ситуации ограниченных возможностей?

«Он будет мечтать,—он обязан мечтать, если он не безнадежный филистер,—о том, что после гигантского опыта Европы, после невиданного размаха энергии рабочего класса в России,

нам удастся разжечь, как никогда, святильник революционного света перед темной и забытой массой, нам удастся,—благодаря тому, что мы стоим на плечах целого ряда революционных поколений Европы,—осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей держащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся,—тогда... но мы успеем еще не раз поговорить о том, что мы сделаем «тогда», поговорить не из проклятого женева далека, а перед тысячами собраниями рабочих на улицах Москвы и Петербурга, перед свободными сходами русских «мужиков».

Когда же все это осуществилось, когда Россия перешла за вершину Октября и штурмующие небо мечтатели вдруг почувствовали себя беспомощными перед лицом новой реальности, перед непростоими задачами созидания, их стали вышучивать как фантазеров. Он же, Ленин, брал их под защиту. Да, мол, «...таких фантазеров в нашей среде было немало. И ничего тут нет особенно худого. Откуда же было в такой стране начать социалистическую революцию без фантазеров?»

Однако марксисты, тем более правоверные, никогда мечту, фантазию не апологетизировали. Прав Писарев: мечта мечте рознь, и всякий разлад с действительностью может по-разному влиять на ход событий. Радикальный мыслитель и критик даже мечту утописта при всем величии ее разладе с жизненной практикой не находил вредной или опасной ни для самого мечтателя, беззаветно влюбленного в идею, ни для человеческого общества, которое он стремится пересоздать...

Стоп! Тут переспросим еще раз: всегда ли утопия — безобидное порождение чьей-то фантазии? Действительно ли воздушные замки не могут быть помехой? Можно сказать: да, если это достойное, удел чудачков и подвижников. Но что можно сказать, если утопия становится фактором политики?

«У» — по-гречески «не», «топос» — место. Утопия — место, которого нет, плод фантазии, вымысел. В политике это — неосуществимое, беспочвенное пожелание; и когда на нем настаивают, когда оно своей внешней привлекательностью оказывает влияние на массы, тут уж возникает явная опасность, тут угрожает бедствие.

На пути большевиков к Октябрю камнем преткновения в этом смысле явился два рода политических утопий — утопия либеральная и утопия народническая. Либералы выдвигали теорию мирной победы русской демократии — этакое мечтание о том, как бы одолеть ярых реакционеров, не нанося им поражения. Утопия особенно вредна была тем, что развращала демократическое сознание масс. Народники же отстаивали мечтание мелкого хозяйчика об уничтожении наемного рабства без классовой борьбы. Пока страна переживала эпоху буржуазных преобразований, утопия народников играла своеобразную историческую роль; когда же встал решающий вопрос об экономическом освобождении для России, эта утопия оказалась не менее вредной, чем утопия либералов. Она развращает социалистическое сознание масс, хотя и проявляет симптомы их демократического подъема.

Верно подмечено фабианцем-фантастом: марксисты решительно отвергают утопии, но они в то же время заботливо выделяют из шелухи, скажем, тех же народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма.

Так что надо мечтать! И без утопий!

НО РАЗВЕ не утопия, не сверхфантазия проект электрификации огромной равнинной страны, покрытой лесами, с почти угасшей промышленностью и торговлей, населенной неграмотными крестьянами?..

Позвольте, почему ж сверхфантазия? Социальный прогноз, инженерный расчет! Ведомо ли гостю — сто лучших российских энергетиков многие месяцы работают над техническим обоснованием проекта электрификации. Примерно год назад в этом же кабинете состоялся один действительно «мечтательный» разговор со старинным другом, испытанным революционными бурями, товарищем, талантливым инженером Кржижановским: обсудили реально складывающиеся проблемы энергоснабжения, топливные перспективы, поразмыслили о реальной базе электрификации.

Условились с Глебом Максимилиановичем, что в обстоятельной статье он обрисует реальную и современную базу для восстановления промышленности, для организации труда социалистическому. Статья получилась великолепная. Возникла мысль о целом цикле — ощущалась необходимость в проектах с размахом, с загадом. Но потом попросил Кржижановского к специальному хозяйственному разговору добавить план! Не технический, а политический, государственный, а также вполне научно обоснованный — этакое задание пролетариату: нарисовать ясную, яркую перспективу: «за работу-де, и за десять — двадцать лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической».

Образованная в начале года государственная комиссия, объединившая теоретиков и практиков — от именитых ученых до электромонтера, — работает с таким энтузиазмом, в таком напряженном режиме, с такой изобретательностью, что повседневно захватывает и самого Предсовнаркома. Совершенно предметно стали изучать применение электричества в народном хозяйстве, не оставляя без внимания какого-нибудь доклада о работе электричества на американской ферме, за забывая расспросить агронома, изучавшего западноевропейский опыт, — не приходило ли видеть вспашку земли с помощью электричества... А уж рождение первенцев электрификации — под личным неусыпным контролем.

Теперь уж план ГОЭЛРО почти готов с обоснованиями, проектами, картами — сам перечень материалов, говорят, составит не менее двухсот пунктов. Все это будет изучено членами ЦК, ВЦИК, по необходимости, скорректировано и затем рассмотрено самым широким народным представительством — съездом Советов. Скоро вот съедутся две с половиной тысячи делегатов с последних фронтов и из глухих деревень, из голодных городов и полуопустевших заводов; соберутся в холодном пятиарусном зале Большого театра, будут пристально вглядываться в огромную карту родной своей земли, расцветившую кружками и окружностями грядущих энергосистем, и будут жадно впитывать эту самую «энергетическую утопию». Счастливый Ленин встанет перед залом, поднимет над головой томик с

планом ГОЭЛРО — плод выношенных идей, выверенных исканий, самый верный залог реальности своей дерзкой мечты, и скажет:

— Я надеюсь, что вы этого томика не испугаетесь. Я думаю, что мне не трудно будет убедить вас в особенном значении этого томика. На мой взгляд, это — наша вторая программа партии... Эта программа каждый день, в каждой мастерской, в каждой волости будет улучшаться, разрабатываться, совершенствоваться и видоизменяться. Она нам нужна, как первый набросок, который перед всей Россией встанет, как великий хозяйственный план, рассчитанный не меньше чем на десять лет и показывающий, как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма... Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Обоих собеседников, сдвинувшихся у края стола, будто окутывает некая дымка увлекательных видений, они едва замечают присутствие других. Но в настороженных глазах сдержанного гостя еще поблескивают льдинки сомнений, еще мелькают насмешливые искорки. Позже он признается:

— В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссе прорезают всю страну, как поднимается обновленная и счастливая индустриализованная коммунистическая держава. И во время разговора со мной ему почти удалось убедить меня в реальности своего провидения.

Дар провидения, дар мечты... Ничего сверхъестественного и загадочного; все определяется существом идеала, ясностью и силой убеждения.

ФАНТАКТ, певец технического чуда, в конце концов, может допустить, что и пустынные российские пространства станут доступны для технизации, как, скажем, уютная, давно обжитая Голландия. Но за счет каких интеллектуальных ресурсов, на какой социальной базе?

— И вы возьметесь за все это с вашими мужиками, крепко сидящими на земле? — нажимая на интонацию сомнения, допытывается Уэллс.

Разумеется. Будут, конечно, и свои особенности в этом процессе обновления. Но ни один социалист в мире не отрицал того, что созидание коммунизма пойдет по-разному в странах крупного земледелия и мелкого. Полтора года назад на партийном съезде встал вопрос о решающей фигуре российской деревни, о среднем крестьянине, о том самом, что крепко сидит на земле. Он отчасти собственник, отчасти труженик, с помещичьих времен напуган крупным хозяйством, где был всего лишь батраком. Он практик и реалист, на конкретном опыте убедится, что «коммуния» лучше всего...

(«Говоря о крестьянах,—отмечает писатель,—Ленин наклонился ко мне и перешел на конфиденциальный тон, как будто крестьяне могли его услышать».)

Господин Уэллс может не сомневаться, деревня изменится до неузнаваемости. Уже сейчас кое-где существует крупное сельскохозяйственное производство. Со временем таких хозяйств будет становиться все больше и больше. И политика тут, как определил ее партийный съезд,—не форсировать, не командовать, а «...учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю» и

убеждать практическими успехами. Среднее крестьянство только тогда будет на нашей стороне, когда мы облегчим и улучшим экономические условия его жизни. И тут опять хочется пометать, как мечталось на съезде.

— Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинами (вы прекрасно знаете, — предупредил делегатов, — что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т.е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы, или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их доставить...

Успехи хозяйственного возрождения и социалистического обновления надо прямо связывать с тем, насколько прочно опираемся мы на достижения науки. Ленин сам принимал непосредственное участие в продвижении многих ценных начинаний — будь то радиотелеграфное строительство или использование горючих сланцев, тепловозостроение или орошение голодных степей, организация сельскохозяйственной выставки или исследование Курской магнитной аномалии. Советские заботились о государственной организации науки. Даже в первые два тяжелейших послереволюционных года создано более ста научных учреждений. Многие ученые мировой известности горячо откликнулись на голос революции, посвятили служению ей свои таланты.

Да, Узлс может засвидетельствовать: в Петрограде, в старинном дворце бывшей великой княгини, где теперь открылся Дом ученых, он встречался со многими представителями советской науки — с нобелевским лауреатом, физиологом Павловым, знаменитым астрономом Белопольским, геологом Карпинским, востоковедом Ольденбергом... Они поразили своим воодушевлением. Столько было задано настоящих вопросов о последних достижениях научной мысли за рубежом, что популярному фантасту нередко приходилось разводить руками и стыдиться своего невежества. Зато теперь он привез в Лондон кое-что из русских новинок, и в частности эффективный метод лечения туберкулеза. Блокада капиталистических стран, однако, очень мешает нормальному развитию многих направлений мировой науки.

Владимир Ильич убежден: чем скорее будут созданы идеальные условия для каждого талантливого ученого, инженера, изобретателя, тем энергичнее и полнее будет осуществляться прекрасная мечта — соединить творческий поток научно-технической мысли в прочный союз с творчеством социальным, с развитием нового общественного строя.

В СПОРЕ о будущем, сопоставляя мечту с действительностью, английский романист доказывает: большевикам-де придется не только искать рациональные технические решения; перестроить не только материальную организацию общества, но и образ мышления целого народа; надо преодолеть старые привычки и традиции, косность и индивидуализм; чтобы построить новый мир, нужно сначала изменить психологию людей.

Нет смысла спорить: что «сначала» — все-таки бытие определяет сознание. Но справедлива мысль: перед большевиками стоит решающая задача — воспитать нового человека. Они это великолепно сознают, они уже кое-

что делают... Только закончился III съезд РКСМ. Ленин был на нем и обратился к организаторам юношества с самой проникновенной своей речью — именно о воспитании нового человека, о задачах в связи с этим союзов молодежи.

Уже первые строители коммунистического общества должны учиться, овладевать не легковесным багажом, а всей суммой человеческих знаний. Не книжно, не начертнически, а в работе, в борьбе постигать истины коммунизма. Без принуждения, без муштры ставить сознательную дисциплину, утверждать коллективистские формы труда. Работать по общему плану, на общих фабриках и заводах, развивать промышленность, земледелие по последнему слову науки, на современной технической основе. Строить новую культуру не на сомнительных лабораторных открытиях, а из духовных богатств человечества. И утверждать — вот центральный вопрос — новую мораль, коммунистическую нравственность. А что это такое?

Уясним: внеклассовой, внечеловеческой морали не существует, из каких бы «велений бога», идеалистических или полумидеалистических «откровений» ни исходили моралисты; господствующая мораль определяется системой общественных отношений. «Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата», она «объединяет трудящихся против всякой эксплуатации», новая мораль утверждает себя в борьбе с пережитками старой морали, которая может принимать вроде бы самые безвинные формы, но от этого не перестает быть грабежом чужого труда.

Новое, коммунистическое воспитание должно состоять не в оболыщении молодежи усладительными речами и правилами о нравственности, а в борьбе против эксплуататоров, против згоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят: я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне дела нет. Благо коммунизма с неба не сваливается. Это нужно заработать, выстрадать, создать. Таким образом, в основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма, нравственность служит для того, «чтобы человеческому обществу подняться выше».

Это, конечно, еще мечта о новом человеке, но это — уже и программа для сотен, сотен тысяч молодых людей... Интересно, удалось ли английскому путешественнику повидать что-либо из сделанного в области просвещения? Тот с похвалой отзывался о некоторых вещах, наблюдая за выражением ленинского лица («Он улыбнулся, довольный. Он безгранично верит в свое дело»), и тут же замечает:

— Но все это только наброски, первые шаги...

— Приезжайте снова через десять лет и посмотрите, что сделано в России за это время.

И вот резюме фантаста-скептика:

— Встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признает колоссальные трудности и сложность построения коммунизма и безраздельно посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. Он, во всяком случае, видит мир будущего, преобразенный и построенный заново.

... Чтобы человечеству подняться выше — вот смысл ленинской мечты, а ее истинная природа — созидательная деятельность.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 6 (1268) МАРТ 1980

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
В ИСПЫТАТЕЛЬНОМ
ЗАЛЕ ВАЗа.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ.

Репортаж
«Запас прочности»
на 16-й странице

- 1 С НАМИ ГОВОРIT ЛЕНИН.
К 110-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ.
Валентин ЧИКИН. «ПРИЕЗЖАЙТЕ СНОВА...».
- 4 РАБОЧАЯ ПОВЕСТЬ «СМЕНИ».
Вера ДОРОФЕЕВА, Виль ДОРОФЕЕВ.
НЕПРОСТЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.
- 7 «ОТ КОГО ЗАВИСИТ СЧАСТЬЕ?»
Обсуждение очерка «ЛИШАЕТСЯ РОДИТЕЛЬСКИХ
ПРАВ...».
- 9 Рассказ Станислава РОМАНОВСКОГО
«ЖЕНЩИНА С АКВАРИУМОМ».
- 12 Евгений ВЕЛИХОВ,
вице-президент Академии наук СССР.
«УПРАВЛЯЕМОЕ СОЛНЦЕ».
- 14 МАРТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 16 Станислав ЗИГУНЕНКО, Владимир ЧЕЙШВИЛИ.
«ЗАПАС ПРОЧНОСТИ».
- 18 ОЛИМПИЙСКИЙ ТУРНИР ЗНАТOKOВ. Второй тур.
Юрий НАГИБИН.
«И ВОЛЯ СЛУЧАЯ И СОБСТВЕННАЯ ВОЛЯ».
- 20 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
Игорь КОНСТАНТИНОВ.
«ЗДЕСЬ РОЖДАЕТСЯ ВЕТЕР».
- 22 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Роман Жана АРНО «СОЖГИТЕ ВСЕХ!».
- 24 ОЛИМПИЙСКИЕ ЭСКИЗЫ.
Сергей БЕЛОВ, чемпион Олимпийских игр 1972 года,
заслуженный мастер спорта.
«МЕЧТА, ОДНА НА ВСЕХ».
- 26 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 32 Юмористический рассказ Кирилла КОВАЛЬДЖИ
«ИДИТЕ К ЗУБНОМУ ВРАЧУ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Г. Сорокин. Технический редактор Л. И. Курькова.

Вера ДОРОФЕЕВА,
Виль ДОРОФЕЕВ

В предпосредственную неделю на стройке с тяжелым бетоном было туго. На заводе гнали в основном обычный раствор. Он был нужен всем. И бригадир Жора Фоменко, словно клещами, вытягивал из начальства распоряжение, чтобы с тяжелым бетоном не было задержки. Всем в бригаде очень хотелось закончить перекрытие на рентген-камере до сдачи первой очереди. Наверное, своими просьбами и требованиями надоел он в эти сумасшедшие дни, и начальник СМУ с торжеством и злорадством, а может, Жоре это только показалось, пришел в разгар рабочего дня на рентген-камеру и сказал:

— На кого из звеньевых оставишь бригаду? Ты включен в делегацию передовиков Ростовской области. Поедешь в Ленинград...

— Не поеду!

Брови начальника СМУ от удивления поползли вверх.

— То есть как это «не поеду»? Ему честь, ему почет. Со всей стройки считанные люди...

Фоменко переводил взгляд с одного на другого, пытаясь как-то передать им свою убежденность, свою горячность. Стоявшие перед Фоменко встречали его взгляд с насмешкой. Но вот невысокий парень в шапке с незавязанными ушами спокойно встретился с Фоменко взглядом, не отвел глаза, а упорно продолжал смотреть на него, нового бригадира. — начальство, пусть малое, кивал головой, без подхалимства, с достоинством, свойственным гордым и сдержанным людям. Позже Фоменко узнал его имя: Хусен Хазарович Дударов, сокращенно Арсен, в прошлом шофер из-под Грозного.

Каждый год первого июня суждено теперь Арсену проводить ночь без сна. Каждый год, сколько осталось жить ему, в эту ночь память будет прокручивать один и тот же «фильм», наполненный нелепыми случайностями, трагический в своем ходе, где нет правых и виноватых, но есть смерть одного, изломанная судьба второго и зрелая черешня на полотне шоссе, сочную мякоть которой впечатали в асфальт рубчатые протекторы машин.

В тот вечер начальник автоколонны сказал Арсену:

— Горим с планом. Нужны трубы. Не приказываю... прошу, как ударника коммунистического труда... Как будущего руководителя... После автодорожного техникума ты ведь тоже возглавишь колонну... Как хорошего парня, наконец. Выручай. Дорога — люкс. Сам знаешь — трасса: Ростов — Баку. За три часа обернешься? Поднажми!

И Арсен жал, торопясь домой по хорошо знакомому пустынному в это время шоссе. Запахи обширных садов врывались в открытое окно кабины волнами: яблоки, персики, груши... Приближалась станция Троицкая, знаменитая в крае своими черешневыми садами.

Хлесткий выстрел сторожевой берданки перебил ровное гудение мотора. И от изгороди колхозного сада, высвеченные

БРИГАДИР ФОМЕНКО
И ЗВЕНЬЕВОЙ ПРАСКОВ.

Фото Юрия УСТИНОВА

— А где начальство? Лозунги для нас — отдых для бригадира?

И хотя руки, мысли Арсена были заняты работой, а рубашка под фуфайкой взмокла от пота, знакомая боль, сосущая, бестелесная, вернулась к нему опять.

Судьба его вроде определилась, не на месяц-два, на годы. Здесь ему жить, работать. Он укрепился в этом решении сегодня, когда они стояли толпой в простреливаемом стылем ветром котловане. Один из ребят сказал Арсену, что шагнул вперед потому, что надоело мерзнуть на ветру — чего доброго еще ноги отморозишь — и слушать прописную болтовню. Но Арсен-то поверил убежденности бригадира...

Они заканчивали свой вагончик, когда на пяточок подкапал автобус. Из него вышел бригадир, неся на плече два пакета, обернутых в несколько слоев газеты. Фоменко прошел в бытовку, где ребята сколотили нехитрые скамьи и примитивный стол, плюхнул свертки на столешницу и сказал Арсену:

— Собирай народ.

Кто-то явственным шепотом заметил:

— Опять будет речь толкать.

Бригадир сделал вид, что не услышал. Он молча развернул газеты. Два куска материи — голубой и желтый в цветочек — лежали на самодельном столе.

— Вот с трудом разыскал. Байка на портянки. Каждому по две пары, чтобы ноги не поморозить... — И, уже обращаясь персонально к Арсену, добавил: — Составьте список и разделите. Завтра выходим на фундаменты.

Перочинным ножом Арсен взрезал туго натянутый байковый край, с треском рвал по надрезу полотнище материала,

НЕПРОСТЫЕ ДОЖДА

— Не поеду. Не для того два года грязь месил, чтобы перед пуском уезжать... Опять же перекрытие...

— Я вам запрещаю работать на рентген-камере! Сейчас же домой, собираться в дорогу!

Начальник СМУ, резко повернувшись, зашагал по проходу. И уже в спину ему Жора повторил упрямо: «Не поеду!»

Вечером, когда Фоменко с Арсеном еще спорили, как сваривать арматуру в лобовой части перекрытия, Жору потребовали к телефону.

Голос комсомольского секретаря стройки глухо бился в мембрану: «Выезд из Ростова завтра. Документы доставят на квартиру».

Выслушав, Фоменко упорно повторил: «Не поеду!»

Он поднялся на рентген-камеру злой. Чувствовал: нажим крепчает. И раздражался еще больше, резче, чем обычно, продолжал спорить с Арсеном. Хотя Фоменко для Арсена в строительном деле был непререкаемым авторитетом, от резкого тона бригадира завелся и он. В разгар перепалки Фоменко бросил взгляд вниз. В пролете возле рентген-камеры, запрокинув голову, стояли второй секретарь горкома партии Юрий Викторович Чуродаев, заместитель секретаря парткома Геннадий Григорьевич Персидский и еще несколько человек. И Фоменко понял: ехать придется. Чуродаев атаку начал сразу:

— Что ж вы, Фоменко? Молодой коммунист, депутат, орденосец, бригадир передового коллектива, и заладили, как мальчишка: «Не поеду!» Конечно, обидно уезжать перед сдачей корпуса. Понимаем...

Секретарь горкома произносил все это медленно, с хрипотцой. Невооруженным глазом было видно: устал человек, вымотан до конца. В хлопотах перед пуском всем досталось. И ему и другим. Впервые за этот день испытал Фоменко неловкость за свое упрямо: «Не поеду!»

Ветер был шквалистым и злым, когда сумрачным февральским днем новоиспеченный бригадир Георгий Михайлович Фоменко на будущем первом корпусе принимал этап условно освобожденных из Ростова...

Жора стоял в котловане первого корпуса перед угрюмой толпой небритых людей, спрятавших иззябшие кисти рук в рукава телогреек и ежившихся на резком морозном ветру. Фоменко рассказывал, какой здесь будет завод, разъяснял, что предстоит сделать будущей бригаде плотников-бетонщиков, и вглядывался в этих людей, стараясь уловить в их лицах хоть малый отзыв. По документам Фоменко знал, что в основном это молодые: от 18 до 30 — оступившиеся всего лишь раз, но уже услышавшие, каждый, вескую формулу: «Именем Советской Социалистической Республики...»

до мелочей дальним светом фар, навстречу машине замечались пять мальчишеских фигур в рубашках, оттопыренных на животах ворованной черешней. Арсен рванул руль влево. Он еще ощутил грохот принайтованных труб по бортам и кабине, резкие удары баранки, свет чужих, растущих навстречу фар...

Как он выбрался из кабины завалившегося в кювет грузовика, Арсен не помнит. Стальной бампер его ЗИЛа как ножом пропорол передок «Волги», дойдя до сиденья, на котором покоился мертвый человек.

Потом затяжное следствие, пытались разыскать мальчишек. Нудные экспертизы, сбор характеристик и ходатайств и давящая тяжесть непроходящей вины: человек умер, хороший человек, известный в округе врач, любимый всеми. Изнурительный суд, пытающийся скрупулезно восстановить весь ход событий. Невнятные показания Арсена из-за гнетущего чувства вины. Долгие прения сторон и горестные глаза Фатымы, взгляд которых Арсен чувствовал стриженным затылком, спиной, когда конвой уводил его из зала суда.

В те первые недели самым трудным были ночи, долгие, без сна, с негаснущей лампочкой под потолком. Соседи по камере, натрепавшись за день о лихих похождениях и гулянках на воле, самозабвенно храпели. А к Арсену приходила боль. Боль вины и несправедности. Из-за этого Арсен отказался от кассационной жалобы, хотя адвокат очень советовал.

Боль вроде бы притупилась в колонии, начала отступать. Может быть, потому, что выкладывался Арсен днем на работе до конца, сколачивая тарные ящики, контейнеры. Боль возвращалась с новой силой в дни, когда они вязали чехлы для шампанского. Потому что это любимое вино Фатымы, и оно всегда стояло у них в доме на праздничном столе. В такие дни Арсен чувствовал с особой силой, что есть приговор, срок, сломанная, исковерканная жизнь.

И когда начальник сказал, что за ударную работу и примерное поведение Арсен будет освобожден условно и поедет на стройку, то испытал великую радость.

Сейчас он внимательно слушал невысокого человека, забыв о резком ветре, забывших руках и ногах. Когда Фоменко произнес, обращаясь к ним: «Или работать, или...» — бригадир запнулся, подбирая нужное слово, — или искать место, где не надо работать. Те, кто согласен, — шаг вперед», Арсен шагнул первым. Оглянувшись, увидел: вперед вышла половина прибывших.

Фоменко начал с вагончика и... портянок. Элементарных, байковых. Расставив людей по местам, определив задание каждому, назначив Арсена старшим, бригадир исчез... Они собирали бытовку, сколачивали щиты, стелили пол. И нет-нет да кто-нибудь бросал с издевкой:

заносил в ученическую тетрадь фамилии, имена и отчества ребят (так потребовал бригадир) и ощущал, как знакомая, давняя боль затихает, растворяется, уходит.

Глаз у бригадира оказался точным. Байки хватило на всех. Тютелька в тютельку. Последние две пары Арсен взял себе. И, накручивая новенькую байку на озябшие ступни, слушал негромкий разговор бригадира с человеком, который утром тоже был в котловане, когда Фоменко набирал бригаду.

— Значит, вы пойдете по ряду «Л-1». Свайные фундаменты. Высота ростверка — четыре с половиной. Механизация, сам знаешь, пока никакая. Но с твоим коллективом... С бытовкой вы вон как разделались.

— Это еще не коллектив. Вам ли этого не знать? Не первую стройку начальником участка. Нам бы хоть десяток энтузиастов-комсомольцев. Пусть неумелых, но с огоньком.

— На растопку, значит?

— Нет, для задора. Чтоб пар повалил. У этих-то тоже самолюбие есть.

— Будут и комсомольцы. Сам отберешь. Я чувствую, к тебе еще проситься будут.

— Твоими бы устами да мед пить.

Арсен давно перемотал портянки, надел сапоги. Ногам было тепло, уютно.

Как и остальные члены бригады, он понял, что такое их работа, на следующий день.

Все тот же леденящий ветер задувал снежную поэмку, смешанную с крупинками мерзлой земли, в котлован. Все то же бледно-стылое зимнее солнце с трудом пробивалось сквозь плотные облака. Но оно не замечали их ветра, ни холода, ни пасмурного света. Было просто некогда.

Под резкими порывами ветра щиты, сколоченные из сырых досок, были как живые. Они парусили, грозя вывернуть, размокнуть своей тяжестью кисти рук. Неровные края занозистой шероховатостью давили на ладони сквозь брезентовые рукавицы. И горячее ритмичное дыхание десяти человек, перемешанное в тесноте малого пространства, поднималось над ними белесым облаком пара. Бригада монтировала щиты опалубки под свой первый ростверк. Ни Арсен, ни Эльбрус Гусейнов, ни Тодфик Сулейманов, ни Коля Ершов даже не подозревали, каким тяжелым, вертким, неудобным может быть этот щит, сколоченный из сырых неструганных досок, хотя бригадир и расставил их так, чтобы тяжесть ложилась равномерно на каждого. По команде Фоменко они разом нагнулись и подняли этот парусящий щит. Рядом с Арсеном, так же сжав от усилий зубы, подпирая, выжимал медленно ползущий вверх трехсоткилограммовый щит бригадир.

Потом они, тяжело дыша, отдуваясь, дрожащими от недавнего напряжения пальцами, ломая спички, закурили. И

ЗАТЕЛЫСТВА

затягиваясь, смотрели вверх, где бригадир проверял, как закреплен только что поднятый элемент опалубки.

Когда Фоменко спустился вниз, Эльбрус Гусейнов отбросил недокуренную сигарету.

— Погоди, бригадир. Так корячиться — много не поработает. Тут автокран нужен.

— Не пойдет. Вынос стрелы короче. На такую высоту не поднять. Да и кто тебе его даст. Каждый механизм на счету.

— Так и корячиться?

— Взяли!

Второй щит вновь поплыл вверх. И опять Арсен услышал надсадное дыхание бригадира...

После обеда пришла первая машина с раствором. Когда шофер лихо, на самом краю развернул самосвал с еще задраным кузовом, бригадир опять же первым шагнул в чрево дощатого короба. Потом Михальч то и дело поднимался вверх, чтобы принять очередную машину. И учил, берясь то за лопату, то за вибратор, как ровнять раствор, как разгребать его ровным слоем, как двигаться по этому дышащему, словно живому месиву, и под каким углом погружать в него цилиндрическое рыло вибратора. В замкнутом пространстве пронзительно пахло влажным песком, деревом, сырой одеждой и потом. И они поочередно поднимались вверх покурить... Они вылезли вверх окончательно, когда короб на треть был заполнен тяжелым черным слоем уже хорошо уплотненного бетона. Мощные прожектора высвечивали щиты опалубки до гвоздей, ушедших по самую шляпку в разбухшие от влаги доски.

Со смаком вдыхая морозный воздух умиротворенного зимнего вечера, Арсен, Эльбрус, Коля Ершов, Тофик Сулейманов неторопливо поднимались по пологому спуску из котлована, направляясь к теплой бытовке, дивясь про себя неуемности и двуличности Михальча. Тот расставлял людей во вторую смену и объяснял что-то звеньевому Валентину Праскову.

Разомлевший в тепле, Арсен сидел на лавке, привалясь к стенке вагончика. Усталость минувшего дня и жар раскаленной спирали в самодельном электрокаmine сморили его. Арсен сквозь дрему слушал разговор Эльбруса Гусейнова с пришедшим из котлована бригадиром.

— Завтра опять мотать кишки на брашпиль, пупок рвать со щитами? — вопрос Эльбруса донесся до Арсена как будто издали.

— А куда денешься? Бетон без опалубки еще никто не укладывал.

— Как говорил капитан нашего парохода, — непродуктивная работа.

— Другой пока не предвидится. Одиннадцать ростверков. Умри, но сделай.

— Зачем умирать? Надо подумать.

— Думай! Но на технику вроде автокрана не рассчитывай. Никто не даст.

— А на лебедочку?

— Попробую раздобыть.

— А блоки?

— А как ты их крепить будешь?

— Ты когда-нибудь видел застывшее судно, бригадир?

— Видел, в Таганроге, в порту.

— Тогда так. Крепим штангу на манер корабельной стрелы и на нее блок. Бумага есть?..

Арсен с трудом разомкнул веки. Михальч с Эльбрусом сидели за дощатым, лишь вчера сколоченным столом напротив друг друга и попеременно чертили что-то в записной книжке бригадира.

— Нет, этот блок сюда не пойдет.

— А если такую комбинацию. — Эльбрус даже облизнул губы, быстро набрасывая чертеж. — Смотри... — Он снова подвинул раскрытую записную книжку бригадиру.

— Нет, вот так. — Фоменко точным движением что-то исправил в предложенной схеме и опять подвинул ее собеседнику.

— А ты хитрый, бригадир!

— Это почему же?

— Только не говори, что все это сейчас придумал. Такое враз не приходит.

— А я и не говорю. — Голос бригадира прозвучал по-иному, чем раньше. — Я еще вчера об этом думал и сегодня весь день.

— А почему корячился вместе с нами и молчал?

— Нужно было.

— Что нужно?

— А чтобы не только я, но и кто-нибудь из вас помозговал.

Ступни ног у Арсена натруженно ныли. Сил не было не только подумать о завтрашнем дне, а просто встать, натянуть шапку, застегнуть ватник и дойти до автобуса, который отвезет в общежитие.

...И настало утро — первое по-настоящему радостное для них на этой стройке. Они снимали щиты опалубки с первого ростверка. Стучали вразнобой топоры. Летели под зычный, предостерегающий клич Эльбруса «Полундра!» с пятиметровой высоты доски. И постепенно обнажались шершавые серо-белые облака бетонного монолита.

Бригадир в то утро задержался на планерке. Спустился в котлован, когда все они стояли возле оголенного ростверка, перекуривая и бросая:

— Значит, можем! Подходящая чушка!

Фоменко, оглядев радостные физиономии, только зло бросил:

— Рабочники! — И пошел к трем следующим коробам опалубки. Они потрусили за ним.

— Что случилось, Михальч?

— Что?! А это?! — Он кивнул на разбросанные, расщепленные доски, усеявшие пятачок возле обнаженного ростверка. — Зачем щиты расколотили?

— Дались эти щиты. В такой день!

— Какой день? Ростверка не видели? Так в соседнем пролете они тоже имеются. Сходили бы посмотрели.

— Так это же наш.

— А щиты?

— Да сколотим их тебе.

— Мне?.. Мне они не нужны. А вот вам...

— Ну, хорошо. Нам. Восстановим все в лучшем виде.

— А время? Через пятнадцать минут придет машина с раствором.

— Так после работы. Тут делов на полчаса.

— Сегодня день зарплаты. После выдачи — собрание бригады.

— В воспитательных целях?

— Нет, в разговорных. Чтоб попрактиковались свои мысли излагать.

Когда кассир привычным движением подсунил ему ведомость и усталым голосом обронил: «Распишитесь, отмечено галочкой», — руки у Арсена дрожали. Может, еще не отошли после вибратора...

С тех пор, как в сопровождении конвоя Арсен переступил порог суда, это были первые деньги, которые он держал в руках.

Крутя баранку в своем южном крае, Арсен всегда зарабатывал прилично. И легко относился к деньгам, трата их небрежно. Фатма частенько упрекала его за это. Сейчас червонцы тонким упругим свертком лежали в боковом кармане, и, казалось, он чувствовал каждый из них...

— Товарищи! — привычно начал бригадир и запнулся. Кроме него, Валентина Праскова и двух ребят, приехавших на стройку четыре дня назад по комсомольским путевкам, в вагончике все были условно освобожденными. И Фоменко вспомнил, как кто-то, когда они появились, заметил:

— Для вас они «граждане». Обращение «товарищ» должны еще заслужить...

Но одновременно вспомнил бригадир и те два, уже почти законченных ростверка по оси «Л-1», и четыре готовых короба опалубки, и упорное орудование лопатой Арсена, и спор о системе блоков с Эльбрусом, и samozабвенное лицо Коли Ершова, не пошедшего сегодня на обед, сколачивающего злосчастные щиты, тысячи кубов бетона, который приняли, уложили, уплотнили за две недели эти люди, бок о бок работающие с ним. Пусть пока неумело, но уложили...

А их походы на обед? Кто-нибудь из начальства непременно перехватит его, бригадира, по дороге в столовую. Но когда бы он ни пришел в этот наспех построенный барак, его всегда ждет поднос с заботливо укрытой, чтобы сохранить тепло, тарелкой супа. А их возвращение со стройплощадки домой? Ежевечерние, поздние, когда, оступив от напряжения, они задремывают в тепле автобуса друг у друга на плече?

Две недели назад он сам еще был в полной растерянности и зло бросил начальнику участка: «Двадцать человек — еще не коллектив». Но ведь и бетон застывает не сразу, а ложится плотным монолитом, когда его провибрируют.

Произнеси он, бригадир, сейчас протокольное «граждане», к которому они, наверное, привыкли, и порушится чуть заметная, такая хрупкая связь. И будет он, бригадир, и звеньевый Валентин Прасков, и эти двое, еще ничего не понимающие комсомольцы — сами по себе, а остальные, спящие общей бедой, уже станут жить по своим законам, своим порядком, приспособившись к обстоятельствам, внешне выполняя все его, бригадира, требования, но закрыв от него и других мир своих дум, забот наглухо. Вон какая тишина застыла сейчас в вагончике.

— Товарищи! — Фоменко произнес слово четко. — Две недели работы...

Бригадир говорил минут пять. Он перечислял огрехи и недоработки каждого. Помянул злосчастные щиты и частые перекуры. Отметил инициативу Эльбруса с блоками, упрекнул Арсена: недостаточно использует свой организаторский опыт. Фоменко не выбирал «душевных» выражений. И язык его был сух и официален, мелькали слова: «план», «объем», «кубы», «простои»... Но в них была и еще иная, высшая справедливость дела, причастность к которому ощутил каждый из двадцати.

— За две недели мы присмотрелись друг к другу. Думаю, пора избрать совет бригады. Какие будут предложения?

— А у вас, Михальч?

— Что — у меня?

— У вас какие будут предложения? — Арсен тяжелым, немигающим взглядом, как в первое промерзшее утро в котловане, смотрел на Фоменко.

— А никаких. Это совет бригады, а не совет при бригадире. Вам выбирать.

Фоменко сел. Ему очень хотелось назвать свои кандидатуры: Арсена, Эльбруса... Но Жора понимал: произнеси он хоть одно имя, и проба сил коллектива потеряет всякий смысл. Они, конечно же, выберут тех, кого он укажет. Проголосовать недолго. Но возникнет ли подлинный совет бригады?

ОТ КОГО ЗАВИСИТ СЧАСТЬЕ?

В № 22 за 1979 год был опубликован очерк Георгия Баженова «Лишается родительских прав...». Три истории, рассказанные автором, вызвали большой поток волнующих и заинтересованных откликов.

Поймут ли дети отца?

Хочу принять участие в дискуссии, начатой очерком «Лишается родительских прав...».

То, что виноваты в семейных драмах бывают не только мужчины, но и женщины,— общеизвестно. Но в данном очерке подчеркивается вина именно женщины. Я бы не назвала эти истории типичными, особенно первую, где рассказывается о женщине, оставшейся в детстве без родителей и воспитывавшейся в детском доме. Мне кажется, что женщину с такой тяжелой судьбой, как у Натальи, нельзя так сурово винить во всем случившемся.

Очень жаль, что муж Натальи так быстро от нее отступился. Может быть, он и является хорошим, заботливым отцом своих детей, но человеком хорошим я бы его не назвала. Его маленькие дети сейчас еще не все понимают в жизни — пока им нужны только хороший уход и игрушки. Но когда они вырастут и станут самостоятельными, поймут ли они своего отца?

Г. ЛЕОНТЬЕВА,
Киев

Падение

Честно говоря, мне поначалу не поверилось, что есть такие матери. Но как ни возмутительно их поведение, а факт остается фактом. Значит, всем нам нужно выявить причины этого явления: как могли появиться такие матери? Кто их воспитал такими? Ведь когда-то они учились в школе, были, наверное, комсомолками, да и сейчас, очевидно, работают в коллективе. Где и когда оступились они? Ведь не любить своего ребенка, бросить его на произвол судьбы, вообще забыть о том, что он существует на свете,— это слишком низкое нравственное падение для женщины. Суд наказал таких матерей по справедливости.

Я считаю, что одна из причин подобного антиобщественного поведения некоторых женщин кроется в упущениях, которые в свое время допустила в их нравственном воспитании школа. Давно пора ввести в школах уроки нравственности, уроки воспитания чувств. Девушкам уже с седьмого класса необходимо объяснять, что они — будущие матери, что они несут ответственность за детей, за будущее своей семьи. А это значит в конечном счете и за будущее нашей страны.

Альбина ЧЕРНАЯ,
пос. Нескучное, Калининской области

Благодарность

Вопросы, поднятые в очерке «Лишается родительских прав...», очень акту-

альны и касаются буквально каждого из нас. Даже тех, у кого благополучная семья — ведь нельзя же оставаться равнодушным, когда речь идет о судьбах детей!

Я хочу рассказать о хороших родителях — для того, чтобы горе-родителям было с кого брать пример.

В трудные послевоенные годы у Василия Николаевича Щербакова умерла молодая жена. Большое горе, но и еще большие заботы: ведь на руках у него остались маленькие сын и дочка. Не сломился отец под ударом судьбы, как мог воспитывать своих детей, пока не встретил женщину, которую полюбил. Поженились. И стала Вера Федоровна второй матерью для его детей. А через несколько лет родились у них еще двое, и на всех у матери хватало времени, для каждого находилось ласковое слово.

Прошли годы. Выросли дети, обзавелись своими семьями, разъехались по разным городам. Но никогда не забывают они свою мать, ту женщину, которая одарила их истинной материнской любовью и заботой. В каждом письме, в каждой весточке пишут: «Спасибо тебе, мама, за доброту и ласку, за лучшие годы, которые ты отдала нам».

P. S. Все это я написал о родителях моей жены. Скоро у нас родится второй ребенок, и мы с женой решили: если родится сын — назовем Василием, если дочь — Верой.

Виктор СТАНОТИН,
Нижний Тагил

Отец — тоже воспитатель

У меня двое детей. Сейчас они уже взрослые люди, и я могу спокойно сложить «оружие», которым обороняла их в детстве от всяческих бед и которым пыталась привить им все самое лучшее. Вся жизнь ушла на их воспитание без отца, и все-таки я не переполнена негодованием в адрес тех мужчин, для которых воспитание детей (или право на воспитание) — одно-два посещения в месяц с 26-копечной шоколадкой в руке да еще навеселе, в то время как матери приходится ежедневно и уроки проверять, и заботиться, чтобы ребенок был накормлен, и следить за чистотой отношений со сверстниками и сверстницами.

И все же я считаю, что мужчинам тоже можно и нужно доверять воспитание детей, особенно таким, которые описаны в очерке «Лишается родительских прав...» Это настоящие мужчины, настоящие отцы своих детей!

Е. ГОРОДЕЦКАЯ,
Жданов

Еще одна исповедь

Меня очень взволновала публикация в № 22, потому что два года назад со-

мной случилось то же самое — я была лишена родительских прав. Вышла я замуж в 19 лет. Через год у нас родился сын. Муж часто приносил домой водку, и я вместе с ним незаметно прирасталась к спиртному. Прошло два месяца, и муж бросил меня с ребенком. Стало мне совсем плохо, я теперь все чаще пила, а потом уходила на танцы, оставляя сына с мамой. Постепенно, как это было и у Натальи из первой истории, такая жизнь вошла в привычку. В нарсад стали поступать заявления от соседок, которые требовали лишить меня материнских прав. И суд вынес такое решение, к тому же направил меня на лечение. Через два месяца, выйдя из больницы, я пошла в гороно, чтобы узнать, где мой сын. Мне сказали, что он находится в доме младенцев в г. Шуе, и если я в течение года не буду пить и устроюсь на работу, суд может вернуть мне право на материнство. Вскоре я вышла замуж вторично, муж очень хороший человек, я ему все рассказала о своей прошлой жизни, и он понял меня правильно. Так прошел год, и я стала собирать документы для восстановления материнства. На работе мне дали хорошую характеристику, домовый комитет тоже поддержал мое ходатайство, и вот, наконец, суд восстановил меня в правах матери. С мужем, мамой и сестрой мы поехали за сыном, и я всю дорогу плакала — не верила, что мне его отдадут. Домой везла моего сыночка как золото, не доверяя никому. Теперь сыну уже два годика, и я, когда гуляю с ним по улице, иду с высоко поднятой головой, потому что знаю: я мать своего сына.

Все, о чем я написала, — правда, все это было со мной.

Галина СЛЕСАРЕВА,
г. Тейково, Ивановской области

Закон должен быть строже

Очень важный и своевременный разговор начала «Смена» очерком «Лишается родительских прав...» Грустно читать эти истории, грустно и больно за детей, которые в наше счастливое время лишены самого главного, что не может быть заменено ничем, — родительской ласки и внимания. Вместе с тем ловишь себя на мысли: а ведь останься Сережа и Гоша со своими матерями, им было бы гораздо хуже. И правильно решил суд — передать детей на воспитание их отцам. Потому что легко можно предположить, какое «воспитание» ждало бы их со стороны таких матерей...

Сколько детей толкает на неправильный путь именно недостойное поведение их родителей! Так что же делать с теми мужчинами и женщинами, которые добровольно сняли с себя всякую ответственность за воспитание своих детей? Двух мнений здесь быть не может. На страже детства в нашей стране стоит закон. Но лишение родительских прав — это крайняя мера, которая применяется очень редко, — какая это жалкая плата за исковерканное детство! Поэтому я считаю, что для того, чтобы

оградить детство наших детей от жестокости, бессердечия и эгоизма нерадивых родителей, в законе нужно предусмотреть более суровые меры. Чтобы все мы, подобно древним римлянам, могли сказать: «Закон суров, но это закон!»

Ф. ЧЕРНЫХ,
Донецк

Мать или кукушка?

Действительно, грустные истории описаны в очерке «Лишается родительских прав...». Читаешь их и удивляешься: какие же есть тупые, потерянные женщины, которые счастья своего не видят да и не хотят его иметь. А я вот все время мечтала, что будет у меня умный, заботливый, любящий муж, дети (минимум — трое), дружная семья, уют. Но жизнь распорядилась по-другому: одна сейчас воспитываю двоих детей. А ведь хочется, чтобы кто-то сильный и добрый был рядом с тобой, чтобы дети имели отца. Потому что какой бы хорошей матерью ни была, все же она может дать своим детям одностороннее воспитание.

А с тех женщин, которые и вовсе не заботятся о своих детях, надо спрашивать по всей строгости. Нянчиться с ними не стоит, — разве взрослому дяде или тете нужна нянька, которая будет ежедневно разяснять, что хорошо, а что плохо, что можно делать, а чего нельзя? Особенно женщине, дающей жизнь другому человеку, непростительно «кукушкино» поведение.

Еще хочу обратиться к тем мужчинам, которые наподобие Алексея Ивановича, оставшись после развода с детьми, дают себе обет никогда больше не жениться. Поверьте, большинство женщин все же отличные матери! Среди них есть и такие, кто тоже остался с ребенком без мужа. Им самим и их детям тоже хочется и ласки, и теплоты, и мужской заботы.

Альбина БАБУРОВА,
пос. Ялта, Донецкой обл.

Камень преткновения

Как известно, суд, рассматривая дела о разводах, всегда выносит решение в пользу ребенка. И это правильно. Но как быть родителям в том случае, когда именно закон является камнем преткновения на пути соблюдения интересов ребенка?

Случилось так, что нам с мужем пришлось разойтись. Со мной остался двухлетний ребенок. Спустя некоторое время я вышла замуж. Нашей семье уже три года, сын очень любит своего нового папу, а родного отца не только не помнит, но даже не узнает на фотографии. Получив развод, мой бывший муж уехал в другой город и после этого ни разу не видел сына, хотя исправно присылает алименты. В общем, все было бы хорошо, если бы сын не стал часто спрашивать: «Почему у нас с папой разные фамилии?» Муж начал хлопотать об усыновлении (или хотя бы изменении фамилии сына), но пока нам ничего не удается сделать. Мы обращались и в районо, и в комиссию по делам несовершеннолетних, и в районный суд, но везде требуют разрешения родного

отца на усыновление, а он его не дает ни при каких условиях.

Получается парадокс: закон, охраняя родительские права отца, невольно травмирует душу ребенка. Ведь сказать сыну сейчас о том, что нынешний его папа не родной, значит жестоко травмировать его, да он и не поймет этого, тем более что, как я уже сказала, он забыл своего отца. Я, конечно, со временем скажу всю правду, сейчас же ему от такой правды не будет никакой пользы. Он, как и все дети в его возрасте, хочет иметь настоящего папу.

Неужели подобную ситуацию нельзя учесть в нашем законодательстве?

Валентина СЕМЕНОВА,
Астрахань.

Свои отклики на очерк «Лишается родительских прав...» прислали также Андрей Теряев из пос. Шамлуз Армянской ССР, Галина Бывшева из Москвы, Мария Руткевич из Псковской обл., Т. Гаевская из Джезказганской обл., Л. Самсонова из Горького, Любовь Усцова из Брянска, Анатолий Аверичев из Одессы, Н. Мальцев из Челябинской обл., Юлия Эккерт из Алтайского края, Н. Мейрманова из Караганды, Т. Тараканов из Якутской АССР и многие другие.

Мы благодарим всех читателей, откликнувшихся на эту публикацию. Мнений высказано много, все они разные, есть, как мы видели, у читателей и вопросы, вытекающие из затронутой в очерке темы. Для того, чтобы обобщить читательские мнения и ответить на конкретные вопросы, мы обратились к авторитетным специалистам, занимающимся изучением проблем семьи и брака.

ПРАВИЛА ДЛЯ ДВОИХ

Зоя ЯНКОВА, руководитель сектора демографической политики Института социологических исследований Академии наук СССР, кандидат исторических наук:

— Истории, рассказанные в очерке «Лишается родительских прав...», очень разные, и вместе с тем в них есть одна общая черта: везде в разрушении семьи обвиняется женщина, мать. Конечно, это явление нетипично для нашего общества. Советская женщина всегда отличалась особой любовью и заботой по отношению к детям. Но, к сожалению, случаи, когда родительские права лишают женщину, встречаются и сегодня — особенно это характерно для больших, индустриальных городов.

Большая роль в нашем обществе отводится семье — сложному социальному образованию, которое выполняет множество функций. Принято считать, что самая главная из них — воспитание детей. Это, конечно, так. Воспитание ребенка, будущего гражданина нашей страны, — важнейшая функция семьи, но далеко не единственная. Не менее важна функция воспитания самих родителей, создания между ними добрых отношений, того климата, который принято называть эмоционально-культурной общностью людей.

Если нет между мужем и женой этой эмоционально-культурной общности, которая подразумевает и уважение друг к другу, и общие интересы, и взаимоподдержку, и общие цели, и многое другое, — это в первую очередь отражается на воспитании ребенка. Ведь ему в равной мере необходима забота и матери и отца. Но как бы хорошо ребенку ни было с отцом, отсутствие материнской ласки в детстве может проявиться потом самым неожиданным образом.

Вот почему я склонна разделить мнение тех читателей «Смены», которые утверждают, что во всех трех историях

виноваты не только женщины, но и мужчины, мужа, которые устранились от создания в семье эмоционально-культурной общности (зная о тяжелом детдомовском детстве своей жены, Алексей Иванович, «герой» первой истории, все-таки остался в стороне от ее бед) и тем самым ограничили семейное воспитание ребенка.

Семья в наше время отличается, например, от семьи девятнадцатого века. Тогда огромную роль играли так называемые ролевые связи, то есть у каждого члена семьи были свои твердые обязанности: муж всегда считался главой семьи, ее кормильцем, жена в основном занималась домом и воспитанием детей.

Сегодня семья, во многом утратив эти ролевые связи, строится на внутренних, нравственных основах. Это хорошо, но, с другой стороны, порождает массу сложностей. Прежде всего повышается ответственность взрослых друг перед другом и ответственность за судьбу семьи. Очень часто можно слышать, что в любой критической ситуации взрослым надо думать о ребенке, о его судьбе. Да, это так, но нельзя думать только о ребенке, думать надо и взрослому о себе, о своей жизни, ибо для детей немалое значение имеет и пример их родителей, от которых они получают серьезные жизненные уроки в детстве.

Человек несет ответственность не только за судьбу брака, но и за последствия развода. Если ребенок все-таки лишается нормальной семейной обстановки, то развод родителей должен принять такую форму, чтобы он не принес вреда детям. Хотя это все, конечно, очень относительно, потому что, теряя семью, ребенок лишается определенной «терапевтической среды», в которой лечатся все его несчастья, неприятности, где с ним делятся радостью, теплом, добром, заботой.

Вот почему сегодня с такой актуальностью встает вопрос воспитания чувств, воспитания будущих родителей. Конечно, в укреплении института семьи необходима помощь специалистов, ученых. Бесспорно, правы те читатели «Смены», которые поднимают вопрос о необходимости преподавания специальных дисциплин в средней школе, в ПТУ.

Многое в этом плане уже сделано. При Моссовете, например, создан отдел, который занимается разработкой всесторонней программы по проблемам семьи и брака. Предполагается выпустить специальную литературу по этим проблемам, методические рекомендации для загсов, женских консультаций, которые проводят определенную работу по подготовке молодежи к вступлению в брак. В старших классах шести московских школ уже сегодня читаются экспериментальные факультативы по брачно-семейным отношениям.

Интересный опыт накоплен и в Ленинграде, где создана централизованная консультативная служба семьи. Она проводит консультации — как устные, так и письменные, специалисты дают ответы на все вопросы, волнующие супругов, разбирают конфликтные ситуации...

Такие службы предполагается в будущем создать во всех больших городах, где для этого имеется хорошая база и где есть уже специально подготовленные кадры.

ЗАКОН, И ТОЛЬКО ЗАКОН!

Светлана ПАЛАСТИНА, старший научный сотрудник лаборатории изучения эффективности законодательства и правовой статистики Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства Министерства юстиции СССР, кандидат юридических наук:

— Проблемы, которые поднимает журнал «Смена» на своих страницах, стоят сегодня очень остро. Ведь речь идет о воспитании будущего поколения советских людей, а основы этого воспи-

тания закладываются в семье. В трех разных житейских историях, о которых идет речь, я, как юрист, вижу один общий стержень: нарушение конституционной обязанности родителей заботиться о воспитании своих детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами нашего общества.

Проведенное недавно социологическое исследование по делам о расторжении брака показало, что на первом месте среди этих причин стоит пьянство одного из родителей (и, к сожалению, часто женщин). Нередко опрашиваемые называли еще одну причину — несходство характеров. Однако даже если муж с женой расстались без взаимных претензий, упреков и обид, проблемы, связанные с будущим воспитанием детей, возникают неизбежно. Вот здесь, как верно заметили читатели, приславшие отклики на статью, «...на страже детства стоит закон».

Суду, разбирающему бракоразводные дела, нередко приходится решать не только правовые, но и серьезные моральные, нравственные вопросы. В декабре 1979 года пленум Верховного суда СССР принял специальное постановление «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей». Это постановление интересно тем, что в нем подводится итог десятилетней практики решения судами спорных вопросов воспитания детей.

С кем останется ребенок после развода родителей — с отцом или с матерью? Права родителей на воспитание детей равны — так записано в статье 53 Конституции СССР и в статье 54 Кодекса РСФСР о браке и семье. Но на практике чаще всего дети остаются с матерями. Это подтверждается и статистикой: по данным социологических исследований, споров о том, с кем будет жить ребенок, не так уж много. Но ситуация из-за этого не становится менее простой. Потому что родители в подобных спорах (особенно если речь идет о месте проживания детей после развода) исходят, как правило, каждый из собственных интересов — говорят о любви к ребенку, о своей тоске по нему и забывают о том, с кем из родителей ему будет лучше. Мне запомнилось одно дело о разводе, послужившее основой статьи 51 части 4 Кодекса о браке и семье, которая гласит, что можно изменить фамилию ребенка на фамилию матери по второму браку. При этом родной отец сохраняет все права на воспитание своего ребенка.

Наконец, самый сложный и самый трагичный вопрос — о лишении родительских прав.

Я не согласна с теми читателями, которые пишут, что наш закон в этом вопросе недостаточно суров. Ведь речь идет о лишении родителей высшего блага — детей. Это самая крайняя мера, и применяется она только тогда, когда становится ясно, что общение с родителями идет во вред ребенку, неоправданно калечит его душу. Вот тогда суд вправе отобрать у родителей ребенка и лишить их всех прав, основанных на родстве.

Не вдруг попадают дела о лишении родительских прав в суд. Для этого требуются достаточно веские основания. Очень важно и то, чтобы такое дело было рассмотрено вовремя, когда ребенок еще мал и изъяны воспитания не так жестоко скажутся на его судьбе.

Огромная роль здесь принадлежит органам опеки и попечительства, которые должны осуществлять постоянный контроль за неблагополучными семьями. Необходимо знать, что без участия органов опеки и попечительства не рассматривается ни одно дело о лишении детей, а также не решаются вопросы о восстановлении в родительских правах. Но и контроль за семьями, которым вернули родительские права, тоже ложится на органы опеки — именно они должны установить, изменился ли образ жизни родителей, способны ли они воспитывать ребенка.

Суд же, решая по представлению органов опеки и попечительства вопросы восстановления в родительских правах, как и во всех других спорах, руководствуется одним и, безусловно, главным условием — чтобы прежде всего были защищены интересы самих детей.

согласию родителей, а при отсутствии согласия — судом. В результате обеспечивались бы и право ребенка на воспитание и реальное осуществление обоими родителями обязанностей по отношению к детям.

«Камнем преткновения» назвала закон одна из читательниц, рассказавшая в своем письме о трудностях, связанных с усыновлением новым мужем ее маленького сына. Такие ситуации действительно сложны. Родные отцы детей не хотят дать согласие на усыновление ребенка отчимом по многим причинам: из-за боязни, что больше не будет потинства, из престижных соображений и, наконец, просто потому, что очень любят своих детей и не хотят порывать с ними связи (ведь отказ от ребенка подразумевает прекращение всех прав на него). Поэтому при решении вопроса об усыновлении закон исходит из равенства прав родителей.

Без согласия родного отца можно говорить об усыновлении только в том случае, если он явно устранился от воспитания ребенка, если налицо негативное отношение отца к своим детям. Однако и здесь необходимы два условия. Первое: чтобы подобное поведение продолжалось не менее одного года. И второе: отец обязательно должен быть предупрежден органами опеки и попечительства о недопустимости своего поведения. Лишь в том случае, если и после предупреждения отец продолжает упорствовать от участия в воспитании, возможно усыновление без согласия родного отца. Разумеется, нельзя игнорировать мнения отца, если он не мог участвовать в воспитании ребенка из-за того, что этому препятствовала мать. Повторю, этого требует закон. Мы, ученые, понимаем, что в некоторых своих пунктах он несовершенно. И наша лаборатория сейчас как раз занимается разработкой положений, которые позволили бы сделать его более гибким.

Гораздо легче изменить фамилию ребенка — на основе статьи 51 части 4 Кодекса о браке и семье, которая гласит, что можно изменить фамилию ребенка на фамилию матери по второму браку. При этом родной отец сохраняет все права на воспитание своего ребенка.

Наконец, самый сложный и самый трагичный вопрос — о лишении родительских прав.

Я не согласна с теми читателями, которые пишут, что наш закон в этом вопросе недостаточно суров. Ведь речь идет о лишении родителей высшего блага — детей. Это самая крайняя мера, и применяется она только тогда, когда становится ясно, что общение с родителями идет во вред ребенку, неоправданно калечит его душу. Вот тогда суд вправе отобрать у родителей ребенка и лишить их всех прав, основанных на родстве.

Не вдруг попадают дела о лишении родительских прав в суд. Для этого требуются достаточно веские основания. Очень важно и то, чтобы такое дело было рассмотрено вовремя, когда ребенок еще мал и изъяны воспитания не так жестоко скажутся на его судьбе.

Огромная роль здесь принадлежит органам опеки и попечительства, которые должны осуществлять постоянный контроль за неблагополучными семьями. Необходимо знать, что без участия органов опеки и попечительства не рассматривается ни одно дело о лишении детей, а также не решаются вопросы о восстановлении в родительских правах. Но и контроль за семьями, которым вернули родительские права, тоже ложится на органы опеки — именно они должны установить, изменился ли образ жизни родителей, способны ли они воспитывать ребенка.

Суд же, решая по представлению органов опеки и попечительства вопросы восстановления в родительских правах, как и во всех других спорах, руководствуется одним и, безусловно, главным условием — чтобы прежде всего были защищены интересы самих детей.

РАССКАЗ

ЖЕНЩИНА С АКВАРИУМОМ

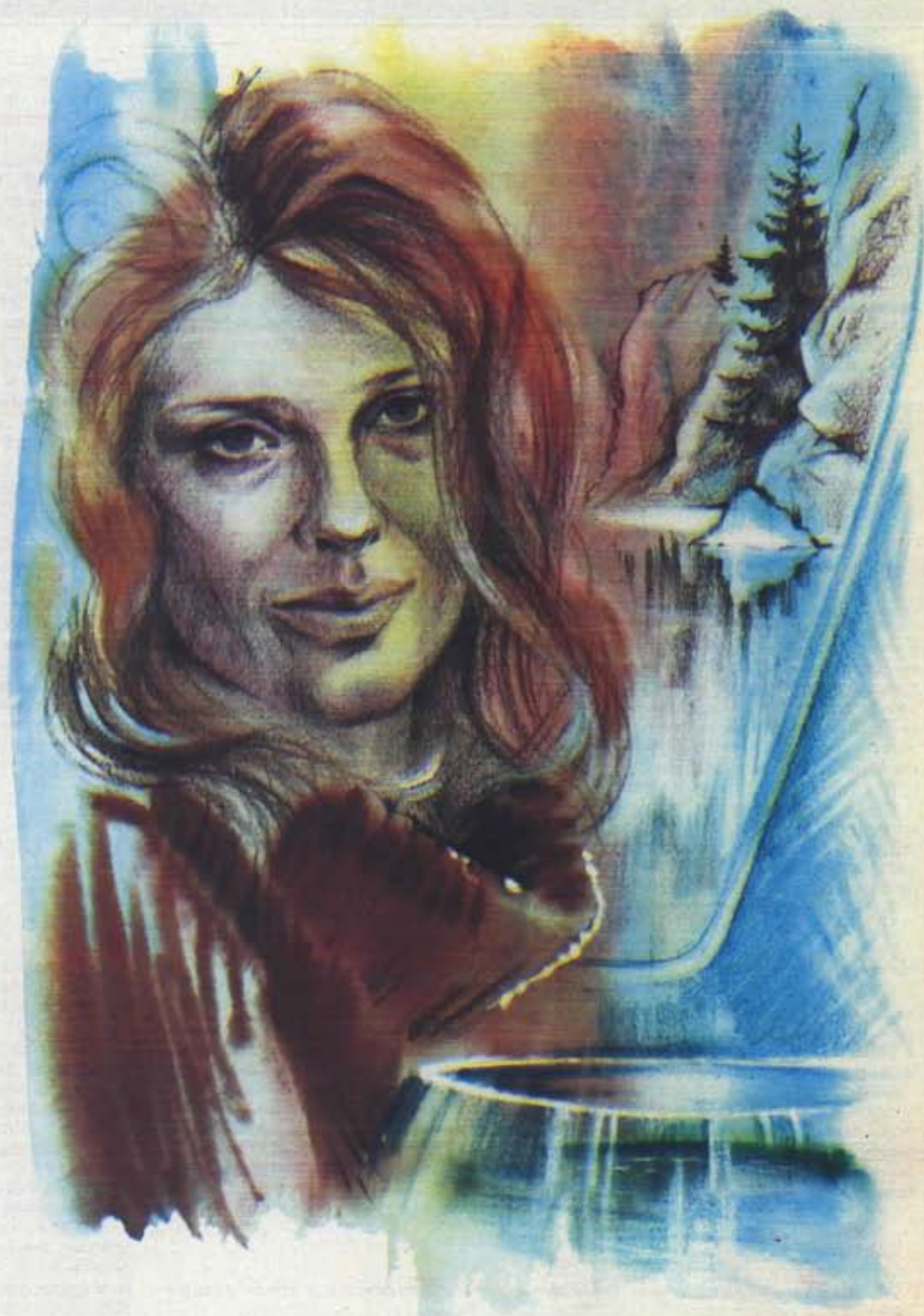

Рисунок Владимира РОДИНА

Билетов от Перми до города Чайковского не было — ни на теплоход, ни на «Метеор» или «Ракету». В зале ожидания Пермского речного вокзала меня остановил молодой лысоватый мужчина и, слегка конфузясь, сказал, что у него есть лишний билет на «Метеор» до Бабкина — это рядом с городом Чайковским.

Билет я купил, посмотрел его на свет и ничего, конечно, не увидел.

— Боишься, что фальшивый? — спросил мужчина.

— Да нет, — смешался я. И, обращая разговор в шутку, спросил: — А чего вы покраснели, когда сказали, что билет до Бабкина? Из-за названия — Бабкино?

Он подумал и ответил:

— Из-за названия. Было бы Дедкино — другое дело.

— Или Мужиково...

— Или Мужиково! — подхватил он и добавил доверительно: — Едем урожаем убирать. Еще дальше Бабкина. На автобусе. А ты тоже на урожай?

— Нет, отпуск провести.

Больше до посадки на «Метеор» мы ни о чем друг друга не спрашивали. Мне казалось, что скорость у этого «Метеора» небольшая: берега плыли медленно, в подъемных кранах и новых строениях, в соснах и церквях. Я оставил на сиденье рюкзак и вышел на палубу — узкое пространство между носовой и кормовой частью судна.

Здесь бешено хлестал ветер и стояли двое — тот самый мужчина, у которого я купил с рук билет, и женщина. Они были неуловимо похожи, и из-за этой похожести я решил, что передо мной муж и жена.

— Подышать вышел? — спросил мужчина.

— Да.

— Дыши.

— Дышу. Только как бы не сдуло меня.

— Ты крепче держись, может, и не сдует, — посоветовал мужчина. — Или давай мы тебя привяжем.

А женщина — тоже молодая, рослая, в вязаной кофте, облегающей ее крупные плечи, держала в руках круглый стеклянный аквариум, в котором, посверкивая, плавали рыбы, и улыбалась мне полными губами.

— Откуда вы? — спросила она, и ветер отнес ее слова.

— Родом?

— Приехали откуда?

— Из Москвы.

Она грустно улыбалась, и по этой улыбке можно было понять, что в Москве она не бывала. Но можно было эту улыбку и принять за сострадание: вот, мол, живут люди в шумном городе, где повернуться нельзя, а мы здесь вольным воздухом дышим.

— Бывал я в Москве! — прокричал мужчина. — Я бы там, наверное, жить не смог. Тесно-о!.. Я с четырех лет мужик. Дедушка посадит меня на лошадь, четырехлетнего, веревкой привяжет к седлу, чтобы не упал, в плуг ее впряжет, прутик даст в руки... И я пашу! Бабы со стороны смотрят и говорят: «Чего это лошадь у Лузянкиных сама пашет?» «Да нет, не сама: Филиппок в седле привязанный сидит!»

Ветер комкал его слова, трепал редкие волосы вокруг лысины и все порывался разметать русые обильные волосы женщины.

— Я вас где-то видела, — сказала женщина своему спутнику.

— Возможно.

— В портовой конторе.

— Чего мне там делать?

— В ресторане, вспомнила! Вы не директором ресторана работаете?

— Нет, — засмеялся мужчина. — Близко к директору...

— Заместителем?

— Ближе.
— Кем же?
— «Бери больше — кидай дальше!» — опять засмеялся мужчина.
— Грузчиком?
Все молчали. Мужчина негромко, как бы для себя, запел, и голос его на ветру казался красивым:

*Вы не вейтесь, черные кудры,
Над моею больной головой...*

Он пел, а я смотрел на Каму. Такой ее я прежде не видел. Днем была она, как лунной ночью. Мглистая, тихая, несмотря на скорость нашего корабля, она задумалась, и я вспоминал: в газетах не писали про солнечное затмение? До того сумеречно и туманно ныне Кама. Да какое там затмение! Чего я выдумываю! Вот оно, солнце, клубится над Камой — парное, большое, размытое, какой бывает луна душевной ночью. От скорости «Метеора» ли, от послеполуденной мглы или от предчувствия грозы и переливов воздуха покачивалось это солнце на туманах, на темных угорах, и наискось через всю Каму, как на хлебах от луны, лежала от солнца неяркая зыбкая дорожка, туманилась, дрожала, светилась слабым угарным светом. Был он не золотой, а белый, этот свет, — такого света от солнца посреди дня я не встречал никогда.

На солнце можно было смотреть безбоязненно — круглая белая поляна посреди облаков.

Я обнаружил, что женщина тоже смотрит на солнце, а мужчины нет на палубе.

— Концерт окончен, — весело сказала она про него.

Матово-белый отсвет солнца дрожал на ее лице.

— Погода такая чудесная, — сказала женщина.

— Не жарко...

— Кама какая-то серебряная, только гулять в такую погоду.

Стеклообразный шар в ее руках просвечивался солнцем насквозь, и рыбы плавали в нем, подчиняясь своему предопределению: как по уговору, устремлялись то вверх, то вниз, то круто, то полого, то россыпью, то грудно, переливались светом и гасли и, вспыхивая, опять переливались. Были они и красные, и перламутровые, и полосатые, и мохнатые, и гладкие. Тяжелый, прозрачный, хрупкий шар светился в руках женщины, и блеск его лежал на этих крупных, темных от загара и работы руках, и я любовался ими. Когда «Метеор» трясло, женщина прижимала аквариум к груди, и было похоже, будто молодая мать держит на руках дитя и боится разбудить его.

Мы молчали, иногда встречались взглядами, неспешно отводили их, опять встречались, и мне показалось, что она вкладывает во взгляд своих добрых зеленых глаз какое-то особенное значение. Может быть, обещание рассказать что-то важное и для нее и для меня? И я стал просить глазами, чтобы она рассказала то, что задумала.

— По Каме путешествуете? — спросила женщина.

— Да. А вы?

Она не ответила, опустила шар к коленям, выловила из него мертвую рыбку, выбросила ее в реку, и полные губы у женщины задрожали.

— Довезу ли? — спросила она. — Перемерут все в дороге.

— Довезете. Недалеко.

— Рядом.

Она повернулась по ходу «Метеора» посмотреть, не видно ли пристани. Спина женщины, облитая вязаной кофтой, была широкой и спокойной.

— Не видно еще, — сказала спутница, повернувшись ко мне, и во всем ее облике, в движениях, в голосе, в глазах, где стояли слезы, высеченные ветром, было нерастраченное материнство. Я вспомнил, как мой знакомый — правда, это было давно — встретил в поезде женщину, понял, что это судьба, что такой доброты ему больше не встретить, женился на ней и влюблен в нее до сих пор, как юноша.

— Что-то огней Чайковского не видно, — после молчания сказала она.

— Не зажигали еще.

— Почему?

— День еще.

— Представьте, день. — Она глядела на солнце, прижимая к груди аквариум. — Какие сейчас огни?

Она улыбалась небу полными полуоткрытыми губами, и вода в аквариуме была спокойна, как в лесном озере, только рыбы ходили туда-сюда по неразгаданным путям своим.

— Так вы по Каме путешествуете? — спросила она.

— Да.

— В отпуске?

— Да...

— А где вы работаете?

Я сказал. Она затажно вздохнула и сказала:

— А я из Перми в Чайковский еду, — и опять вздохнула, — со свадьбы.

Солнце плавило в аквариуме, белыми отсветами играло на руках и лице женщины. По-видимому, она ждала от меня вопроса, с какой, мол, свадьбы, и, не дождавшись, опять вздохнула:

— Сестру замуж выдали.

Она смотрела на меня, улыбалась — как бы издалека, словно между нами бежала речка и я стоял на этом, а она на том берегу, а лодки не было.

— Последнюю сестру замуж выдали...

— Да?

— Да! Жалко...

«Метеор» трясло от скорости, и белое солнце, подпрыгивая, мчалось над Камой, и вслед за ним еле поспедали черные берега.

— Чайковский вам понравится. Кто у нас ни был, все хвалят наш город. Город молодой-молодой!

— Как вы?

— Что вы, молодец!

Она улыбалась отдаленной улыбкой, прижимаясь щекой к аквариуму, рассеянно прислушивалась к тому, как плавают в нем рыбы, и бродила по ее лицу радость.

— Увлекаетесь аквариумами? — спросил я.

— Нет. Другой сестре везу. Я всегда ей кого-нибудь привожу. Собаку привезла в тот раз. Сестра говорит: «Зачем мне собака?» А после привыкла и полюбила ее. Арнольдом назвала. Сейчас вот рыбок везу...

— Я думал: вы с мужем едете.

— С кем это?

— С тем, который певун...

— Да что вы! Я бы за него замуж не вышла. Мы бы не сошлись — елейный он болно. Как вы подумали?!

Она с веселой обидой смотрела на меня, и я поспешно спросил:

— Свадьба понравилась?

Назвавшись московским жителем, в разговоре с женщиной я нажимал на «а». Между тем до жительства в Москве я окол и по-вятски выпевал слова, как и все у нас на Каме. А через десять лет московской жизни сам не заметил, когда стал акать. Сейчас я акал заметнее обычного, и женщина тоже стала акать, по-моему, передразнивая меня, потому что глаза ее были чуть насмешливыми.

— Свадьба была замечательная. Много не пили. Плясали. А пе-ели! Слышите, у меня голос какой?

— Хороший у вас голос.

— Охрипла я! Пропела голос. Сорвала...

— Я бы не сказал.

— Не успокаивайте: сорвала. Сестра моя счастлива. Муж старше ее на тринадцать лет. Но Нина сама говорит: «Ему будет сто тринадцать, а мне сто — разница невелика». И маму этой шуткой успокоила. А то мама была против.

Шепнула мне громко:

— Эту шутку я Нине подсказала.

И спросила доверчиво:

— По-моему, я хорошо сделала?

— По-моему, тоже. Свадьба — счастье.

— Моя свадьба будет негромкая. Да и будет ли она?

— Почему вы так?

— ...Молодые-то поздно легли. Сейчас, наверное, встали уже... Чего я нынче говорю? Сама не знаю.

Щеки ее пылали, и она улыбалась мне беспомощно.

«Метеор» ровно, без толчков, скользил по тихой, без морщинки, Каме, на которой туманилась белая дорожка, будто с этой женщиной шли мы по тропинке, плутающей во ржи, а на колосьях бродил лунный свет — отлунье.

Я взял да и прочитал спутнице счастливое стихотворение Блока «Утро в Кремле»:

*Упоительно встать в ранний час,
Легкий след на песке увидеть.
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.
Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нежность Кремля
В это утро, как прелесть твоя.*

Я любил это стихотворение и когда читал его, то сердце колотилось и мешало все слова произносить отчетливо.

— Сами сочинили? — счастливо спросила женщина.

— Что вы! ?

— Про свадьбу написано, — сказала она и повторила: — Моя свадьба будет негромкая. Да и будет ли она? Нет, не будет...

Вытерла внезапно прихлынувшие к глазам слезы и засмеялась.

Пленительной была она: лицо в камских брызгах, как дождем омытое, глаза чистые и тихие, губы в трещинках, полуоткрытые, словно хотела она сказать что-то особенно хорошее, чего доселе мне ни от кого слышать не приходилось, или поцеловать меня за стихи.

— Мне стихов никто не читал, — призналась она.

— Я редко читаю...

— Радио слушаю. Читают стихи с выражением. А я думаю: «Не мне они стихи читают, а кому-то другому. Или просто за деньги». Да нет, наверное, просто за деньги-то не читают. Так не бывает. Я даже собиралась послать письмо, чтобы мне стихи прочитали. По моей заявке. Для меня. И я бы этому человеку письмо написала: «Спасибо вам за то, что вы для меня прочитали стихи». Или подарок бы послала. Да не знаю, хорошо ли будет подарки-то посылать?

Она дотронулась до моей руки.

— Я вас с мамой познакомлю, — сказала она. — Вы не против?

— Нет, конечно, — покорно согласился я.

— Подержите аквариум, пока я за мамой схожу.

— Хорошо.

Я принял теплый от ее рук, запотелый стеклянный шар и, не сводя с него глаз, чтобы не уронить его или не расплескать воду, слышал, как в нем плавают рыбы. «Что же это творится-то? — думал я. — Не успел опомниться, как уже выполняю семейное поручение и устал от него. Да и тяжелый он, этот аквариум-то! Со стороны на него глядеть приятно, а подержите-ка его в руках сами! Вот тут и поймешь Подколесина...»

Женщина привела маму — полную, в платье с розами, седоватую, но не старую. Мама оглядела меня зоркими невыцветшими глазами и заключила шуткой:

— Староват зятек-то.

Принимая у меня из рук аквариум, женщина сказала:

— Мамочка, ему будет сто пятнадцать, а мне сто. Невелика разница.

— Ему больше будет, — уверенно рассудила мама.

— Не намного...

— А я не говорю, что намного, — улыбнулась мама.

Все улыбались, и я тоже. И все-таки некоторая серьезность, слышавшаяся в голосах женщин, настораживала меня, и я искал, да не мог найти подходящих слов, чтобы обратить все в шутку.

— Зябка тут, — ежась от ветра, сказала мама. — У вас кровь молодая, греет. А у меня нет. Греться пойду в салон. Беседуйте, голубок и горлица.

И ушла с палубы. Женщина спросила с надеждой:

— Понравилась мама?

— Молодая совсем.

— Три года назад нас за сестер принимали. Да и сейчас еще путают. Где думаете остановиться?

— В гостинице.

— Я вам покажу, где гостиница. Совсем недалеко от пристани. Можно

Управляемое Солнце

Когда-то это была красивая мечта — зажечь на Земле рукотворное Солнце. Сейчас это стало насущной необходимостью. На смену углю и нефти должно прийти «чистое топливо», ресурсы которого дешевы и неограниченны. А какие ресурсы могут быть более доступны и более чисты, чем вода? Значит, речь идет о том, чтобы «зажечь воду»? Не слишком ли мы замахнулись?

В 1862 году в связи с открытием Всемирной выставки английская газета «Таймс» опубликовала как серьезные, так и шуточные прогнозы развития человечества на 100 лет вперед. Самым фантастичным был проект «страшного открытия» — нахождения способа горения воды... Сегодня мы вполне серьезно пытаемся добиться слияния ядер гелия — изотопа водорода, что получило название «термоядерный синтез». Чтобы лучше представить, чего добились бы человечество, овладев термоядерным синтезом, достаточно сравнить количество энергии, выделяемой в трех основных реакциях, используемых для получения тепла. При сжигании водорода в кислороде на каждый грамм сгорающих веществ выделяется всего 4,4 ватт-часа. При распаде атомов урановых элементов на грамм вещества можно получить 22,5 миллиона ватт-часов. При синтезе же гелия из самого легкого во Вселенной элемента — водорода или его разновидности — дейтерия эта цифра доходит до 98 миллионов ватт-часов.

Термоядерный способ получения энергии возник одновременно со Вселенной и прошел «проверку» в миллиарды и миллиарды лет, оказавшись самым практичным и экономически целесообразным. И действительно, он самый чистый, самый безвредный. Сырье — вода, отходов практически нет.

Если бы сейчас все электростанции мира перешли на термоядерный режим, то даже с учетом коэффициента полезного действия всего в 30 процентов для непрерывной работы в сутки им понадобилось бы 720 килограммов тяжелого водорода — дейтерия. Продукция одного небольшого завода, куда по трубам диаметром 10 сантиметров текла бы обычная вода!

Увлекательна и многообещающая идея создания термоядерного реактора. Как осуществить эту заветную мечту, теоретически человечеству совершенно ясно. Надо сообщить ядрам атомов водорода или дейтерия такую скорость, чтобы при столкновении друг с другом они не отталкивались, а сливались. Однако на практике... Поиски, и очень активные, идут по разным направлениям. Многие из них, вероятно, увенчаются в будущем успехом. Но пока лидируют два. Первый — «запуск» реакции термоядерного синтеза с помощью лазеров. В Советском Союзе это направление успешно разрабатывают в Физическом институте имени Лебедева под руководством лауреата Ленинской и Нобелевской премий академика Николая Геннадиевича Басова. Другой — создание магнитных ловушек для нагрева плазмы. Это так называемая программа «Токамак» — токовая магнитная камера с комбинацией магнитных и электрических полей, которая родилась в Институте атомной энергии имени Курчатова.

...Летом 1975 года, через 25 лет после того, как возникли первые идеи об удержании плазмы, в Институте атомной энергии имени Курчатова в Москве была пущена крупнейшая в мире экспериментальная термоядерная установка «Токамак-10». Она способна нагревать водород до такой температуры, которая

существует только в недрах Солнца, — до десятков миллионов градусов. Другая ее особенность — способность удерживать это солнечное вещество, получившее название плазмы, в течение продолжительного времени. В раскаленном газе из ядер водорода начинается реакция — слияние легких ядер в более тяжелые — в гелий. При этом выделяется колоссальная энергия.

Расчеты, основанные на хорошем знании процессов взаимодействия ядер между собой, позволяют установить критерии, при которых можно построить термоядерный реактор, выделяющий энергии больше, чем ушло на создание магнитных и электрических полей, необходимых для удержания и нагрева плазмы. Каковы эти критерии? Прежде всего температура оптимального ядерного горючего, каким является смесь дейтерия с тритием, должна превосходить 100 миллионов градусов. Это еще не так сложно. В грубом, правда, пересчете, чтобы нагреть один грамм тяжелого водорода — дейтерия до температуры в миллион градусов, надо затратить примерно столько же энергии, сколько требуется, чтобы вскипятить ведро воды. Затем необходимо, чтобы у каждого ядра, находящегося в веществе, была возможность вызвать ядерную реакцию. Такая возможность станет реальной, если ядро встретит на своем пути достаточное количество других ядер. Чтобы было как можно больше встреч, нужна высокая концентрация вещества и эта цифра доходит до 98 миллионов ватт-часов.

Таким образом, мы должны создать вещество с очень высокой температурой и добиться того, чтобы каждая горячая частица, то есть частица, обладающая высокой энергией, существовала в нем время, достаточное для столкновения и взаимодействия с другими частицами.

Сразу же становится очевидным, что выдержать все критерии — трудная задача, потому что в разогретой до солнечных температур плазме быстрые частицы будут выносить энергию на стенки сосуда, внутри которого она создается. Значит, необходимо каким-то образом суметь удерживать это «звездное вещество» в ограниченном земными материалами объеме. Вот почему практическое начало работ по термоядерному синтезу совпадает с моментом, когда возникли идеи об удержании плазмы.

У истоков этих исследований стояли выдающиеся советские физики, привлеченные к работе много талантливой молодежи. Первым был академик Игорь Васильевич Курчатов. Присутствие ему размах и интуиция во многом определили широкий масштаб термоядерных исследований в СССР. В нашей стране впервые была предложена и идея создания магнитных ловушек для плазмы. Если мы поместим плазму в сильное магнитное поле, созданное таким образом, чтобы силовые линии поля со всех сторон обволакивали ее, то «звездный клубок» будет висеть в вакууме и не сможет взаимодействовать со стенками сосуда.

Вначале, когда появилась идея магнитного удержания, все было полны энтузиазма. Однако через несколько лет стало очевидным, что, несмотря на простоту исходной мысли, на пути ее осуществления имеется много подводных камней. Дело в том, что плазма — это крайне капризная субстанция, которая живет и хорошо себя ведет, пока ее не ограничивают.

Новые ростки оптимизма появились тогда, когда были найдены пути борьбы с опасными видами неустойчивости, с плазменными «инфарктами» и «инсуль-

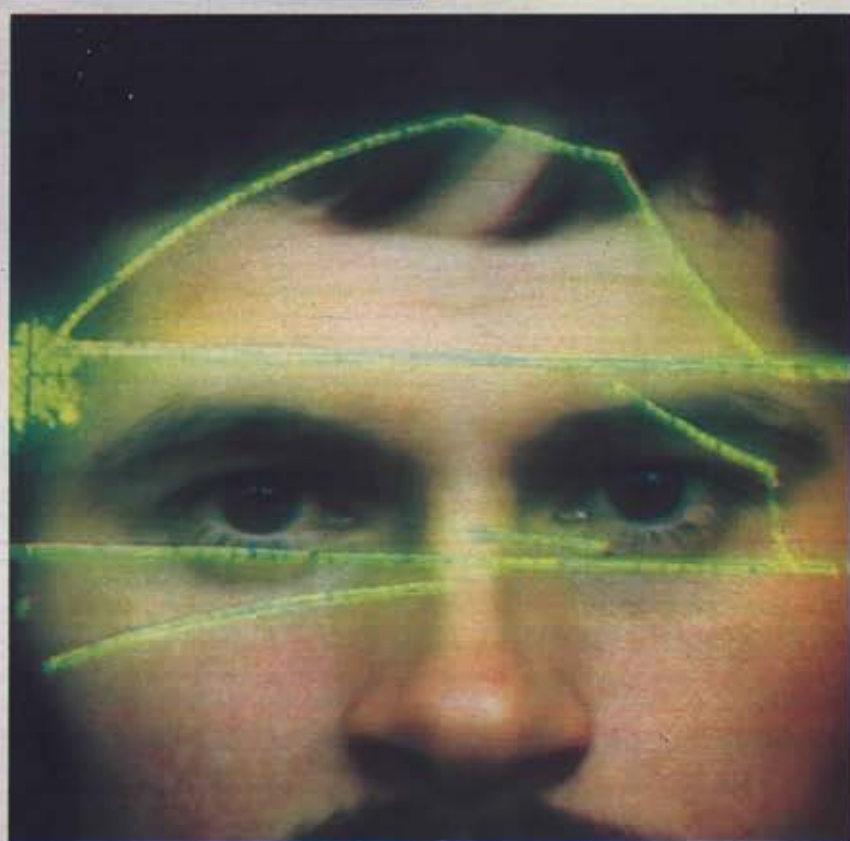

...и...
...и...
...и...

...и...
...и...
...и...

Рассказ о циклических путях, по которым идет решение проблемы термоядерного синтеза, был бы слишком длинным. Поэтому сразу перейдем к тому, что есть сегодня. Уже как будто проясняются контуры будущих термоядерных реакторов. «Горение» смеси дейтерия и трития будет, вероятно, протекать либо в форме медленного «пламени» в так называемых стационарных системах, либо в виде повторяющихся взрывов умеренной мощности (импульсные системы). Для коротких импульсных процессов используются новые способы лишь быстрого выделения большого количества энергии в малых объемах. Я имею в виду лазеры. Поиски в этих направлениях весьма перспективны. Но их пока опережают попытки создания стационарных условий протекания реакции. Тут наиболее решительные поиски и разработки шли по так называемой программе «Токамак».

Слово это впервые прозвучало со страниц советской печати и ныне стало таким же международным термином,

ТОКАМАК-10.

как и «спутник». Поначалу на Западе к советской программе отнеслись с недоверием. Зато теперь работы по этой программе стали одним из главных направлений термоядерных исследований в США, Европе, Японии. Почти все соглашения нашей страны о научном сотрудничестве в области ядерной физики включают сотрудничество по термоядерным проблемам. В Институт атомной энергии имени Курчатова, головной в разработке «Токамаков», приезжали для изучения опыта и постановки экспериментов ученые из десятков стран мира.

Установка «Токамак» устроена следующим образом. В тороидальной камере (пустом «бублике») создается плазма из распыленного газообразного тяжелого водорода — дейтерия при сравнительно невысоком давлении. Камера надета на ярмо трансформатора, и в ней индукционным путем создается кольцевой ток, который удерживает плазму от соприкосновения со стенками с помощью собственного магнитного поля. Сам по себе такой плазменный виток с электрическим током неустойчив. Чтобы он обрел устойчивость, на поверхность камеры надеваются катушки, создающие магнитное поле, во много раз большее, чем создаваемое током.

В течение длительного времени в Институте атомной энергии коллектив под руководством Л. А. Арцимовича занимался получением все более горячей, плотной и долгоживущей плазмы. Усилиями многих научно-исследовательских, конструкторских организаций и заводов была создана большая установка «Токамак-10». Изготовили ее на ленинградском электромашиностроительном объединении «Электросила» имени Кирова.

С вводом установки «Токамак-10» советские ученые получили мощный инструмент для исследований термоядерного синтеза. «Токамак-10» является последней из чисто экспериментальных установок, завершающей долговременную программу разработок и исследований в Институте атомной энергии. Результаты, полученные на ней, вместе с результатами, которых мы ждем от вновь создаваемых «токамаков» за рубежом, а также от нашего «Токамака-7», первой установки со сверхпроводящей обмоткой магнита, послужат достаточной базой для сооружения в начале 80-х годов первого демонстрационного термоядерного реактора-токамака.

Понятием «демонстрационный» обозначают установку, заполненную дейтериево-тритиевой плазмой, на которой выделяется энергия, примерно равная той, что затрачивается на разогрев газа до температуры «горения». Это будет рубеж перехода от этапа физических исследований к этапу технологических. Чтобы достичь его, ученым и инженерам разных стран предстоит одолеть еще немало чисто технических трудностей, причем гораздо больших, чем те, которые стояли перед физиками и инженерами, создававшими первые атомные электростанции. Например, сверхмощная электромагнитная система будущего реактора должна быть сверхпроводящей. Она может быть создана на основе существующих сверхпроводников, но если будут открыты новые сверхпроводники, способные работать при более высоких температурах, то задача значительно ускорится.

Необходимо решить и ряд других технических и технологических проблем: создать материалы для стенки реактора, выдерживающие огромные тепловые и нейтронные потоки; найти способы приготовления и восстановления горючего — дейтериево-тритиевой смеси, освоить очистку плазмы от примесей тяжелых элементов, отработать все конструктивные узлы и технологические системы на длительный (до десятилетия) ресурс работы и так далее.

Пока еще ни в одном из экспериментов не получена полномасштабная термоядерная реакция, но на повестку дня уже поставлено проектирование испытательных или демонстрационных термоядерных реакторов, уже подготовлено несколько эскизов проектов крупных установок на основе «Токамака». По проекту демонстрационный реактор «Токамак-20» будет наиболее крупной установкой такого типа. Предполагается, что ток в ней будет достигать 5—6 миллионов ампер, а объем плазмы — 400 кубических метров. Установка позволит длительно работать с дейтериево-тритиевой реакцией и детально изучить поведение материалов в мощном потоке нейтронов. Так что, помимо научных проблем, можно будет решать и многие технологические. Спустя примерно пять лет после создания этой установки можно будет ставить вопрос о создании энергетического термоядерного реактора, а может быть, даже и термоядерной электростанции. Во всяком случае, мы надеемся, что до конца столетия она появится.

Поиски путей управляемого термоядерного синтеза вступают в новую фазу. Судя по темпам их развития, можно ожидать решения этой проблемы на физическом уровне в течение ближайших пяти-шести лет. А это значит, что уже сейчас должны быть заложены основы перехода к следующему, не менее сложному и ответственному этапу — инженерно-технологическому. Тогда можно будет определить на конец века место термоядерной энергетики и ее роль в общем энергетическом балансе страны.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну важную особенность развития исследований по термоядерному синтезу. В 1956 году по инициативе Советского Союза была снята завеса секретности с этой области научных работ. Сделал это И. В. Курчатова, который на конференции в Англии рассказал о наиболее интересных результатах, полученных советскими учеными. Позже примеру Советского Союза последовали и другие страны. И оказалось, что, работая независимо друг от друга, ученые пришли в общем-то к одинаковым идеям. С тех пор работы ведутся открыто, в тесном сотрудничестве, с активным обменом результатами. И теперь, когда мы подходим к стадии инженерных проектов, международное сотрудничество не ослабевает, а наоборот, укрепляется.

Навсегда избавить человечество от угрозы энергетического и топливного голода — гуманитарная цель. Ради нее стоит объединить усилия ученых всех стран.

МАРТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

АУКЦИОН БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Происходило все это в элегантно обставленном зале виллы в предместье итальянского города Турина. Вед аукцион владелец виллы. Кроме него, в зале находились еще три супружеские пары и молодая женщина с маленькой девочкой. Хозяин ознакомил присутствующих с «предметом продажи», показал разные врачебные свидетельства о запрятанных прививках, назвал первоначальную цену и затем обратился к присутствующим: «Ваши предложения, дамы и господа...» И аукцион пошел обычным порядком: участники набавляли цену по 50000 и 100000 лир, и, наконец, объект торга достался тому, кто заплатил больше... Продавалась некая-нибудь ценная картина, не

восточный фарфор, не старинные монеты, а годовалая девочка!

Как пишут газеты Италии, в Турине, Милане и других городах страны процветает торговля грудными детьми одиноких матерей. Агенты современных торговцев людьми систематически ищут незамужних, разведенных и живущих в бедности женщин и уговаривают их продать малышей. Когда удается приобрести «товар», следует аукцион, на котором ребенка покупают, как какой-либо другой предмет. Дельцы, которые организуют эти аукционы, извлекают огромную прибыль, получая «комиссионные» за каждого проданного ребенка.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

РЕКОРДЫ БЕЗУМИЯ

Ну, как еще пощекотать нервы обывателю, привыкшему к самым жестоким и самым бессмысленным зрелищам? Кульминация автомобильного «шоу», состоявшегося в Хьюстоне (США), выглядела так: два автомобиля, разогнавшись до скорости 80 километров в час, взлетели с рампы и столкнулись в воздухе. Еще один рекорд безумия. Каскадеры остались живы. На этот раз...

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

ХОРОШО БЫТЬ ДИРИЖЕРОМ...

Дирижеры живут намного дольше, чем люди большинства профессий, утверждает адъюнкт-профессор медицины Калифорнийского университета в Сан-Диего Дональд Атлас. Ученого натолкнула на эту мысль жизнь Леопольда Стоковского, известного дирижера, умершего в возрасте 96 лет. Заинтересовавшись этим примером долгожительства, Д. Атлас собрал данные о продолжительности жизни других известных дирижеров. Оказалось, что, например, Артуро Тосканини прожил, занимаясь активной деятельностью, до 90 лет (его годы жизни 1867—1957); немецкий дирижер Бруно Вальтер (1876—1962) стоял за пультом до 85 лет; швейцарский дирижер Эрнест Ансерме (1883—1969) — до 86 лет и т. д. Ученый установил, что средняя продолжительность жизни дирижеров равна 73,4 года, тогда как в США и большинстве стран Европы общая средняя цифра не превышает 68 лет — разница более чем в пять лет. Как выяснилось, дирижеры почти не страдают сердечно-сосудистыми заболеваниями. Как полагает ученый, их долгой жизни весьма способствует то, что они удовлетворены своей работой, то, что она доставляет радость и счастье не только им, но и слушателям.

«ПУЭН»,
ФРАНЦИЯ

Неживое или живое?

Каждый знает, что кристаллы — это твердые тела. Внешним отличительным признаком их является характерная форма, возникающая в результате «самопостроения», когда частицы располагаются в строгом порядке, образуя так называемую кристаллическую решетку.

И каждый знает, что кристаллы относятся к неорганическому миру, хотя... Да, у этих природных образований со столь четкими гранями и плоскостями есть некоторые свойства, присущие, как это ни удивительно, живым организмам. Ряд исследователей утверждает, что о кристаллах можно говорить: «они живут», «они питаются», «они самонсцеляются».

Подобно живым существам — морским звездам и ящери-

цам, — кристаллы обладают свойством восстанавливать свои отломанные части, наращивая их из частиц окружающей среды. Однажды возникнув, кристалл как бы стремится утвердить себя в мире, и бытие его по какой-то неведомой нам программе должно проходить в состоянии полного «здоровья».

Другим необычным свойством является то, что иногда кристаллы длительное время как бы пребывают в «летаргическом сне», когда им встречается какое-либо препятствие для роста. После того как это препятствие устранено, прерванный рост вновь продолжается.

Если труднорастворимый кристалл поместить вместе с легко-

растворимую жидкостью, то первый кристалл «съест» второй — сильный как бы победит слабого, напомнив нам о борьбе за существование в мире живого. Конечно, это не столько сама борьба, сколько ее модель, но зрелище такого «пожирания» одного кристалла другим весьма впечатляюще.

А что сказать о так называемых эксцентричных кристаллических формациях? Кристаллы самой причудливой формы обвивают друг друга, образуют арки, круги и спирали или же ветвятся, подобно растениям.

Демонстрируя ряд необычных свойств, кристаллы дают нам пример внутреннего единства неорганического и органического мира.

«ДЖОРНИ», ИТАЛИЯ

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

КУКУШКА И СТРАУС

Широко известно, что кукушка подкладывает яйца в чужие гнезда. Но, оказывается, такая особенность в поведении свойственна не только этой птице. Наблюдения, проведенные в Национальном парке Кенни, показали, что самка страуса тоже подкладывает свои яйца в чужие гнезда. Однако в отличие от сравнительно неразборчивой кукушки она подкладывает яйца лишь в гнезда других страусов. И не все, а часть яиц. Самка страуса имеет возможность высидеть двадцать яиц, но оставляет в своем гнезде только одиннадцать. Если в ее гнезде появятся, помимо

этого, яйца из других гнезд, она их принимает, хотя, очевидно, отличает свои от чужих. Полагают, что взаимная снисходительность страусиных мамаш объясняется еще и тем, что чужие яйца лежат всегда с краю, а свои — в середине. Крайние яйца как бы прикрывают средние — ведь хищники, разоряющие гнезда, уносят в первую очередь их. Ну, а если гнездо будет полностью разорено, все же останется надежда, что соседке повезло больше и она выведет и своих и чужих птенцов...

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ»,
ГДР

«Пойманный ветер»

Северное побережье Западной Германии — местность ровная и плоская, ветры здесь дуют достаточно часто. Поэтому еще в двадцатые годы тут можно было увидеть на крыше какой-нибудь отдаленной фермы «пропаллер» ветроэлектростанции. Они особенно оправдывали себя в пору зимних снежных заносов, когда случались обрывы на линии электропередач. Вскоре традиция эта получит свое продолжение: в устье Эльбы будет сооружена по проекту профессора Ульриха Гюттера грандиозная ветроэлектростанция «Гровин». Стальная башня «Гровина» будет иметь высоту около ста метров, таким же будет диаметр ее лопастей. Расчеты показали, что скорость ветра на такой высоте вдвое больше, чем у поверхности земли. Вся система рассчитана на работу при скорости ветра от 23 до 86 километров в час. Когда скорость ветра выходит за верхнюю отметку, «Гровин» автоматически отключается.

Если испытания гигантской ветроэлектростанции пройдут успешно, то вдоль всего побережья Северного моря с интервалом в десять километров будут установлены такие же «Гровины». Специалисты считают, что применение подобной системы в широких масштабах окажется вполне экономичным.

«БИЛЬД ДЕР ВИССЕНШАФТ»,
ФРГ

РАНДЕВУ С ТИГРОМ

В джунглях Непала существует заповедник Читван, созданный в основном для охраны бенгальских тигров, которых в мире осталось совсем немного. В заповеднике построена гостиница для туристов, желающих встретиться с живым тигром. Туристы из столицы Непала Катманду за полчаса добираются на самолете до небольшого аэродрома, откуда через джунгли следуют на слонах в паланкинах. Иногда, если повезет, а пути можно встретить носорогов.

Для встречи с тигром ночью около

гостиницы раскладывают мясную приманку. Когда тигр заканчивает трапезу, на него направляют мощный прожектор. В это время туристы делают снимки с балконов и из окон. В результате все довольны: хозяин гостиницы, к которому охотно едут туристы, сами туристы, увозящие домой фотосвидетельства собственной «отваги», и, наконец, не в последнюю очередь тигры, получающие без заботы и труда обильный ужин.

«ПОЗНАЙ ШВЯТ», ПОЛЬША

Сколько языков на свете?

Согласно изданному в ГДР «Справочнику по вопросам лингвистики и средств языкового общения», сегодня в мире насчитывается 5661 язык. А еще недавно считалось, что это число колеблется между двумя и тремя тысячами. Более 1400 языков числятся или как непризнанные, или как умирающие. Так, например, к этой категории относятся 250 австралийских языков, на которых разговаривают не более сорока тысяч человек. Как известно, австралийские аборигены используют сейчас английский язык, к чему их принуждает проводящаяся в Австралии «языковая унификация». Много умирающих языков есть и в США: на более чем 170 языках североамериканских индейцев в наши дни говорят только небольшие группы людей, и то в возрасте свыше 60 лет. Их дети и внуки чаще всего вообще не знают языков своих предков и используют только английский язык.

Многие широко распространенные в мире языки становятся постепенно вторым языком или языком общения с представителями других национально-языковых групп. Такая тенденция превращения отдельных языков в средство общения между многими племенами и национальностями наблюдается в Африке. Здесь широко используются языки суахили, хауса, иорубу, которые все больше вытесняют языки, утвердившиеся при колонизаторах.

В районах мира, где велись непрекращающиеся войны, люди часто были принуждены искать убежище в недоступных горах и непроходимых лесах. Возникла своего рода языковая изоляция. В результате, скажем, на сравнительно небольших территориях Индокитая сегодня насчитывают 180 языков, в Гималаях — 160, а в Западной Африке, в районе реки Нигер, — 260 языков. Самая большая концентрация разноязычия отмечается на Новой Гвинее — местное население Папуа, Новой Гвинеи и Западного Ириана разговаривает на 1010 языках.

В результате всех этих явлений и особенностей из 4200 языков сегодня признаны как самостоятельные и хорошо изученные только 500. 1500 отнесены к категории почти не изученных. Три четверти всех языков не имеют своей письменности и правил правописания.

«ВЕДА А ЖИВОТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ЧУДО-КУКУРУЗА

На склонах мексиканских гор Сьерра-де-Манантллан найден неизвестный до сего времени дикорастущий сорт многолетней кукурузы, который может стать новым важным источником питания — ведь он не нуждается в ежегодном посеве и может произрастать в сравнительно суровых климатических условиях.

Рафаэль Гудман из Гвадалахарского университета (Мексика) и Хью Илгит из Висконсинского университета (США), открывшие это редкое растение, считают, что оно, возможно, является предком культурных сортов кукурузы. Ученые надеются получить пригодный для сельскохозяйственной практики гибрид многолетней кукурузы, что даст большой экономический эффект.

«НЬЮСВИК», США

ЖЕНЩИНЫ И ДЗЮДО

Дзюдо, родина которого Япония, прежде всего искусство самообороны. Это делает его вполне приемлемым и для женщин. Дзюдоистки в Японии известны со времени, когда известный японский просветитель Джиторо Каню не только создал дзюдо, но и заложил основы физического обучения и физической культуры в стране. Еще тогда, в конце прошлого века, он поощрял практику этого спорта и для женщин, категорически высказываясь против всяких соствязаний между ними.

Каню говорил, что он руководствуется душевными и физическими особенностями женщины и ее ролью матери. Если допустить женщин к состязаниям, считал Каню, в стремлении к победе они могут получить травмы и повреждения на всю жизнь — да еще такие, которые лишат их материнства.

Это мнение преобладало до недавнего времени. Но вот в Японии в 1978 году было организовано первое национальное состязание дзюдоисток. Вероятно, Японская федерация дзюдо не хотела отставать от заграничных...

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении

ВАЗ: полигон технического творчества

Станислав ЗИГУНЕНКО,
инженер.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Когда впервые видишь главный сборочный конвейер Волжского автомобильного завода, перестаешь верить своим глазам. Это же чудо! На одном конце автомобиля еще нет, на другом — пройдя путь в полтора километра и 500 рабочих операций, — он уже есть. Как писал Владимир Маяковский: «Процесс, уже знакомый по кино, но выходишь все-таки обалделый».

Каждые 22 секунды разжимаются стальные лапы, и новорожденный «жигуленок» прочно становится на собственные «ноги». В кабину садится шофер, автомобиль срывается с места, освобождая его для своего собрата. Путь нового автомобиля пока недалек: на смотровую площадку, на трек, на обкаточный стенд...

Все сто процентов автомобилей, выпускаемых ВАЗом, обязательно проходят послесборочные испытания. Вазовцы хотят быть уверенными в высоком качестве своей продукции. И испытания после сборки лишь одно из звеньев в цепи «мытарств», которые проходит каждая модель.

Автомобиль ВАЗ-2121 — «Ниву» — я впервые увидел лет пять назад в зале испытаний завода. Поджарая, словно бы собирающаяся подпрыгнуть на своих

колесах, она выглядела чужаком среди нескольких десятков советских и иностранных легковых и спортивных автомобилей, которыми заставлен зал.

Кузов ВАЗ-2121 имеет три двери: две по бокам и одну сзади, прочную металлическую крышу. Поэтому он получился жестким, что имеет немаловажное значение при езде по проселочным дорогам, дал возможность конструкторам обойтись без традиционной рамы. Более того, когда заводские испытатели вели «Нивы» по пескам Каракумов, предгорьям Памира, зимникам Сибири, водители других машин часто удивлялись. Где другие автомобили еле ползут, ВАЗ-2121 развивает шестьдесят километров в час. Вся хитрость в том, что машина получилась достаточно легкой — ее вес вместе с пассажирами и грузом всего около полутора тонн. Масса удачно распределена на колеса — на каждое приходится ровно четверть нагрузки. Удельное давление вследствие этого довольно низкое — машина мало проваливается. Колеса у нее большего диаметра, чем у «Жигулей», с развитыми грунтозацепами. Расстояние от нижней точки корпуса до дороги — 220 миллиметров вместо обычных 170, значит, меньше вероятности, что машина где-то ляжет на «живот». Да прибавьте к этому надежный 80-сильный мотор, распределяющий свою мощь на все четыре колеса вместо обычных двух.

Вот и получается, что машина обладает хорошей проходимостью и на шоссе может развить скорость до 130 километров в час, уверенно вписывается в повороты.

Комфорт же я проверил на себе. Только сел за руль, сразу почувствовал: удобно. Каждый по своему росту может отрегулировать наклон спинки и высоту подголовника, в жару и холод в салоне примерно одинаковая температура: печка не дает замерзнуть, вентилятор несет прохладу. Кстати, заслонки вентилятора можно отрегулировать так, что внутри давление будет чуть выше наружного. Тогда в автомобиль никакая пыль не проникнет — избыточное давление воздуха не пустит.

Эта первая встреча живо вспоминается мне, когда снова и снова вижу на улицах эту непривычную, да

что там говорить — уникальную, единственную в своем роде машину.

Уникальную потому, что автомобилем повышенной проходимости с таким комфортом в мире больше нет. Не случайно ее с охотой покупают во многих странах. Недавно английская печать сделала по поводу «Нивы» заявление такого рода: «Очень жаль, что русские до сих пор не выпускают модификацию этой машины с правым расположением руля...» И это говорят британцы! Нация во многом консервативная, привыкшая считать лучшим в мире лишь свое, национальное. Нация, представители которой, выезжая за пределы своих островов, предупреждают друг друга: «Если съедешь на материке за руль, помни: эти иностранцы (а для англичанина иностранцы — весь мир) ездят по неправильной стороне».

«Нива» поставлена на конвейер и из ворот нового, специально построенного сборочного корпуса один за другим ежегодно выкатываются 50 000 сверкающих свежей краской автомобилей.

И потому, признаться, меня весьма удивило известие, что испытания машины продолжаются до сих пор. Как? Почему? Зачем?

С самого начала ВАЗ-2121 проектировался как комфортабельная машина повышенной проходимости. Повышенной проходимости, подчеркиваю, но не своеобразный мини-танк. Опыт же эксплуатации показывает, что, поверив в надежность «Нивы», владельцы начинают ездить на ней там, где бы никогда не рискнули поехать на другой легковой машине. По бездорожью, по снежной целине, напрямик по буеракам...

И вот вазовцам теперь приходится идти навстречу желаниям потребителей. В настоящее время производится дополнительное усиление переднего моста и некоторых других узлов.

А это значит, «Ниву» ждут новые испытания. И не просто полевые, в условиях весенней и осенней распутицы, полного бездорожья, когда вой мотора и скрежет шестеренок становятся живым укором водителю: «И куда ты заехал, ирод!» — но и испытания самые жесткие, если не сказать, жестокие. Испытания полигонные.

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

В УПРАВЛЕНИИ ГЛАВНОГО КОНСТРУКТОРА РАБОТАЕТ
МОЛОДЕЖНЫЙ КОЛЛЕКТИВ.

На подмосковном полигоне к испытываемому автомобилю прицепляют небольшую тележку, от которой отходит стальной трос, переброшенный через блоки у массивного бетонного куба. Второй конец троса прицеплен к грузовику-тягачу. Тележка движется по направляющему рельсу, так что следующий за ней автомобиль, словно жертвенный бык, бессилён отвернуть в сторону.

Тягач резво берет с места, трос натягивается, и новенький автомобиль, набрав скорость, врывается в преграду. Рев моторов, звон разбитого стекла, зубной скрежет сминаемого железа — все сливается в один душераздирающий грохот.

И вот уже все стихло. Как говорят специалисты — фронтальный удар состоялся.

Специально разбивать новенькую, только что с конвейера автомашину?! И не жаль? Конечно, без чувства сожаления не обходится, и тем не менее из двух зол приходится выбирать меньшее.

Вот что мне рассказали по этому поводу представители бригады испытателей Волжского автомобильного завода.

Рассказ начал инженер-испытатель Николай Лудков:

— Первую «Ниву» мы разбили лет шесть назад, очередную — буквально на днях. А сегодня мы занимались полигонными испытаниями совершенно новой модели.

Из всего этого напрашивается единственно правильный выход — конструкторы обязаны, насколько это возможно, заранее обеспечить безопасность водителя и пассажиров каждой автомашины.

Лучший способ не пострадать при аварии — в нее не попадать. С этой целью в автомобилях делают широкие окна, чтобы водитель имел возможность лучшей оценки окружающей обстановки, ставят надежные тормоза, мощные двигатели. Приборный щит стараются сделать таким, чтобы показания приборов читались с одного беглого взгляда. Таковы меры активной безопасности.

Ну а если авария все же случилась, оградить людей от тяжелых травм призваны средства пассивной безопасности: повышенная жесткость кузова, надежные запоры дверей, не открывающиеся при толчках,

идут команды управления, а обратно — информация от датчиков.

Такая система, разработанная специалистами Центрального научно-исследовательского автомобильного

и автомобильного института, позволяет испытывать автомобиль не только на разрушение. Экспериментальные автомобили проходят десятки километров и порой по таким дорогам, что их точнейшая характеристика выражается поговоркой: «Да тут сам черт ногу сломит!»

Так то черт... А зачем, спрашивается, должен страдать испытатель? Ведь вибрация и ускорения бывают настолько велики, что у водителя уже через несколько минут после начала такой бешеной езды поднимается температура тела, учащается пульс, повышается частота дыхания.

складывающаяся рулевая колонка, привязные ремни...

Эффективность всех мер безопасности специально рассматривается в ходе проектирования автомобиля, а запланированные аварии на полигонах позволяют на практике убедиться в точности расчетов, достаточности принятых мер.

Первые полвека существования автомобиля таких умышленных аварий не устраивали. Считалось, что автомобилем и так достаточно разбивается на автострадах и проселках — бери, изучай наиболее уязвимые места. Но потом выяснилось: необходим «чистый» опыт с заранее заданными начальными условиями. Только тогда можно быть уверенным в точности полученных результатов.

И вот на испытаниях автомобили стали буксировать, пускать по наклонной дороге, поднимать краном и бросать на «цель». Некогда на «Фиатах» удлинляли рулевую колонку настолько, что испытатель мог управлять машиной, сидя на капоте автомобиля-толкача. Толкач выводил «фиат» на препятствие, а сам в последний момент отворачивал в сторону.

Однако наиболее удобными в работе оказались системы дистанционного управления, которые сегодня используются во всем мире. Вот как выглядит одна из таких систем на практике.

Микроавтобус превращен в походную лабораторию. Из салона убраны сиденья, за исключением двух-трех, для бригады испытателей. Остальное место отдано приборам, регистрирующей аппаратуре. Позади сиденья водителя установлен пульт управления, на котором продублированы приборы подопытной машины. С крыши микроавтобуса к испытываемому автомобилю тянется кабель. По нему в ходе испыта-

ЕСТЬ НА ЗАВОДЕ СОБСТВЕННАЯ СЛУЖБА ХУДОЖНИКОВ-ДИЗАЙНЕРОВ.

Но зачем все-таки это нужно — специально разбивать автомобили? А вот зачем.

По данным ООН, на дорогах планеты ежедневно гибнет около 600 и получают ранения порядка 20 тысяч человек. В Италии каждый год случается свыше 300 тысяч аварий, в которых гибнет около 10 тысяч человек. Средние цифры по США — порядка 55 тысяч убитых, 2 миллиона раненых ежегодно. Существует печальная статистика и по нашей стране.

Удручающие цифры. И все-таки цивилизация не может повернуть вспять. Напротив, число автомобилей с каждым годом становится все больше, движутся они все с более высокими скоростями. А это значит, что аварии на дорогах будут. Будут обязательно, как бы хороша, совершенна ни оказалась организация движения, какими бы аккуратными и дисциплинированными ни стали все его участники. Даже в этом, идеальном случае автомобиль на дороге подстерегают неожиданности: лопнуло колесо, на дороге оказалась пленка масла... И вот уже автомобиль занесло, авария стала неизбежной.

ГЛАВНЫЙ КОНВЕЙЕР — СЕРДЦЕ ЗАВОДА.

ИСПЫТАТЕЛИ ПРОВЕРЯЮТ НА СТЕНДАХ КАЖДЫЙ УЗЕЛ МАШИНЫ.

Так пусть машина сама, раз уж это необходимо, мается на «стиральной доске» — так зовут испытатели участок спецдороги, похожей по своему профилю на известный домашний инструмент. А машина сопровождения с людьми пойдет рядом, по гладкому шоссе.

— Впрочем, как правило, есть пассажиры и в испытуемой машине, — говорит Николай Лудков. — Это Джон-лентяй и его коллеги.

Как вы уже поняли, речь здесь идет о манекенах. Эти антропометрические манекены можно назвать главными действующими лицами любой полигонной аварии. Ведь именно по состоянию манекенов конструкторы могут оценить эффективность тех или иных мер безопасности: привязных ремней, складывающейся рулевой колонки, раздувающихся нейлоновых мешков... Для этого манекены снабжены различными датчиками. Чувствительность этих датчиков настолько высока, что позволяет фиксировать даже синяки и мелкие царапины, которые бы получили находящиеся на месте манекенов люди.

А недавно советские изобретатели создали манекен из пластмасс, очень близких по своим прочностным и весовым характеристикам к тканям человека. На таком манекене можно, что называется, воочию увидеть следы травм.

Достается, конечно, при аварии и самому автомобилю. Причем порою так, что отремонтировать его уже бесполезно. В общем, такие испытания — удовольствие довольно дорогое. Поэтому чтобы число запланированных аварий было поменьше, испытатели стараются получить максимум информации от каждого столкновения. Вот как это делается. Рассказывает приборист бюро электронных измерений ВАЗа Михаил Бабаев:

— Прежде всего нас интересует сам процесс удара. Но что такое удар с физической точки зрения? Это резкое замедление тела, его ускорение со знаком минус. При испытаниях необходимо как можно точнее установить ускорения различных частей испытуемого автомобиля. Сделать это позволяют датчики, которые устанавливаются на всех особо важных узлах кузова и двигателя, под передними сиденьями, на полу... то есть там, где деформации наиболее чувствительны для водителя и пассажиров.

Увидеть подробности аварии своими глазами позволяет скоростная киносъемка. А чтобы смещение отдельных частей было видно на киноленте как можно отчетливее, на бока испытуемого автомобиля, на голову манекена наносят контрастные, хорошо видимые знаки.

Запись и киносъемка должны начинаться строго одновременно — так легче вести анализ полученной информации. Поэтому на той части бетонного куба, куда приходится удар автомобиля, устанавливают выключатель отметчика времени. Он представляет собой две несприкасающиеся пластины. В момент начала столкновения пластины датчика смыкаются, замыкая цепь электронной вспышки. Она и дает отметку начала столкновения.

Все данные, полученные во время испытаний, тщательно анализируются. Вести такой анализ вручную — монотонный, зачастую неблагодарный труд. Гораздо быстрее с такого рода работой справляются компьютеры. И сегодня их учат этому.

Конечно, составление программ для такого анализа — чрезвычайно сложная задача, требующая учета сотен и сотен параметров, каждый из которых меняется по своему собственному, часто трудно предсказуемому закону. Но год от года, от испытания до испытания знания специалистов в этой области растут. Расширяются и возможности ЭВМ: если раньше с ними можно было общаться лишь с помощью перфокарт и перфолент, то сегодня некоторые машины понимают даже слова, сказанные оператором.

А значит, вероятно, наступит день, когда вычислительная машина сможет не только детально проанализировать любую случившуюся аварию, но и предсказать последствия аварии, которой еще не было. Как это может быть? В компьютер введут голографическое, объемное изображение автомобиля, которого еще нет, который еще только рождается в конструкторском бюро. На основании дополнительных данных о прочности его узлов, характеристик того или иного столкновения машина «проиграет» все возможные ситуации, покажет на дисплее их ход, предскажет последствия и даст четкие рекомендации по исправлению допущенных ошибок.

Так будет. А пока испытатели заканчивают последние приготовления, захлопывают дверки автомобилей.

— Миша, поехали!..

Начинается новый этап испытаний. Скоро состоится еще одна авария по заказу. Зато завтра, глядишь, на шоссе будет меньше незапланированных транспортных происшествий. Сократится число разбитых машин и человеческих жертв. А во имя этого стоит потрудиться. Ради этого в конечном итоге и ведутся все испытания.

ОЛИМПИЙСКИЙ ТУРНИР ЗНАТОКОВ

Повторяя в этом номере «Смены» вопросы и задания II тура «Олимпийского турнира знатоков», мы хотели бы напомнить участникам этого заочного соревнования болельщикам, что их ждут учрежденные редакцией призы:

— Три равных первых приза для победителей конкурса — дорожные велосипеды марки «КАМА».

— Десять призов для активнейших участников читательского турнира — олимпийские сувениры «МИШКА».

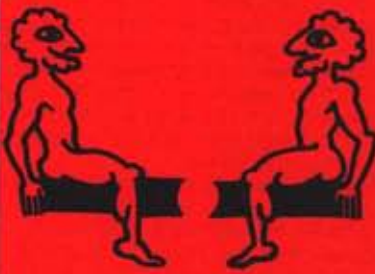
— Пятнадцать поощрительных призов — олимпийские подарочные альбомы «ОТ АФИН ДО МОСКВЫ» с автографами победителей Олимпиады-80.

К сведению тех, кто включится в борьбу со второго либо третьего тура! Авторы самых верных, обстоятельных и остроумных ответов смогут претендовать на поощрительные призы.

Срок отправки ответов на вопросы II тура — до 1 мая 1980 года (дата отправки письма будет определяться по штемпалю на конверте). Просим не забывать делать приписку на конверте: «На «Олимпийский турнир знатоков». И еще одно условие: в конце письма надо сообщить свою фамилию, имя и отчество, адрес, профессию и место работы, возраст.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ II ТУРА

1. Как определялись победители Олимпийских игр древности?

2. В истории Олимпийских игр был беспрецедентный случай, когда олимпийские медали, завоеванные легкоатлетом, были отобраны расистами. Назовите имя этого спортсмена и расскажите его историю.

Рисунки
Сергея ТЮНИНА

3. Кто из советских легкоатлетов-мужчин стал первым олимпийским чемпионом?

4. Попробуйте предугадать состав олимпийской сборной СССР по футболу.

5. Назовите имя будущего обладателя золотой медали Олимпиады-80 в плавании на 100 метров вольным стилем среди мужчин.

И ВОЛЯ СЛОВА И ВОЛЯ ВЗГЛЯДА И СОБСТВЕННАЯ ВОЛЯ

Юрий НАГИБИН:

«Существует горделивая сентенция, я слышал ее от многих: «Если бы мне дано было начать жизнь сначала, я прожил бы ее точно так же». Не могу сказать этого о себе. Считаю, что моя жизнь заслуживает одобрения лишь как черновик. Набело я прожил бы ее иначе. Прежде всего я не спешил бы печататься, а спешил бы жить — глубоко, сильно, сосредоточенно, отдавая литературе лишь досуг. Но мне никто не предоставит такой возможности: переписать черновик».

Так недавно написал о себе Юрий Маркович Нагибин. Наш корреспондент Евгения Позина встретила с писателем.

— Всегда интересно узнавать про начало, ведь в нем встречается и то, что называется судьбой, и воля случая, и собственная воля.

— Если говорить о роли случая, то можно сказать, что писать я стал благодаря футболу еще в школе. Пока мы с другом варили гуталин, изобретали красную тушь — родители терпели, даже стимулировали: пичкали научными книгами и биографиями великих ученых. Но когда я всерьез увлекся футболом и вознамерился к восемнадцати годам войти в «дубль» мастеров — тогда родители забили тревогу. Мама нажала на отчима, и он уговорил меня что-нибудь написать. Просто чтобы отвлечь от «Локомотива» и от кумира-тренера француза Жюль Вальдека.

Я вспомнил лыжную прогулку всем классом и сел за свое сочинение. Вначале подробно писал о том, что было, — и здесь уже меня подстерегали открытия. Васяка Агафонов долго возился с Ириниными лыжами, смазывал, прилаживал крепления. С чего бы это, взрослый, независимый парень? И я понял то, чего не замечал в жизни: да ведь он влюблен в нее! Потом почувствовал: чего-то не хватает... И память услужливо предложила: другие поездки, другие электрички, незнакомых людей, обрывки их разговоров. Я начал вставлять это в текст. И на фоне другой жизни совсем иными увидел своих друзей, неожиданно сложный и тонкий узор их отношений.

Рассказ разрастался. Писал я его долго, упоенно. Но, конечно, футбол здесь ни при чем. Другой толчок, а все равно бы это случилось. Сам того не замечая, я уже писал мысленно. Радостно и мучительно искал слова, чтобы выразить все, что вижу, чувствую. Да, я писал на том же футбольном поле. Пытался понять, что творится в данный момент с нашим Сергеем, который сейчас играет против нас. Наверное, ему скверно, наверное, поэтому он так врезал мне в живот, нарочно, чтобы озлобить себя. ...Оторвать меня от бумаги стало делом сложным, то есть возникла новая опасность: «Он действительно станет писать!» Домашняя давящая прищипка в движение, и поэтому после школы я вместо литфака оказался в медицинском институте. Уговорили меня в основном примерами Чехова, Вересаева, Булгакова.

Начал сдавать первую сессию, на каком-то зачете провалился — первая неудача, а тут как раз открылся прием на сценарный факультет ВГИКа, куда я и подался. Свободного времени было сколько хочешь у студента того, довоенного, ВГИКа. Очень много писал: рассказы, очерки, статьи, рецензии. И все-таки я рад, что мой первый сборник, принятый перед самой войной, так и не увидел свет. Я не имел на него права. Жизненный опыт дала мне война, на которую я ушел, когда последний вагон с вгиковским имуществом отбыл в Алма-Ату.

Первая книжка вышла в сорок третьем, когда я уже стал членом Союза писателей. Произошло это в сорок втором и как-то очень идилически. Фадееву показали мой рассказ «Две силы», он сказал: «Да это же писатель». Так я стал называться писателем, за четыре дня до моего рождения. Двадцатидвулетия.

И все же прав Тургенев: до тридцати лет прозаик не может написать ничего путного. Для меня этот рубеж отодвинулся еще дальше. Хотя были отдельные удачи, но долго своего писательского лица не мог обрести.

— Хорошо помню, что в пятидесятые годы вдруг появился писатель, лирик, который заговорил именно со мной, обо мне.
— Иногда говорят «исповедальный», неловкое слово, но близкое к правде.
Никогда не допускал мысли, что можно что-то скрывать... В семнадцать лет состоялся мой устный дебют. Читал свой рассказ на вечере начинающих авторов в клубе писателей. Я пытался рассказать, как семнадцатилетний парень хочет добиться любви взрослой женщины и отступает, поняв свою жалкую незрелость. И меня встретил громовой хохот. Смейлись над сюжетом. Все смеялись, потом ругались, а для меня было чудовищно, что есть что-то, о чем нельзя, неприлично говорить. Спас меня тогда Юрий Карлович Олеша: тему можно

вытянуть, можно угробить, а запретных тем нет, сказал он.

— Часто вас упрекали в многотемности, всеядности. То Нагибин целиком и без остатка растворяется в охоте, природе; то проваливается в детство, старые московские переулки; то мучается «вечными вопросами», а последнее время стал «исчезать» в истории.

— Сборник «Царскоесельское утро», где собраны эти «тени милого прошлого», мне особенно дорог, это очень важный период в моей литературной судьбе, поэтому о нем надо говорить отдельно.

Что касается многотемности, то я отстаиваю право новеллиста (коим и я являюсь) на многотемность. Постоянство, верность избранному — добродетели, украшающие семейную жизнь. В литературе они мало стоят. Писателя-рассказчика, застрявшего на одной теме, подстерегает очевидная опасность: навряд ли у читателя смысл жизни сосредоточен в этой малости. Конечно, сила искусства может сделать интересной любую неприметную обыденность.

Непосредственно о себе. У меня не было другой работы, кроме литературы, которая дала бы мне какие-то другие знания о мире. Так уж сложилось. Но все же у меня, как и у всех, наверное, были детство, юность — и я пишу об этом. На пороге взрослой жизни мое поколение подстерегала война — мог ли я пройти мимо темы войны? Было обретение взрослости, старение — это тоже мои постоянные темы. Жил в деревне, встречал много интересных людей; люблю охоту, рыбалку — отсюда темы деревни, природы. И вместе с тем я коренной москвич, до боли люблю свой город — темы города.

...Долгое время не сомневался в том, как пишу. Не о чем, а как. Вся структура долгописи мне органически чужда. Я уже писал об этом и не раз говорил на встречах с участниками литературных кружков: у меня короткое дыхание, я спринтер, а не стайер, и не случайно я работаю в жанре малой прозы.

Изучение жизни или материала в общепринятом понимании означает для меня утрату творческого запала. Мне надо столкнуться с материалом, чтобы тут же обрести свободу от него — отдать его моей фантазии. Но все же я всегда писал о подлинной, непридуманной жизни, которой жил, которую видел. Я не полагал на выход из ограниченных пределов личного опыта.

Была работа над сценарием «Чайковского» — сложная, мучительная. Что-то отвергалось режиссером, что-то принималось. А в итоге за бортом оказался наиболее «мой» кусок, отражающий мою индивидуальность. Вот тогда и произошел скачок, для которого, конечно, я к тому времени уже созрел. Перестал подчиняться «его величеству факту» — и дал полную волю фантазии, сочинительству (не надо пугаться этого слова). Так появилась повесть «Как был куплен лес», потом — «Когда погас фейерверк». О странных, заочных отношениях Чайковского и фон Мекк, о «романе невидимок», как их издавна называли.

Начался самый счастливый для меня период в литературной жизни. Я вышел на проблему творчества. Чайковский, Дельвиг, Рахманинов, Анненский, Тредиаковский... «Царскоесельское утро» — о них.

— Но ведь историческая личность требует большой приверженности факту, как с этим?

— Сейчас много об этом спорят, можно спорить и со мной. Но я глубоко убежден, что в художественном произведении важна не точность отдельного факта, а точность понимания, ощущения человека.

Если я пишу о Буине, то глупо навязывать ему тему самопожертвования. Но у Буина были удивительно обострены все чувства. Он видел больше звезд на небе, он за версту слышал свист сурков в поле. Поэтому я сочинял такого Буина. Для меня было оправданней, чтобы Иннокентий Анненский погибал на пути в Царское Село, чем возвращаясь отсюда, что было на самом деле. Поэтому я легко пожертвовал этой жизненной правдой. Но было бы дико, если бы он у меня умер, скажем, от насморка в своей постели.

Рисунок
Геинадия НОВОЖИЛОВА

Да в чем, собственно, вопрос? Что, Пушкин, не знал, что Сальери не отравлял Моцарта? Прекрасно знал, но он не побоялся придумать такую ситуацию.

...Я вышел на проблему творчества. Ведь каждое поколение все само для себя открывает. Зачем я в мире, как воплотить этот мир? Мои герои — творцы. Это реальные люди, в их биографиях, судьбах можно проследить, как решаются эти вопросы. Извечная тема «понимание — непонимание»; почему современники так бывают равнодушны, глухи к творцу?

Каждый стремится продлить себя за пределы земной жизни. Но и каждый творец желает быть услышанным сегодня, сейчас — пока жив.

— Раз уж речь зашла о творчестве, о поколениях, то что бы вы могли сказать о наших начинающих прозаиках? Может быть, на примере последнего Общественного совещания молодых писателей, где вы вели семинар?

— Ну что же, талантливые ребята, очень честные, стараются идти своим путем. Все пишут из своего опыта. Почти все герои молодых хотят достойной, широкой, смелой жизни.

Но вот что обращает на себя внимание. Никто из героев этой жизни не добивается. Какой-то он дрябловатый, слабый: его частенько бьют, унижают, проявляют к нему жестокость, а он абсолютно не может за себя постоять. Иногда это оправданно, потому что герой — молодой человек, которого защитили от жизни: нет опыта. Об этом и пишут — нет опыта.

Может, это еще и реакция на бытовавшего волевого героя, который всегда всего добивался.

В целом думаю, что надо скорее овладевать ремеслом. Ведь ремесло — это не только собственное лицо, владение делом: начало, концовка, построение сюжета. Самое главное в ремесле — причастность к культурной части строения человеческой истории и духа, что намного сильнее маленького личного опыта. Культура выносит человека в иной ряд душевной жизни, и, только попав в нее, приобретаешь реальное видение современности.

— Какой вы видите свою дальнейшую работу и слушались ли вы советов типа «вот это место надо переписать и тогда будет здорово»?

— У меня раньше была привычка делать необычайно прямые, морализирующие концовки. Поэтому, когда мне критики, и не только критики, объяснили, что это дурной тон, я от них отказался. Не знаю, может, я и сам бы пришел к этому, но во всяком случае, не скоро. Помню, как я колебался и мучился, когда редактор предложил мне убрать конец у «Молодожена». А потом увидел: действительно рассказ стал несоизмеримо лучше. Тогда я смело отколотил конец и у «Веймара».

Пока меня крепко держит интерес к прошлому, проблема «понимания — непонимания». Хочется разобраться в сегодняшнем часе истории. Хочется понять современную душу мира, что сегодня являет собой человек?

«...Моя жизнь заслуживает одобрения лишь как черновик» — с этим невозможно да и не нужно спорить. Это внутренний мир писателя, его самооценка, на которую он один лишь имеет право. Для человека творческого неудовлетворенность собой всегда означает поиск, мучительный и счастливый, который выдерживают только очень сильные люди. В этом постоянном поиске, постоянном споре с собственным «я» и рождается проза Юрия Нагибина.

ЗДЕСЬ РОЖДАЕТСЯ ВЕТЕР

Игорь КОНСТАНТИНОВ.
Фото автора

Ученые подсчитали, что за последние четыреста лет наша планета безвозвратно потеряла около 40 видов зверей и 100 — птиц. На грани исчезновения находится сегодня немало животных. Одна из главных причин их сокращения — резкое наступление человека на природу. В результате широкого освоения лесов, полей, болот, гор, низменностей, пустынь они лишаются привычных мест обитания. Чтобы в этих условиях помочь животным, создаются заповедники, заказники, охранные зоны, питомники. Наше сегодняшнее путешествие в самый южный заповедник страны — Бадхызский.

Бадхыз — место удивительное. Чего только здесь нет! Тут и степь, похожая на саванну, и гряды холмов с фисташковыми рощами, и горные вершины, и огромная впадина Ерландуз...

Здесь всегда тепло, много солнца, снег даже в январе редкий гость. Это и неудивительно: находится Бадхызский заповедник примерно на широте Северной Индии, по соседству с самым южным нашим городом — Кушкой. А вот ветер тут постоянен. Бадхыз так и переводится — «ветер встает». Порой он спасает от жары, умиряет раскаленный воздух, делает его прохладнее. Но иногда сюда приносится еще более жаркий ветер с юга. С ним мчатся облака пыли и песка. И пока он дует, в белой мгле скрывается даже солнце. К счастью, визиты этого ветра не так уж часты.

Причина создания Бадхызского заповедника — куланы, единственная разновидность диких лошадей в фауне нашей страны. В прошлом веке и в начале XX столетия они были обычными жителями равнин Средней Азии и Казахстана. Их именами люди называли здесь немало оврагов, урочищ и других мест — Куланды, Каска-кулан, Кулан-Су, Кулан-Сай... Куланы табуны в ту пору нередко заходили даже в сибирские степи.

В конце же 30-х годов они сохранились лишь в последнем своем убежище — на юге Туркмении, на небольшом пятнышке между реками Мургаб и Теджен — в Бадхызе. И насчитали их здесь тогда около ста голов. Казалось, пройдет год-другой, и животные эти навсегда исчезнут с лица земли.

Но люди не допустили этого. В 1941 году в междуречье организовали заповедник.

...Утро выдалось ярким. От вчерашней жары, казалось, не осталось и следа. Недолгой в этих местах прохладе радуется все живое. Где-то в траве кричит ночная пучеглазая птица — авдотка. Тут и там столбики любопытных песчанок — зверьки, заметив нас, свистят и бросаются к норам. У пригорка что-то вынюхивает небольшая лисица — корсак. Часто спугиваем с дороги серых хохлатых жаворонков; секунда — и вот уже их голоса звенят в бескрайней синеве неба. Мимо нас проносятся архары — бегут они быстро, опустив вниз свои массивные головы.

Почти на 18 километров протянулось русло оврага Кызыл-Джар. Дорогу выбирать не приходится — ее нет. То спускаемся вниз на самое дно, то, поднимая неловкими движениями облака пыли,

лезем вверх и бредем дальше над обрывом. Кругом бурая земля, покрытая негустой сухой травой, чахлые кустики да какие-то странные растения. Они похожи на скелеты экзотических ископаемых деревьев. Местами их так много, что они образовали негустые заросли, не касаясь, впрочем, кронами друг друга. На иных примостились большие птицы, которые нехотя взлетают при нашем приближении. Проводник пояснил, что это «куланий лес», а точнее, заросли ферулы. Вообще это не деревья, а трава — представитель зонтичных, ближайшая родственница моркови и укропа. Она тоже съедобна: издавна из ее клубней туркмены варят чомун — своеобразный густой мед.

Невысок травяной лес: чуть больше метра над землей. Но те самые птицы, которых мы увидели, войдя в него, выбрали его для своих наблюдательных вышек не случайно. Вокруг нет выше растений. А с ферул отличный обзор. Выскочила песчанка из норы, и сразу ее замечает крылатый охотник — сарыч. Мгновенный бросок — и добыча в когтях.

Но где же куланы? Лес-то назван их именем, а их не видно. Куда они подевались? Проводник предложил углубиться в степь и поискать их там. В подтверждение своих слов он показал нам на землю, которая была расписана затейливыми письменами следов. Это куланы оставили свои визитные карточки. Здесь табун прошел ночью. Вероятно, с реки, с водопооя возвращался. Скоро мы их найдем.

Пока разбираем куланы следы, на глаза то и дело попадают черепахи. Разные по размеру — от спичечной коробки до великанов, напоминающих большую каменную шкатулку, — они не спеша поднимаются на своих шершавых, растрескавшихся лапах и ползти, не обращая ни на что внимания.

Зато варана наше появление насторожило. Мы увидели его в нескольких шагах. Царь ящериц высунул язык, раздул шею, приподнялся, зашипел и начал бить хвостом из стороны в сторону. Решив, что достаточно нагнал на нас страха, варан встрепенулся и нырнул в нору какого-то грызуна. Он обычно там и живет, не утруждая себя заботами по сооружению жилища.

В пустынях Индии, Африки, Ближнего Востока мясо варана считается деликатесом. Число гигантских ящериц, достигающих в длину полутора метров, повсюду сильно сократилось. И не только из-за гастрономических качеств. Шкура ящериц с узорным тиснением красива и необычно прочна. Туфли, сумки получают из нее великолепные. Пришлось бить тревогу ученым, чтобы спасти варана. Его занесли в список охраняемых пресмыкающихся.

В Бадхызе редко бывает так, чтобы, глянув по сторонам, не увидеть зверя. И точно! Мы заметили спешащего дикобраза. Он был совсем рядом, даже слышно было, как шуршали его иголки. От проводника мы услышали интересную историю, которая произошла в заповеднике.

Вышел под вечер дикобраз из норы. Тут его заметил пробегающий волк и бросился за ним. Расстояние между преследователем и его жертвой сокращалось. Еще несколько метров — и се-

ЕРЛАНДУЗ — ТАК НАЗЫВАЕТСЯ ОГРОМНАЯ ВПАДИНА НА ТЕРРИТОРИИ САМОГО ЮЖНОГО В НАШЕЙ СТРАНЕ БАДХЫЗСКОГО ЗАПОВЕДНИКА.

ЭТО НЕ ДЕРЕВО, А ТРАВА — БЛИЖАЙШАЯ РОДСТВЕННИЦА УКРОПА.

ВОСПИТЫВАТЬ ПОЙМАННОГО КУЛАНЕНКА «ПОРУЧАЮТ» ОСЛИЦЕ.

рый схватит его. И вдруг произошло необычное. На всем скаку дикобраз остановился, замер и поднял свою игольчатую шубу. Волк не понял этого маневра, с разбега напоролся на оборонительный щит колючего зверя и... взвыл от боли. Дикобраз, не раздумывая, помчался к норе и нырнул в нее. Горе-охотник, повизгивая, лег и начал зализывать раны.

Конечно, это редчайший случай. Ни о доблести, ни о сообразительности дикобраза он не говорит. Почти всегда бывает наоборот, от волчьих зубов трудно спастись.

Пожалуй, в Бадхызе лишь взрослые куланы могут постоять за себя. Но

малышам, отбившимся от табуна, да больным, если их заметили волки, приходится плохо. Они расправляются с ними мгновенно.

Не так давно, лет двадцать назад, в заповеднике можно было встретить еще одного крупного хищника — гепарда. По экстерьеру он похож на поджарую, высокую собаку, а по окраске на леопарда. Биологи отнесли его к семейству кошачьих. Зверь этот среди животных считается чемпионом по бегу. Никакой ветер не может догнать гепарда, когда он несется за добычей. Скорость его до 120 километров в час. И хотя такие рывки непродолжительны, их вполне хватает, чтобы гепард схватил добычу.

Эти природные данные издавна заметили люди и использовали их. Еще в прошлом веке с ловчими гепардами охотились в Туркмении на антилоп. Сейчас в странах Востока, где сохранились быстرونogie животные, есть дома, где их держат как борзых собак.

...Выйдя из зарослей ферулы, мы увидели табун куланов голов в двадцать. Не торопясь, шли они по растрескавшемуся, выгоревшему такыру. До них было метров двести, и животных можно было отлично рассмотреть.

Кулан похож на крупного осла, только значительно светлее и стройнее домашнего двойника. Уши — торчком, грива — ежиком, хвост короткий с неболь-

шой кисточкой, через светлую спину по хребту протянулся темный «ремень». На ногах пятна-заплатки.

покой животных, лишний раз стараются не тревожить их на пастбищах, водопоях.

Иван Семенович Сух, много лет работавший директором заповедника, рассказывал мне, что самым трудным было изменить психологию людей, частенько смотрящих на куланов как на лакомую добычу. Поголовье куланов увеличивалось, и местные охотники перестали видеть в них редкого зверя. Чего только не делали сотрудники заповедника, чтобы оградить куланов от браконьеров. Даже доски с гвоздями зарывали на дорогах, дабы преградить путь непрошеным гостям, но самым сильным оружием с браконьерством оказалось сло-

численность куланов на земле должна превысить две тысячи.

Раньше считалось, что куланы не идут на контакт с человеком, не могут жить в неволе, не по душе им вольеры и загонны. Скорее всего люди пытались держать в клетках взрослых животных, которым был знаком простор степей. Они не могли променять его на жизнь в зоопарках и быстро погибали. С малышами сложилось все по-другому. Они хорошо привыкают к людям, не боятся их, неплохо чувствуют себя в неволе, а главное — приносят потомство.

Ежегодно в Бадхызе отлавливают десять-пятнадцать малышей. В экспедиции за кулантами отправляются самые ловкие, опытные егеря заповедника.

Воспитывать пойманного малыша поручают ослице. Ее помещают в маленький загончик, спутывают ноги, завязывают тряпкой глаза, мажут морду формалином, чтобы скрыть подмену. И только после этих мер предосторожностей пускают к ней куланенка. Время делает свое дело — они привыкают друг к другу. Куланенок становится для ослицы самым дорогим существом на свете.

Так и живут они вместе до осени на глазах у людей. Потом их перегоняют в Кушку. А уже оттуда куланенок отправляется в далекое путешествие — на новое место жительства в какой-нибудь зоопарк нашей страны или за рубеж.

...Быстро развеялось облако пыли от ускакавших куланов. Идти за ними смысла не было. Проще поискать рядом другой табун. Но солнце начало безжалостно палить, и мы решили возвращаться. Всю дорогу шли над оврагом, вниз не спускались. Там была духота, казалось, обжигающий воздух повис и застыл в одном положении. А здесь, наверху, — ветерок. На нем блаженствовали ящерицы. Они залезли на кусты и распластались на ветках. На одном из кустов спилась с кроной тонкая спираль. Это змея-стрелка. Ее называли так не случайно. Уж больно она шустра. Реакция молниеносная. Словно пущенная стрела, летит она за добычей, с такой же скоростью спасается от врагов. Промелькнет — и нет ее. Существовать легенды об этой змее. Будто бы,

заметив человека или лошадь, она бросается на них с куста — и наступает мгновенная смерть. На самом деле стрелка совершенно не опасна ни человеку, ни крупному животному. Ее ядовитые зубы расположены в пасти далеко, от них достается лишь ящерицам да мелким птицам.

В Бадхызе есть змеи и посOLIDнее — порза, кобра. Но и они никогда первыми не нападают на человека. А кобра даже слышет змеей благородной. Заметив опасность, она расправляется, поднимается, раздувает щеки и шипит, как бы предупреждая: не подходи, не тревожь меня. Кобр в Бадхызе, как пишет известный ученый профессор А. Г. Банников, больше, чем в других районах Советского Союза. Пожалуй, больше нигде у нас нет и такого количества джейранов — животных, внесенных в Красную книгу и всюду охраняемых. Когда мы ехали на запад заповедника, в фисташковую рощу, табунки стройных газелей пробегали перед нашей машиной. Когда-то в Средней Азии их было очень много, но к началу нашего столетия эти животные были почти полностью истреблены. Сейчас с джейранами более или менее благополучно. Они неплохо живут в одном из заповедников Азербайджана, в специальном питомнике под Бухарой и в других местах Средней Азии. Специалисты полагают, что это один из кандидатов, которого в ближайшее время вычеркнут из Красной книги.

Джейраны попадались нам на глаза то и дело. Лишь когда степь сменилась зелеными холмистыми грядами, поросшими раскидистыми деревьями, они исчезли. Началась знаменитая фисташковая роща. Куда ни кинешь взгляд — всюду пышные деревья, и немало таких, возраст которых перешагнул не за одну сотню лет. Фисташковые орехи питательны, вкусны, они содержат до 70 процентов жира. Когда они созревают, роща кишит животными — лакомки здесь собираются со всего Бадхыза. Для многих птиц фисташковые деревья — высотные дома. В несколько этажей устраивают они здесь свои гнезда — разные по габаритам и архитектуре. А для зверей деревья стали тентами. В тени их крон легче переносится жара.

...Весной, когда идут недолгие дожди, расстилается в роще красный ковер маков. Несколько дней горит он, переливаются, сверкают его рисунки. Бегут отсюда до самого горизонта яркие волны. Гонит их ветер, родившийся здесь, в Бадхызе.

ФИСТАШКОВЫЕ ОРЕХИ ВКУСНЫ И ПИТАТЕЛЬНЫ — ОНИ СОДЕРЖАТ ДО СЕМИДЕСЯТИ ПРОЦЕНТОВ ЖИРА.

ЖИТЕЛИ БАДХЫЗА С МАЛЫХ ЛЕТ УЧАТСЯ ЗАБОТИТЬСЯ ОБ ОБИТАТЕЛЯХ ЗАПОВЕДНИКА.

МАЛЕНЬКИЕ КУЛАНЯТА БЫСТРО ПРИВЫКАЮТ К ЛЮДЯМ.

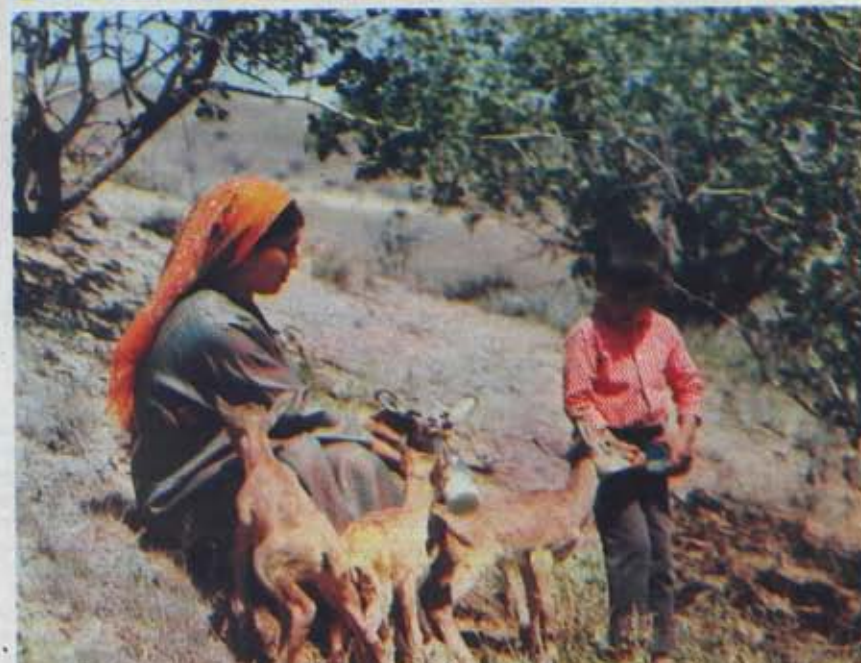
во. На отдаленные чабанские стоянки приезжали сотрудники заповедника, чтобы рассказать о куланах, о важности их сохранения. Сейчас необходимость в досках с гвоздями отпала.

В нашей стране живет около тысячи куланов, и почти все — в Бадхызе. Чтобы расширить географию их проживания, куланов из заповедника завезли на остров Барсакельмес, что в Аральском море, поселили их и в Аскании-Нова. Водятся куланы в некоторых азиатских странах. И тем не менее тревога за судьбу куланов остается, они по-прежнему в списке исчезающих животных Красной книги. Как считают биологи, чтобы быть спокойными за их жизнь,

люди надежно охраняют

люди надежно охраняют

люди надежно охраняют

СОЖГИТЕ ВСЕХ!

РОМАН

Глава XII

Судебный исполнитель с помощником вскоре уехали, а Клер осталась, не зная, что предпринять. Заметив в группе людей, разговаривающих около машин, журналиста Фарнье, она побоялась, что он подойдет к ней, и быстро развернула машину. Выехав после Шаламона на маленькую дорогу, ведущую в Монлюэль, Клер заметила человека на мопеде, который ехал по самой середине дороги. Приближаясь к нему, Клер значительно снизила скорость, а на расстоянии десяти метров начала сигнализировать. На мужчине были шлем и толстая куртка. Он, казалось, был очень недоволен, что его призывают к порядку, и сделал жест левой рукой:

Раздосадованная Клер взяла влево и, поравнявшись с ним, бросила на него гневный взгляд. Дымчатый козырек закрывал лицо мужчины. Он как будто сдвинулся вправо, и Клер, обгоняя его, увеличила скорость, затем взглянула в зеркальце и подскокила. Человек лежал ничком посреди дороги. Его мопед валялся рядом, переднее колесо еще крутилось.

Клер тут же остановилась и, выскочив из машины, бросилась к лежащему на земле мужчине.

— Мсье,—прошептала она, склонившись над ним.

Она дотронулась до его плеча. Он не шевельнулся. Может, следовало бы снять с него шлем, но это было опасно: Клер рисковала сломать ему позвоночник, если он, к несчастью, получил серьезные повреждения. Она в отчаянии оглянулась по сторонам. Дорога была пустынная, и в поле—никого. Клер стояла, не зная, что делать. Если она поедет за помощью, ее могут потом обвинить в том, что она бежала с места происшествия. Оставаясь на дороге в ожидании какой-нибудь машины, она подвергала опасности жизнь пострадавшего.

Клер еще раз попыталась установить, жив ли он, но не могла проверить пульс: мужчина лежал, подогнув под себя руки. Клер была видна лишь его шея. Она прикоснулась к ней пальцами: кожа была теплой. Но невозможно узнать, дышит ли он. Она должна принять какое-то решение. Надо найти дом, откуда она сможет позвонить.

Клер уже направилась к машине, когда до нее донесся глухой шум. Обернувшись, она увидела вдалеке на дороге черную точку. Клер побежала навстречу, размахивая руками. Это оказался черный фургон, к удивлению Клер, из него вышел жандарм. И за рулем также сидел жандарм.

— Это ваша машина?—спросил первый жандарм резким тоном.

— Да... Он не шевелится... Боюсь, что он тяжело ранен.

— Сбив человека, вы останавливаетесь лишь через пятьдесят метров?

— Но я его не сбивала. Он вел себя довольно странно. И я уверена, что упал он после того, как я его обогнала.

Шофер наклонился и покачал головой.

— Я вызову «Скорую помощь»... Сейчас его нельзя трогать.

— Ваши документы?—обратился к Клер первый жандарм.

Он пошел вместе с ней к машине, взял ее техталон и права.

— Идемте.

Шофер стоял рядом с фургоном и звонил. Клер заметила провод, который тянулся из кабины. Жандарм велел ей подняться в кузов фургона. Несмотря на свою растерянность, Клер обратила внимание, что в кузове всего два окошечка: одно—на задней дверце, второе—на перегородке, отделяющей кабину. Оба зарешеченные.

— Вы согласны пройти тест на алкоголь? В случае отказа я должен доставить вас к врачу, который возьмет у вас кровь на анализ.

— Но я не пьяна,—запротестовала Клер.

— Таков закон.

— Повторяю вам, что я его не задела. Если хотите, можете осмотреть мою машину.

Ничего не ответив, он открыл толстый портфель и достал из него запечатанную коробку. А из коробки—пластмассовый баллон для алкотеста.

— Дуйте в наконечник и не пытайтесь обманывать. Надувайте баллон.

В нем было какое-то вещество желтого цвета. Поколебавшись, Клер, не сомневаясь в своей правоте, начала дуть в наконечник. Баллон наполнился воздухом и стал темно-зеленого цвета.

— Вы превышаете допустимую норму на 0,80,—объявил жандарм.

— Вы шутите,—выговорила Клер. Она была ошеломлена.

— Это не в моих привычках. Посмотрите сами: баллон почти черный, что указывает на превышение нормы. Лучшее вам смирились с фактом.

— Ни за что! За весь день я не выпила ни капли алкоголя.

Он пожал плечами. Выйдя из фургона, Клер увидела несколько машин, замедливших движение, но другой жандарм делал им знаки, чтобы они продолжали путь. Первый жандарм подвел Клер к ее машине и показал углубление на правом заднем крыле.

— А это?

— Но этой машине десять лет, она вся помята...

— Да, точно, но здесь есть следы оранжевой краски. Мопед потерпевшего такого же цвета.

Со стороны Монлюэля подъехала «Скорая помощь» и остановилась около мужчины, все так же неподвижно лежащего на дороге. Клер хотела приблизиться, но жандарм удержал ее.

— Оставайтесь здесь.

— Но я хочу знать, жив ли он.

— Это от вас не уйдет.

Тем временем двое санитаров быстро уложили потерпевшего на носилки и погрузили в машину, которая тут же укатила. Провожая машину взглядом, Клер подумала, что сейчас она развернется на ближайшей грунтовой дорожке, но, к ее большому удивлению, «Скорая» продолжала быстро удаляться. Звук ее сирены затих вдали.

— Но куда же они едут?

— В Бург... Они считают, что необходимо транспортировать потерпевшего в больницу, которая оборудована лучше, чем местная.

— Почему не в Лион?

— Мы находимся в Эне, мадам... А сейчас вы поедете с нами в жандармерию.

— А моя машина?

— Не беспокойтесь. Сюда направляется патруль. Они присмотрят за ней, примут необходимые меры и составят протокол.

— Почему вы этого не делаете?

— Мы должны вернуться в жандармерию и повезем вас с собой.

Он поднялся вместе с Клер в кузов фургона, закрыл дверцы. Внезапно в этой полутьме Клер ощутила страх. Она никак не могла поверить в этот несчастный случай. Жандарм стоял у зарешеченного окошка и смотрел на дорогу. Клер попыталась взглянуть в окошко со стороны кабины, но оно было закрыто.

Через десять минут фургон замедлил ход. Клер встала.

— Подождите,—сказал жандарм.

Спустя полминуты он открыл дверцы и пропустил Клер вперед. Окружив ее с двух сторон, жандармы проводили Клер в маленький кабинет. Он был почти пуст: стол, три стула и старый шкаф на колесах для бумаг.

— Врач сейчас придет.

Жандармы вышли, и Клер, оставшись одна, подошла к окну, закрытому толстой решеткой. Она не увидела ничего, кроме фургона и высокой стены. Затем Клер подошла к двери, попробовала ее открыть, но дверь оказалась запертой на ключ. Ее принимали за преступницу? Она села, закурила. Надо было любой ценой побороть волнение, подавить охватившее ее чувство страха. Сейчас придет врач, она спросит его имя, узнает, где находится. Все это казалось невероятным. Она знала, что не сбивала человека на мопеде, что не пила. Лишь

накануне в полдень немного шампанского—к этому времени его уже не осталось в организме. Клер начинала сомневаться в реальности происходящего, спрашивала себя, не снится ли ей все это.

Минут через двадцать дверь открылась, и в сопровождении жандарма, который заставил ее дуть в баллон, вошел мужчина, одетый в штатское.

— Здравствуйте, мадам, я доктор Лорье... Я должен взять у вас кровь на анализ, но вы можете не соглашаться.

— В этом случае,—уточнил жандарм,—отказ повлечет за собой такое же наказание, как если бы присутствие алкоголя в организме было равно или превышало один грамм и две десятых на тысячу.

— Я согласна,—прошептала Клер, покоровшись судьбе.

Жандарм вышел. Клер сняла куртку и закатала рукав свитера на левой руке.

— Где мы находимся?—спросила она.

— Да в Пизье же,—удивленно ответил доктор.

— Вы здесь живете?

— Нет, в Монлюэле.

— Но Пизий—это совсем маленькая деревушка.

Я часто через нее проезжаю. Значит, в ней есть жандармерия?

— Небольшое отделение.

— Доктор, я похожа на пьяную женщину?

— На вид нет, но алкоголь может содержаться в вашей крови. Сожалею, но меня вызвала жандармерия. Вы имеете право потребовать другого врача.

— Нет, приступайте.

У него оказались ловкие руки, он быстро все сделал, закрыл пробирку, наполненную кровью, и вложил ее в свой чемоданчик.

— Не волнуйтесь,—сказал он.—Бывает, что анализ крови не подтверждает результат теста.

— Когда я узнаю результат?

— Думаю, завтра.

Как только врач ушел, появились оба жандарма и зафиксировали показание Клер, отпечатав их на маленькой портативной пишущей машинке. Они не пытались оказать на Клер никакого давления, и она подписала точный протокол своего рассказа.

— Разумеется, и речи быть не может, чтобы вы сами вели свою машину,—сказал один из жандармов.—Может, у вас есть здесь какой-нибудь знакомый, который мог бы сесть за руль вместо вас?

— Я незнакомая,—проговорила Клер.—Есть какие-нибудь новости о пострадавшем?

— Пока нет.

— Установили хотя бы его личность?

— Нам сообщат об этом из больницы, как только его разденут. Мы подвезем вас к автобусной остановке. Вашу машину пригонят сюда или, если будет возможно, к вашему дому.

Клер опять забралась в фургон. Поездка продолжалась около четверти часа.

— Мы могли бы вас задержать,—сказал жандарм,—но считаем, что ваше физическое состояние не требует таких мер.

Ошеломленная, Клер очутилась в открытом поле на незнакомой широкой дороге. Рядом она увидела щит с расписанием движения автобусов по маршруту Бург—Лион. Это было национальное шоссе 83. Еще не стемнело. На остановке никого не было.

Десять минут спустя Клер вошла в почти пустой автобус, села у окна и закрыла глаза. Потрясенная, во власти неотвязных мыслей, она присидела так до остановки у выезда из туннеля Круа—Рус. Здесь она успела вскочить в другой автобус, который и довез ее до дома ее матери.

Ее машина стояла у подъезда. Клер медленно обошла вокруг, с недоверием разглядывая ее. Это действительно была ее машина. Но номерного знака было недостаточно, чтобы убедить Клер. Она поднялась в квартиру, мать открыла ей дверь. У мадам Руссе было взволнованное лицо:

— Что происходит?.. Мне только что сообщили по телефону, что ключи от твоей машины в почтовом ящике... Я собиралась идти вниз.

— Я спущусь,—сказала Клер как могла спокойно.

Ключи лежали в белом конверте. Клер вернулась к машине, прислонила руку к капоту. Насколько она могла судить, машина стояла здесь добрых полчаса. Значит, жандармы знали, что ее отвезли, когда расставались с Клер. Это было непостижимо.

Не отвечая на лихорадочные расспросы матери, Клер позвонила в буржскую больницу, в службу «Скорой помощи», и справилась о состоянии велосипедиста, которого доставили между 15 и 16 часами.

— Он был сбит на дороге между Шаламоном и Монлюэлем. Жандармерия Пизья должна была связаться с вами... Его увезли на машине «Скорой помощи».

— Между 15 и 16 часами больные не поступали,—ответила Клер,—а единственная пострадавшая, доставленная в больницу во второй половине дня,—старая дама из Бурга.

— Это точно? Уверю вас...
 — Я дежурю с 12 часов,— раздраженно проговорила сестра,— и знаю, что говорю.
 — А есть другая больница?
 — Насколько мне известно, нет. Извините, я должна прервать разговор.

Клер повесила трубку и продолжала сидеть, не шевелясь. Мадам Руссе с испугом смотрела на нее, а Стефан, чувствуя, что что-то происходит, переводил взгляд с одной женщины на другую.

— У тебя есть телефонный справочник Эна?
 — Под телефоном.

Клер поискала среди абонентов Монлюэля доктора Лорье, но не нашла. Она позвонила в справочную, но там ей сказали, что врача с таким именем в этом городе нет.

— Вы не можете дать мне номер телефона жандармерии в Пиззе?
 — Минутку.

А затем прозвучала фраза, которую она и ожидала услышать, леденя от ужаса:

— В Пиззе нет жандармерии, это совсем маленькая деревушка.

Видя, что Клер опять листает справочник, мадам Руссе дала выход своему раздражению:

— Ты можешь мне объяснить наконец, что с тобой произошло? Ты что, считаешь меня слабоумной старухой? Я имею право знать!

— Сейчас, мама.

Клер дозвонилась в жандармерию Монлюэля. На дороге Д22 не зарегистрировано никакого происшествия.

— Позвоните в Мексимье и, может быть, еще в Шаламон. Все зависит от того, в каком именно месте произошел несчастный случай,— ответил ей жандарм равнодушным голосом.

Последовав его совету, Клер позвонила в Мексимье. Никакого происшествия на дороге Д22, но на дороге Н84 перевернулся грузовик. В жандармерии Шаламона тоже ничего не было известно о велосипедисте, сбитом на дороге Д22.

— Дай мне выпить чего-нибудь покрепче,— попросила Клер.

— Банановый ликер?
 — Нет, покрепче.

— Виноградную водку? — выговорила мадам Руссе. Она была шокирована.

— Да... Не бойся, я не собираюсь садиться за руль. О! Нет, это невозможно!

Клер скинула куртку, засучила рукава.

— Тебе больно, мама? — спросил Стефан, глядя на прилившую к ее руке вату с каплей крови.

— Пустяки.

— Но что с тобой случилось? — спросила мать, возвращаясь с почти пустой бутылкой и маленькой рюмкой в руках.

— Со мной разыграли нелепую комедию и в довершение взяли на анализ кровь.

Отпивая из рюмки маленькими глотками, Клер рассказала матери, что произошло. И хотя читала в ее взгляде недоверие, изложила все до конца.

— Ты уверена, что все было именно так? Невозможно ведь, чтобы жандармы стали разыгрывать подобную комедию... Все-таки... Тогда просто не знаешь, кому можно верить.

— Это были настоящие жандармы,— сказала Клер, повергая мать в еще большее недоумение.

Позже мадам Руссе зашла к дочери в комнату. Клер что-то писала.

— Я подам жалобу прокуратуре Бурга,— объяснила она.

Глава XIII

Женис Монтелье узнал о смерти Шарля Барона, сидя в баре неподалеку от дома. Бармена нашли в Соне со стороны Невилы за рулем «Порша». Человек, совершивший прогулку, заметил автомобиль под водой на глубине двух метров. Это произошло утром, поэтому информация в газете была довольно скудной. Прежде чем заказать себе виски, Женис несколько раз перечитал заметку. Не было никаких сомнений в том, что совершено преступление: на теле бывшего бармена обнаружены подозрительные следы. Других подробностей не было.

Значит, они предпочли избавиться от Барона, думал Женис, не испытывая большого удивления. Пятисотфранковыми купюрами из кассы В. Р. Н. ему заплатили за кражу автоцистерны с бензином. Должно быть, бармен совершил какую-то оплошность, возможно, рассказывал, как легко ему достались деньги. Напрасно он бросил работу в «Хоккее». Это был необдуманный поступок, который мог привлечь внимание полиции, все еще разыскивающей похитителя цистерны, виновного в пожаре.

В этот вечер Женис пообедал скромно, но в ресторане сидел долго. Вместо того чтобы вернуться домой, он отправился затем в кино, даже не поинтересовавшись, какой идет фильм. Он рассеянно следил за событиями на экране, а когда в зале

зажегся свет, с огорчением отметил, что всего лишь 11 часов вечера. Женис обошел несколько баров, где не пил ничего, кроме минеральной воды.

В половине первого ночи он вышел из машины недалеко от порта и продолжил путь пешком, осторожно шагая и стараясь не встретиться с портовой охраной, совершающей частые обходы. Он приблизился к складам нефтяной компании с восточной стороны, подошел к проволочной решетке. Женис не думал, чтобы здесь на ночь спускали собак, но все же озирался по сторонам, внимательно разглядывая железобетонные опоры. Электрических проводов, подсоединенных к какому-либо сигналу, не было. Разрезав проволоку в трех местах, Женис отошел в тень и стал ждать возможных последствий. Через пять минут, окончательно успокоившись, он освободил себе проход с помощью маленьких кусочков, которые на всякий случай всегда держал в машине.

В несколько бесшумных прыжков Женис добрался до автоцистерн, стоящих в ряд на цементной площадке. Первым делом он проверил уровнемеры: из восьми цистерн только одна была наполнена. И то мазутом. Так он и думал: из соображений безопасности, во избежание пожара цистерны заполнялись лишь перед началом работы.

Кабины машин были не заперты. Женис забрался в одну из них и нашел здесь то, что искал: документы на машину, водительские права шофера, а также его удостоверение, подтверждающее, что он работает в нефтяной компании.

Женис осмотрел одну за другой восемь машин и в шести из них обнаружил документы. Неплохое соотношение. Не хватало лишь одного: ключей. Их, должно быть, оставляли вечером в застекленном ящике у входа. Одно имя, сохранившееся в памяти Жениса, заставило его улыбнуться: Леон Карню, у которого якобы украли документы. Женис увидел дубликаты техпаспорта, водительских прав, новое удостоверение—транспортная компания, право же, не держала зла на Леона Карню и даже постаралась, чтобы он продолжал водить машины. Ох, уж этот Леон Карню, который обычно оставлял свои документы в кабине, но в тот памятный вечер унес с собой. А полиция, обратила ли она внимание на эту чрезвычайно важную деталь? Женис постарался запомнить адрес шофера.

Он уже собрался уходить тем же путем, что и пришел, когда его осенила потрясающая мысль. Несколько секунд он пребывал в нерешительности, не в состоянии предусмотреть все последствия своего поступка. Женис всегда охотно подчинялся своему инстинкту. Он быстро вернулся к машине Леона Карню и забрал сумочку со всеми документами.

Десять минут спустя Женис напевал, сидя за рулем своей машины. Он считал, что неплохо поработал. Вернувшись домой, он завел будильник на 5 часов, не заботясь о том, что поспать ему удастся не больше четырех часов.

Резкий звонок будильника пробудил Жениса от глубокого сна. Он встал с ясной головой и в прекрасном настроении, выпил две чашки крепкого кофе, наспех совершил туалет. Спустя полчаса он остановил свою машину прямо напротив небольшого домика Леона Карню. В крошечном саду у дверей гаража стояла старая «Симка 1300».

Стекло в машине Жениса было опущено, и в 6 часов до него донесся звонок будильника. Сквозь щели железных ставен прямо над гаражом пробивался свет.

В половине седьмого открылась дверь, полный мужчина тяжело спустился по ступенькам и направился к «Симке», даже не взглянув на машину, стоящую на противоположной стороне улицы. После нескольких попыток «Симка» завелась, мужчина оставил мотор греться и вышел из машины, чтобы открыть ворота.

Монтелье быстро подъехал так, чтобы загордить

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

выезд на улицу, достал сумочку с документами и незаряженный «кольт-38».

Карню в изумлении обнаружил, что какая-то машина мешает ему выехать. Он хотел открыть дверь, когда Женис направил на него револьвер, пряча сумочку под пальто.

— Без паники, старина, и все будет в порядке... Я давно уже хотел тебя повидать. У нас есть один общий приятель... То есть был — Барон.

— Не знаю я Барона,— выговорил Карню.— Чего вы хотите с этой вашей пушкой? Денег у меня нет.

— Это мы посмотрим. Ты должен был неплохо заработать на том деле с кражей цистерны... Не старайся... Ну-ка, посмотри.

Он достал сумочку с документами, и Карню подскочил.

— Узнаешь? Твои документы... Хорош ты будешь, если во второй раз за одну и ту же неделю придется признаться, что потерял их... Можешь, конечно, придумать, что какой-то вооруженный тип отобрал их у тебя или еще что-нибудь... Но на этот раз полицейские тебя уже не отпустят.

Карню дышал, как боксер, готовящийся к атаке, и Женис приподнял дуло «кольта».

— Спокойно, старина, я готов вернуть тебе эту сумочку, но я хочу все знать... Кто-то убрал Барона...

— Я тут ни при чем.
 — Но ты его знал?

Наступило гнетущее молчание.

— Хорошо,— сказал Женис.— Я ухожу. Брошу сумочку в Рону. А ты объяснишь полицейским...

— Подождите... Вы мне ее вернете?
 — Почему бы нет? Я не из полиции. Нужен ты

Наверное, многие ждут, что в начале разговора в канун новой Олимпиады со знаменитых ТРЕХ СЕКУНД. Тех секунд, в которые определилась наша победа в Мюнхене, когда впервые советские баскетболисты стали олимпийскими чемпионами.

События, уместившиеся в этот кратчайший промежуток времени, действительно лестно характеризуют нашу команду и особенно героев того решающего матча — Ивана Едешко и Александра Белова. Хотя бы тем, что этот момент навсегда вошел в историю баскетбола.

Мы тогда впервые стали олимпийскими чемпионами. Но второго-то ведь раза пока не было. И в преддверии московской Олимпиады мне хотелось бы вспомнить о том матче в интонации чуть менее торжественной, чем прежде. Так, мне кажется, будет полезнее...

Сергей БЕЛОВ,
чемпион Олимпийских игр 1972 года,
заслуженный мастер спорта,
капитан сборной СССР по баскетболу

МЕЧТА ОДНА НА ВСЕХ

Мы поняли тогда в Мюнхене, в семьдесят втором году, что можем победить американцев, когда смотрели их игру с бразильцами. Американцы в первых играх производили очень яркое впечатление, особенно игрой в защите. Достаточно заметить, что такие сильные европейские команды, как чехословацкая и итальянская, смогли бы забить американцам не более пятнадцати очков за тайм. А в общем защита команды США казалась непробиваемой. Сравнительно небольшой счет финального матча — тому подтверждение.

Но вот сидели мы на матче США — Бразилия, смотрели, как упорно противостоят фавориту бразильская команда и отчетливо понимали: выиграть у американцев мы на этот раз можем.

В Мюнхен мы приехали на редкость сбалансированным составом. Старшие по возрасту в нашей команде достигли своего расцвета: 27 лет было Модестасу Паулаускасу, 28 исполнилось мне, чуть помоложе был Михаил Коркия. И в то же время уже очень надежные были молодые — тот же Александр Белов (мой трагически рано умерший однофамилец, стартовал из Ленинграда).

Матч с американцами в финале шел с явным преимуществом нашей команды. С точки зрения зрителей, не слишком посвященных в игру, возможно, была неяркой. Преобладала психологическая борьба. Ясно было: сто очков, как любит публика, в таком матче ни одна из команд не наберет.

Мы выигрывали семь очков. И этот перевес в счете до последних минут четко отражал соотношение сил на площадке. Но можно было бы прибавить, можно было еще оторваться в счете. Однако тут-то и вышел на первый план психологический подтекст. Кое-кому из игроков нашей команды, находившихся на площадке, представлялось, что семь очков преимущества — предел желаемого. С большим счетом вести игру против США им казалось нереальным. Это и помешало.

Американцы в Мюнхене — не сильнейшая из баскетбольных команд США, которые мне приходилось видеть. Просто хорошо организованная команда, с которой сражаться, не отдав борьбе всего себя, не рекомендуется. И когда американцы заиграли в более свободный баскетбол, не придерживаясь тренерских схем, они сумели отыграть потерянное.

Примерно за десять секунд до конца Александр Белов неудачно отбросил мяч назад, он попал к американскому игроку. Саканделидзе не мог сделать ничего другого, кроме как «сфолить», преграждая дорогу к нашему кольцу Дугласу Коллину. Оставалось как раз три секунды, когда американец пошел бить штрафной. И тут наш тренер Кондрашин нажал кнопку, чтобы зажглась лампочка на судейском столе: просим минутный перерыв.

Тут такая деталь: по баскетбольным прави-

лами. Я понимаю, что здакий «детектив» в конце, эти знаменитые три секунды пощекотали нервы. Но считаю: болельщики советского баскетбола заслуживали того, чтобы увидеть нашу победу с отрывом в семь очков.

Был и со мной однажды случай, когда я забросил на последней секунде решающий мяч в игре на первенство страны с ленинградским «Спартак» — Но ведь последние секунды не обязательно бывают решающими. Это уж просто страсти накаляются так, что происходящее на последних секундах все как бы укрупняет. И если кто отличился — век помнят. Но, честно говоря, в начале и в середине игры гораздо чаще бывают моменты, когда забитый мяч или несколько мячей определяют поворот в общем ходе борьбы.

Вот в такой стадии матча и должен уметь отличиться игрок — тогда его смело можно считать ведущим. Кстати, таким большим игроком и был Александр Белов. И несправедливо считать, что именно три секунды в Мюнхене сделали ему всю репутацию.

Мне совсем непростое определить сейчас свое место в разговоре о предстоящей Олимпиаде. Я должен говорить, вероятно, с позиций опыта — опыта личного и опыта тех моих товарищей, кто уже уступил свою роль в сборной страны молодым игрокам.

Но опыт человека, продолжающего оста-

ваться в большом спорте, и подсказывает мне, что право на категоричность высказываний дается не столько умением проанализировать случившееся со мной и другими, сколько не прошедшим с годами выступлений в баскетболе умением вложить в три вот такие секунды, о которых я не смог не вспомнить в начале разговора, весь свой предшествующий опыт. Сыграть так, чтобы годы и годы спустя этот момент вспоминался людьми. Говорить помогает уверенность, твердая надежда быть на грядущих соревнованиях тем игроком, который способен переломить, изменить в пользу своей команды ход борьбы.

Мне хочется сейчас обратиться только к тому опыту, что непосредственно приложим к предстоящим нам испытаниям.

Олимпиада связана — самой своей четырехлетней периодичностью — с прожитым и пережитым в спорте гораздо больше, чем любое соревнование подобного представительства. Дебютанты Игр, как правило, в спорте совсем не новички, как бы молоды они ни были. За каждым из них, несомненно, различим победный опыт, а иначе как бы он попал на Олимпиаду? Но ведь в том-то все и дело, что уникальность олимпийских соревнований не в испытании одного лишь спортивного опыта. Здесь испытывается человеческая состоятельность спортсмена.

лам, если игрок получает от судьи мяч для второго штрафного броска, просить тайм-аут уже нельзя. Но Кондрашин просил тайм-аут прежде, чем Коллин пробил первый штрафной. Просто за судейским столом в этом страшном гвалте просьбу нашего тренера как-то не учли, что ли, прозевали. — Потом в видеоэ debate и в цветном документальном фильме было видно, что лампочка сигнала горит.

В оставшиеся секунды обстановка сложилась до предела нервная. После штрафных бросков, когда счет стал 50:49 в пользу американцев, табло почему-то показывало, что до конца секунда. Тут уж сам генеральный секретарь ФИБА Джонс показал три пальца — и велел три секунды доиграть.

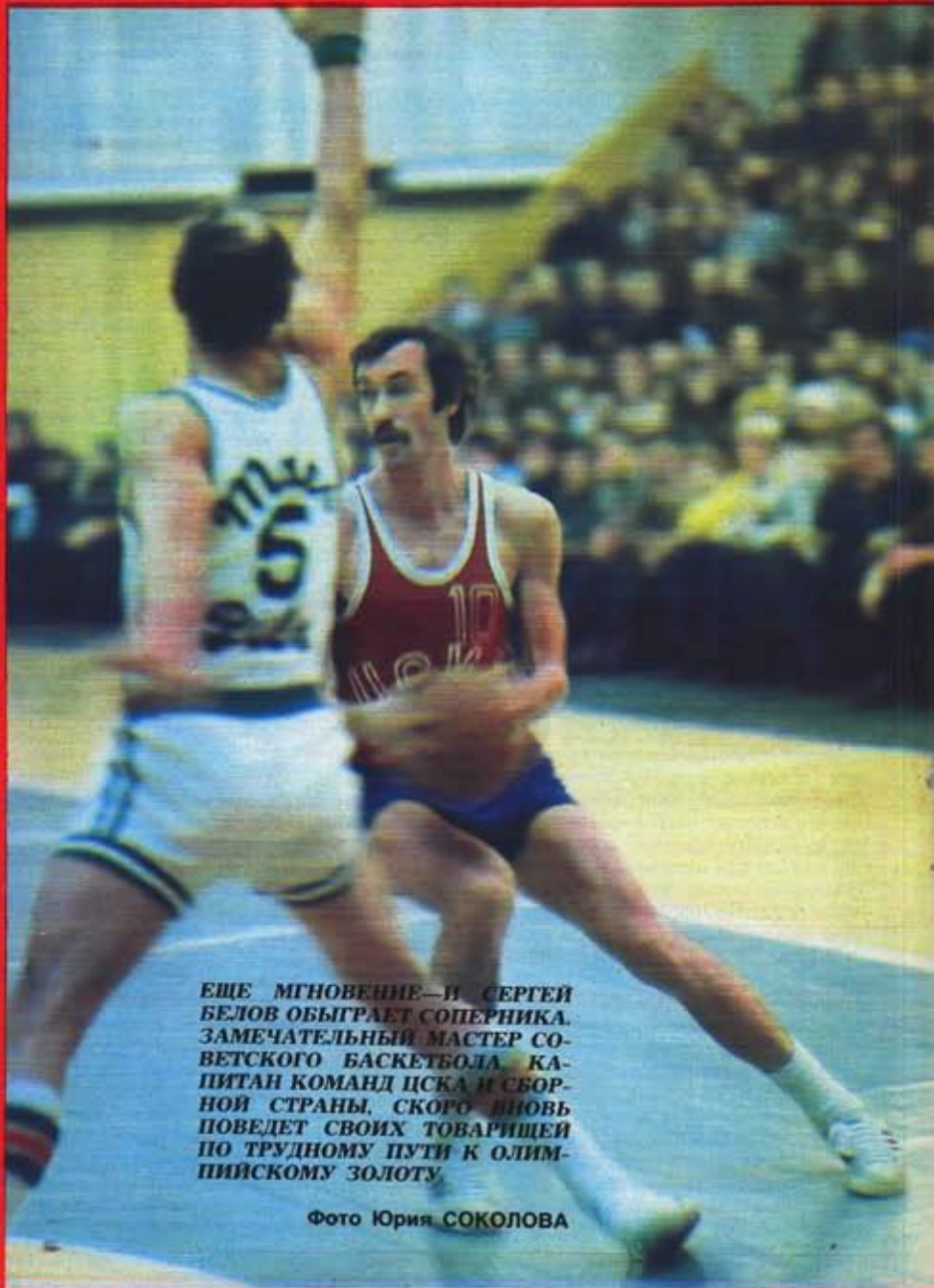
Вместо Жармухамедова вышел на площадку Едешко. И дал пас, который потом в прессе неизменно называли «золотым». Пас, как говорится, прошел. Через всю площадку мяч прилетел к Белову, и тот положил его в кольцо. Счет стал 51:50 в нашу пользу.

Американцы подали протест. И не явились получать серебряные медали. Мы дважды приходили на вручение, а их не было. Благодаря этому не слишком приятному в спортивно-этическом плане эпизоду мы сумели кое-что посмотреть из соревнований Олимпиады. Ведь обычно плотность и напряженность баскетбольного турнира не дают возможности ничего увидеть, только результаты узнаешь. А тут сначала мы на вручение пришли на стадион, где легкоатлеты соревновались, и увидели финал марафонского бега. Потом сказали, что награждение состоится в зале для ручного мяча. — мы и финал гандбола посмотрели.

Про Олимпиаду вообще легко все объяснить — я имею в виду самую обстановку, нюансы отношений — людям, которые сами на Играх побывали. А так трудно. Тянет на общие слова. Но они, в общем, справедливы. Вот, например, чувство коллективизма. Оно действительно проявляется на Олимпиаде, как нигде, причем во всех участниках, даже в самом закоренелом индивидуалисте.

Очень влияет и сама праздничность обстановки. Ощущаясь приподнятое настроение духа лучших спортсменов. Видишь, каким трудом дается победа самым стойким из атлетов. Помню, например, как боролся за высшую олимпийскую награду наш десятиборец Николай Авилов — после каждого вида программы ему становилось плохо, но на следующий старт он выходил с той же ментой и в итоге стал чемпионом.

Но вернемся к нашему финалу с американ-

ЕЩЕ МГНОВЕНИЕ — И СЕРГЕЙ БЕЛОВ ОБЫГРАЕТ СОПЕРНИКА. ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ МАСТЕР СОВЕТСКОГО БАСКЕТБОЛА КАПИТАН КОМАНД ЦСКА И СБОРНОЙ СТРАНЫ, СКОГО ВПОВЕДЕТ СВОИХ ТОВАРИЩЕЙ ПО ТРУДНОМУ ПУТИ К ОЛИМПИЙСКОМУ ЗОЛОТУ.

Фото Юрия СОКОЛОВА

Особые надежды на идейное разоружение молодого поколения идеологи империализма связывают со сферой культуры, развлечений, изощренным навязыванием буржуазных стандартов поведения. Полемика острейшей схватки за умы и сердца молодежи стали современное искусство, музыка. Не безобидные музыкальные паузы, а продуманное, целенаправленное воздействие на молодежь несут с собой волны эфира. Буржуазная пропаганда рассматривает этот участок как один из важнейших на фронте идеологической войны.

Гитлеровский фашизм назвал свой план вероломного нападения на Советский Союз операцией «Барбаросса». Недавно американский журнал «Сатердей ревью» возвестил: «Началась операция «Барбаросса рок-н-ролла». Чтобы противодействовать этой пропаганде, нужны серьезные скоординированные усилия комсомольских организаций, учреждений культуры, творческих союзов.

В последнее время широкое распространение получают дискотеки. Однако в силу слабого контроля за их работой со стороны комитетов комсомола в ряде мест они превращаются в рассадники бескультурия. В них используются записи, сделанные непосредственно с передач зарубежных радиостанций, пластинки, купленные из-под полы. В ряде случаев дискотеки совместили с буфетами, где продаются спиртные напитки.

Примерно такая обстановка была характерна для одной из дискотек города Николаева. Здесь до небес превозносились кумиры западной «поп-музыки», на экране демонстрировались иллю-

страции из зарубежных журналов вплоть до фривольных, и все это было отдано заводским райкомом комсомола на откуп случайному лицу — владельцу аппаратуры, который предоставлял ее, кстати сказать, далеко не бескорыстно.

Современная дискотека при соответствующем внимании комитетов комсомола может и должна стать местом действительно культурного отдыха, очагом пропаганды хорошего вкуса и манер поведения. Видимо, необходимо организовать выпуск пластинок специально для молодежных дискотек, а нашим журналам, альманахам «Молодежная эстрада» публиковать сценарии и другие материалы в помощь их организаторам.

Эстетическое, музыкальное воспитание нельзя, конечно, сводить лишь к проблеме танцевальной, эстрадной музыки. Комитеты комсомола обязаны больше внимания уделять таким формам художественной самодеятельности, как хоры, духовые оркестры, клубы любителей классики, политической и патристической песни, оркестры народных инструментов.

Высокий идейный уровень неотделим от художественной, эстетической грамотности. Пусть в сердцах все новых поколений стучатся могучие аккорды симфоний Бетховена и Чайковского, величавая мелодия «Интернационала», чарующая красота народных напевов. Пусть спутником молодежи всегда будут зовущие, волнующие комсомольские песни — такие, как песни А. Н. Пахмутовой, удостоенной на днях высшей награды Родины — ордена Ленина.

Надо строже относиться к выпуску западных кинофильмов на экраны, литературы, к тиражированию музыки. Вот образец той самой массовой культуры, с которой мы боремся, — песня «Мани» («Деньги»). Она записана на двух пластинках, выпущенных фирмой «Мелодия».

*Деньги, деньги, деньги...
В мире богатых людей всегда светит солнце.
Если бы у меня было много денег,
Можно было бы не работать
И вести привольную жизнь.
И потому — в дорогу,
В Лас-Вегас или Монако,
Поймать судьбу в игре,
И жизнь станет совсем иной.
Деньги, деньги, деньги...*

В воспитании молодежи нет мелочей. От неряшливости в одежде, подражания буржуазной моде, западным стандартам поведения, от некритического восприятия образцов буржуазной массовой культуры до моральной деградации, аполитичности, пренебрежительного отношения к трудной дистанции подчас и не такая уж большая, если молодой человек выпадает из-под влияния коллектива.

Из доклада
первого секретаря ЦК ВЛКСМ
Б. Н. ПАСТУХОВА
на V пленуме ЦК ВЛКСМ

Интервью берут читатели

Алексей КОЗЛОВ,
художественный руководитель
ансамбля «Арсенал»

В первом выпуске Клуба мы предложили читателям задавать вопросы певцам, композиторам, музыкантам, с тем чтобы интервью с ними вел не корреспондент нашего журнала, а коллективный корреспондент — читатель «Смены». Этим и объясняется появление нашей новой рубрики. «С большим вниманием следим за выступлениями ансамбля «Арсенал». Хотелось бы подробнее узнать о нем» — такой общий вопрос задают в своих письмах М. Арцеулов из Киева, С. Попкова из Якутии, Г. Пронин из Читы, В. Яковлев из Ленинграда и многие другие.

Наш корреспондент Андрей Комаров встретился с художественным руководителем ансамбля Алексеем Козловым, попросил ответить на вопросы читателей. И, естественно, первым стал вопрос о биографии «Арсенала».

— У нашего ансамбля две даты рождения: 1973 год, Москва, и 1976-й, Калининград. Несмотря на то, что все мы москвичи, на нашей визитной карточке, уже не символической, а настоящей, написан следующий текст: «Ансамбль «Арсенал» Калининградской областной филармонии». Этот несколько странный «анкетный» факт нашей биографии объяснит история возникновения ансамбля.

Во Дворце культуры Москворечья, что на Каширском шоссе, уже давно существует экспериментальная студия джазовой музыки. В начале семидесятых годов я там преподавал, вел гармонию, теорию и историю джаза. И вот в это время мне пришла мысль создать ансамбль, сочетающий джаз, рок,

„АРСЕНАЛ“

фольклор. Я задумался над новым типом инструментального ансамбля. В свободные от занятий дни, в тех же самых классах вечерами собирались уже не любители — слушатели студии, а профессиональные музыканты, в основном учащиеся Гнесинского института и студенты Московской консерватории. Репетировали, репетировали и еще раз репетировали... Глохли от шума, так как в небольшой, не более двенадцати квадратных метров, комнате помещался весь ансамбль — четырнадцать человек! — и полный комплект аппаратуры, не говоря об ударной установке.

Первая наша программа носила учебно-тренировочный, если так можно сказать, характер. Сначала важно было просто «сыграть», используя тот материал, который был хорошо известен и любим. Не забывайте, что в то время «арсенальцам» было по 20—22 года, никто из них не имел опыта профессиональной работы и знаний в области джаза. Поэтому мне пришлось повременить с экспериментами, а первую программу составить из переработанных известных джазовых пьес, близких по ритму и гармонической структуре к тогдашней рок-музыке.

На одном из отчетных вечеров в студии в декабре 1973 года мы вышли на сцену со своей первой программой, и, увы, нас приняли за одну из входивших тогда в моду рок-групп. Даже стали поговаривать, что Козлов отошел от джаза. После этого мы долгое время на публике не выступали, работали над более сложными пьесами, искали новые формы.

Однажды на репетицию пришел незнакомый человек, мы сразу обратили на него внимание: публика, присутствовавшая на репетициях, была нам привычна, прямо-таки старые знакомые — поэтому мы его сразу и заметили. Прослушал он нашу игру, подошел к нам, сказал, что очень она ему понравилась, ну и, естественно, представился: директор Калининградской филармонии Андрей Александрович Макаров. И пригласил познакомиться в филармонии. Мы были буквально огорашены, не поверили. Но через некоторое время получили официальный вызов, с хорошей оценкой прошли приемную комиссию. Вот такая история.

С этого момента и началась наша биография уже не любительского, а профессионального ансамбля. И если бы нам предложили ее написать, в ней оказались бы строки естественные, наверное, для каждого творческого коллектива: напряженная работа над новыми программами, ответственные просмотры, удачные и неудачные концерты, представительная география гастрольных поездок. Были бы и строки об успехах: дважды мы стали лауреатами Всесоюзных фестивалей — в Москве и Тбилиси, участвовали в международных джазовых фестивалях в Польше и Венгрии; участвовали в

декадах мастеров искусств: в Литве, в Киеве, посвященной 325-летию воссоединения Украины с Россией. Вроде и не принято говорить об успехах, нескромно, но ведь для нас это важно, это — признание правильности нашей идеи, того, что мы на верном пути.

«Почему ансамбль под руководством Алексея Козлова носит именно такое название — «Арсенал»?» (С. Смольков, Москва).

— Название «Арсенал» родилось сразу же. Значение этого слова в словаре — большой выбор средств. Оно в полной мере соответствовало нашей главной идее — не ограничиваться рамками какого-либо джазового направления. Во-вторых, по-арабски это слово означает мастерская. Что тоже соответствовало нашей сути: мы вели постоянный поиск — поначалу ансамбль и был мастерской. И, наконец, слово это однокоренное с древнегреческим «арс» — искусство. Тут уж, думаю, пояснений не нужно.

«Заметил, что на разных афишах «Арсенал» классифицируют по-разному: то ансамбль джаз-рока, то джаз-ансамбль, то просто инструментальный ансамбль. В некоторых статьях о нем говорится, что он играет в стиле «фьюжн», в некоторых — что в стиле фольк-рока и т. д. Что же все-таки соответствует истине?» (А. Аюпов, Ереван).

— Сталкиваясь с таким вопросом не впервые. И, откровенно говоря, для нас проблема терминологии — названия той музыки, которую мы играем, — вдруг стала важной. Постоянно подходят заинтересованные зрители, друзья, критики и спрашивают: а что это такое — джаз-рок, фьюжн? И мы все чаще и чаще сами начинаем задумываться над этим. Нас даже утомила эта проблема.

Мы сейчас живем в такое время, когда действительно происходит удивительный процесс, более активный по сравнению с предыдущей историей музыки, — процесс смешивания и сплавления разных музыкальных направлений, жанров. Теоретики все время пытаются как-то назвать это: появляются термины неофьюжн, рок-джаз, пост-фьюжн, классик-рок, рок-опера... Страшное количество вот таких слов.

Мне бы хотелось подчеркнуть, заявить громко со страниц журнала, что для нас сейчас проблема названия отпала. Она нам не нужна. Мне кажется, что и для слушателя тоже. Хотя для многих слушателей, особенно со снобистским уклоном, очень важно знать, как это называется, — только тогда он будет этим интересоваться. Я знаю много таких людей. Они пытаются найти полочку, куда положить свой интерес. А мне кажется, что и музыкантам и слушателям не нужно особенно над этим задумываться — нужно стараться понимать смысл музыки. Поскольку эстрадная музыка сей-

час состоит из самых разных лоскутков, частей, надо просто ее слушать и не пытаться относить ее туда или сюда. Тем более что очень трудно смешиваются, например, джаз традиционный с современным электронным искусством, с рок-музыкой, с фольклором, с симфоническим камерным авангардом... И наша задача — достичь естественности, искренности во время исполнения, чтобы смешение было натурально, без притянутости за уши друг к другу. Чтобы была не смесь, а именно сплав. Как известно, сплав отличается от смеси наличием каких-то новых качеств по отношению к составляющим компонентам; смешать можно что угодно, но сплавить — не все и не всегда.

Часто так бывает: когда мы любим некоторые фокусами, берем какую-нибудь форму, взятую из симфонической музыки, соединяем ее с джазом или другими элементами — получается искусственный продукт. Иногда даже неплохой, но он вызывает скорее восхищение ума и несколько предвзятое расположение. Ах, как здорово это сделано! Но он, этот музыкальный опус, не вызывает, не затрагивает чувства ни у слушателей, ни у нас, музыкантов. И мы такие пьесы снимаем с репертуара. Наша задача — перейти к исполнению искренних пьес, более простых в смысле общей задачи: не конструировать ничего искусственного.

«К сожалению, ансамбль «Арсенал» слышал только по радио, на концертах быть не пришлось. Знаю от тех, кто был, что на каждом концерте музыканты как-то по-особому контактируют с залом, стараются ввести непосвященных в проблемы

сверхзадача — объединить эту аудиторию на основе восприятия ею исполняемой нами музыки. Одно из важнейших условий для достижения этого — никогда не ставить себя выше публики, не относиться с пренебрежением к вялым слушателям, не реагировать остро на злопыхателей, стараться заинтересовать нейтральную часть аудитории. Признаюсь, что до определенного времени я ориентировался на «знатоков», то есть на концерте настраивался на идеального слушателя, а реакцию остальных воспринимал как что-то неизбежное. Но опыт гастролей, общение с разными людьми, проходящими на наши концерты, убедили меня в том, что современные «знатоки» коллекционируют пластинки или записи какого-нибудь одного направления, глубоко знают его — это их и отличает. Отличает в том смысле, что такие специалисты начинают нетерпимо относиться к другим направлениям, особенно новым, подводя под свое отношение «теоретическую» базу. Знатоки же широкого профиля пока что большая редкость. Поэтому нам сейчас стали гораздо ближе слушатели неискушенные и не тронутые влиянием музыкального снобизма.

«Давно слежу за выступлениями ансамбля «Арсенал». В афишах прежних лет фигурировали фамилии вокалистов, теперь же вижу, что ансамбль только инструментальный. Значит, за время существования ансамбля происходили какие-то изменения. Хотелось бы узнать о сегодняшнем составе ансамбля» (В. Чибисов, Калининград).

— Да, сначала у нас были три вокалиста. И не то чтобы они, как говорят, не прижились: просто

Ну а если говорить об инструментальном составе, тоже есть изменения: появились синтезатор и электророяль; фейзеры и фленджеры — устройства, изменяющие качество звучания любого инструмента. То есть спецэффекты, как сейчас принято говорить.

— Алексей, вот вы упомянули о спецэффектах. В письмах, приходящих в редакцию, это настолько частый вопрос, что нет смысла и цитировать всех наших корреспондентов. Может быть, вы как профессионал выскажете свое мнение о перспективах использования спецэффектов в музыке?

— Сначала о синтезаторе. Многие ошибочно считают, что это какое-то электронное приспособление, чуть ли не автомат-аранжировщик. Синтезатор — такой же инструмент, как рояль или кларнет. Он не убивает человеческих возможностей, а, наоборот, позволяет выразить их более полно, но в том диапазоне звуков, который без электроники недоступен. На синтезаторе можно добиться такого звучания, которое приближается к человеческому голосу, — обычному инструменту это не по плечу. Поэтому мы используем синтезатор не как машину, позволяющую создать всякие там эффекты, не для пустого трюкачества — с его помощью мы показываем уникальные возможности музыки в воспроизведении человеческих эмоций.

То же касается и различных спецэффектов, фейзеров и фленджеров, скажем. Они помогают сделать звук любого инструмента богаче, объемнее или преобразить его в совершенно новый, необычный звук.

современной джазовой музыки. Хотелось бы узнать подробнее о том, как это происходит» (М. Кардин, Ташкент).

— Действительно, слушатели, контакт с ними — первейшая наша забота. Не в том смысле, что мы считаем свою миссию просветительской, — это уж больно громко. Нет, все гораздо проще: мы гастролируем по всей стране, чаще всего имеем дело с публикой, не подготовленной к восприятию современной инструментальной музыки. И, конечно, смешно да и невозможно перед каждым выступлением читать лекции. Мы стараемся так играть, так импровизировать, чтобы заинтересовать, увлечь, — это, по нашему убеждению, начало глубокого интереса. Если же он на наших глазах затухает, то порой приходится прямо на ходу менять программу. Нередко между пьесами мне приходится делать некоторые пояснения по поводу исполняемой музыки, иногда как бы «напоминая» слушателям о тех вещах, которые на самом деле известны только специалистам. Для нас важно в течение малого концертного времени увидеть, какая музыка тронула зал. Ведь к нам на концерты приходят и подростки и люди среднего возраста. И вот наша

чем ближе мы подходили к воплощению своей идеи — импровизировать на основе сплава многих стилей, — чем больше мы обращались именно к джазу, тем яснее нам становилось, что «Арсенал» не должен быть вокально-инструментальным ансамблем. В целом состав ансамбля остался почти тем же, что и вначале. «Ветераны» — пианист Вячеслав Горский, гитарист Виталий Розенберг и группа духовых инструментов: Анатолий Сизонов, Евгений Пан и Вадим Ахметгареев. А вот четвертый их товарищ ушел от нас на «пышные хлеба», как говорят, а попросту — в ресторанный оркестр. Ритм-группа в начале профессиональной работы сменилась: на ударных сейчас играет Станислав Коростелев, а на бас-гитаре Анатолий Куликов. На дополнительных и народных ударных инструментах играет Валерий Демян.

Значительно возросли роль и мастерство звуко-режиссера Валерия Юркевича, а также специалиста по световому оформлению Сергея Чулокина. В нашем концерте свет не просто сценический эффект, он помогает зрителю правильно понять структуру пьесы, выявляет солистов и отдельные группы инструментов.

КАЖДОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ «АРСЕНАЛА» — ДИАЛОГ С ЗАЛОМ. ВЗВОЛНОВАННЫЙ ДИАЛОГ О ДЖАЗЕ.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

Короче говоря, если спецэффект не выпячивать, не делать самоцелью, он только во благо исполнителю и слушателю. Тогда он еще больше одушевляет звук.

В заключение нашей беседы мне искренне, со всей теплотой хотелось бы поблагодарить тех, кто прислал в редакцию «Смены» письма с вопросами о нашем ансамбле, за внимание и, главное, за интерес к той музыке, которую мы исполняем, над которой работаем постоянно. Потому что выдвинуть идею и даже реализовать ее — этого еще мало. Надо постоянно совершенствовать эту идею, надо работать, чтобы она полнее, глубже реализовалась не только в нас, ее авторах, но и в слушателях. В тех, для кого мы играем. В тех, с кем мы ведем музыкальный диалог.

УДЕРЖАТЬ ДВА ЯБЛОКА В ОДНОЙ РУКЕ

Эдда
ЗАБАВСКИХ

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Пиано получается громкое, гулкое, непрозрачное, а форте вязкое... Перья должны лететь — что же вы щекочете!.. Виолончели! Не берите много нот — берите одну, но звучнее. В такой день мы должны играть лучше.

В Большом театре шла репетиция концерта, посвященного 60-летию ВЛКСМ. За пультом главный дирижер театра Юрий Симонов. Праздничные концерты столь же трудны, сколь и почетны. Надо успеть за две-три репетиции не только сделать каждый номер, но, главное, объединить огромную и многоцветную, порой разностильную программу в логическое и цельное музыкальное полотно. И поразила тогда необыкновенная собранность Симонова, ясность и быстрота мышления, предельная точность жеста, мимики и слова, устремленность к пока одному ему видимой единой и выразительной общей картине. И огромное чувство ответственности, полная, самозабвенная отдача этому очень важному и все-таки «разовому» концерту, из программы которого, возможно, многое никогда не войдет в постоянный репертуар дирижера.

Я не впервые попала на его репетицию. Но не уставала удивляться богатству лексики, обширному активному словарю, из которого поразительно оперативно выхватывается образное, с точным настроением и смыслом слово — единственно возможное и убедительное при обрисовке задачи, характеристике каждого исполняемого фрагмента. Поистине каждое слово необходимо на данном этапе музыкального труда, дополняя столь же четкий и выразительный жест.

— Это надо исполнять, будто вы влюблены. Вы относитесь рассудочно, как Онегин, а надо как Ленский. Это красиво, когда звучит такая музыка!

Конечно же, меткость слова и точность постановки задачи, как и мастерство, — результат труда, поиска и опыта многих лет.

— В самом начале моей дирижерской деятельности у меня были принципиально иные меры воздействия на исполнителей, — шутовливо говорит Юрий.

Иными мерами воспитания лет тридцать пять назад было... телесное наказание нерадивых музыкантов с помощью дирижерской палочки. Правда, палочкой был тогда обыкновенный карандаш, музыкантами — куклы, рассаженные на обеденном столе. А самому «маэстро», Юре Симонову, едва стукнуло в то время... три года. Он воспроизводит этот ранний этап своей дирижерской деятельности со слов мамы, в то время певицы Саратовского театра оперы и балета. Повела мама и о том, как ее столь рано определивший призвание в искусстве сын остановил однажды репетицию, начав «дирижировать» театральным оркестром из ближайшей лужи. «Уберите его, он мне мешает!» — закричал тогда ведущий репетицию дирижер. Он явно расхотелся с мальшом в понимании главной задачи, в темпах и акцентах фразировки...

Зато помнит сам Юрий, как на вступительных экзаменах в музыкальную школу спел он любимые арии: Ивана Сусанина, Кончака и... Шемаханской царицы (было высокое сопрано: брал фа диэз третьей октавы) — и на вопрос экзаменаторов, на каком инструменте он хочет учиться играть, ответил не задумываясь: «Ни на каком! Я хочу быть дирижером!»

Дирижеров школа, естественно, не готовила, и Юра стал учиться играть на скрипке, но с мечтой не расстался. Такая страстная устремленность не могла остаться без заслуженной награды, и в двенадцать лет (это был 1953 год) руководителем школьного детского оркестра Григорий Коцдратевич Ершов впервые поставил Юру Симонова за настоящий дирижерский пульт. Юный дирижер исполнил с оркестром Саратовской детской музыкальной школы соль-минорную симфонию Моцарта, детскую симфонию Гайдна, неоконченную симфонию Шуберта, небольшие произведения Чайковского, Бетховена...

Потом Ленинград, специальная музыкальная школа при консерватории.

Консерватория. Штурм высот исполнительства — скрипка и альт. И одновременно класс симфонического дирижирования у педагога Н. С. Рабиновича. Самодельный симфонический оркестр Выборгского Дворца культуры. Участие во Всесоюзном конкурсе дирижеров в 1966 году. Симфонический оркестр в Кисловодске. Золотая медаль на Международном конкурсе дирижеров в Риме.

Главным дирижером Большого театра Симонов стал в неполных двадцать восемь лет.

Конечно, в таком стремительном взлете всегда большая доля случайности, явного «везения», благоприятного стечения обстоятельств. Повезло и Юрию Симонову — прежде всего в том, что начало его самостоятельного пути в музыке совпало со временем своеобразных экспериментов в выдвижении молодежи на самые видные посты в искусстве. Не случайно именно в последние годы главными дирижерами трех ведущих музыкальных театров страны стали молодые музыканты: кроме Симонова, Юрий Темирканов в Ленинградском театре оперы и балета имени Кирова и Дмитрий Китаенко, ныне возглавляющий симфонический оркестр Московской филармонии, тогда был назначен в музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко.

И все же почему именно он? Вспоминается весьма показательный эпизод из биографии Симонова. На Всесоюзном конкурсе дирижеров он... оказался без документов. Что было делать?

— Я позвонил тогда председателю жюри, — рассказывает Юрий. — Объяснил положение, спросил, как быть.

«Приходите без документов, — ответили ему. — Вероятно, вам есть что сказать в музыке...» И, поверив в незаурядность молодого музыканта, не ошиблись. Симонов стал лауреатом конкурса. И пусть он занял тогда только шестое место — его назначили главным дирижером в симфонический оркестр Кисловодской филармонии. У него появились новые возможности творческого проявления и роста. Но, пожалуй, главная награда — сложившееся мнение о его необыкновенной целеустремленности, воле, умения бороться и утвердить свою творческую индивидуальность в самых трудных условиях.

Назначение в Большой театр было неожиданным признанием, редкой удачей. И одновременно тяжелой, ответственной ношей. Впервые в истории Большого театра высокий пост главного дирижера занял такой молодой, почти неизвестный музыкант. Один на один предстал он перед огромным коллективом мастеров, работавших с ведущими дирижерами страны, встречавшихся с мировыми знаменитостями, привыкших к признанным авторитетам. Симонова сразу (и в общем-то закономерно) стали сравнивать с этими авторитетами, и прежде всего с его предшественниками в Большом театре. В его творческой непохожести и коллектив и любители музыки видели разное: кто — свежесть восприятия, кто — явную незрелость.

Всего этого не мог не чувствовать Юрий. Сколько такта, ума, истинного таланта потребовалось, чтобы найти правильные формы творческих и человеческих отношений с множеством таких разных лю-

дей — певцов, музыкантов, танцовщиков, режиссеров, художников, каждый из которых сложившаяся личность с собственными мнениями и убеждениями. Показать хотя бы на минуту свою неуверенность было равносильно добровольной сдаче оружия. Но вряд ли ему, неопытному, принесла бы пользу и излишняя уверенность. Как было определить меру во всем: где согласиться с более опытными и знающими мастерами, поучиться у них, а где выйти в открытый поединок, упорно добываясь своего...

Сейчас Симонову тридцать девять. За плечами более десяти лет руководства первым музыкальным театром страны. В его репертуаре 20 оперных спектаклей, 7 собственных постановок, более 200 крупных симфонических произведений. Его постановки подробно разобраны музыковедами. Юрия Симонова давно и привычно называют мастером. В коллективе театра говорят о его большой одаренности, глубоком понимании музыки и умении объяснить и зажечь исполнителей, о его любви к опере...

— Меня спрашивают иногда, страшно ли было встать за пульт, прославленный именами таких выдающихся мастеров, как Пазовский, Голованов, Мелик-Пашаев, Светланов, Рождественский. Нет, тогда было совсем не страшно. А сейчас страшно и с каждым днем страшнее: с годами, естественно, возрастают требовательность к себе и как к музыканту и как к руководителю, мера ответственности за весь театр.

Первым продирижированным спектаклем на сцене Большого театра была «Аида» Верди (11 января 1969 года).

А уже в 1972 году музыкальная пресса, подводя итоги двух самостоятельных постановок молодого дирижера, отмечала: «Дирижер, поставивший и блестяще исполняющий две труднейшие оперы — «Псковитянку» и «Руслана», — заслуживает уважения и признания».

«Руслан и Людмила» Глинки стал вторым экзаменом, окончательно утвердившим профессиональную зрелость Юрия Симонова. Он раскрыл сложнейшую и богатейшую партитуру по-своему. Музыка «Руслана» зазвучала у него четко и академично и в то же время с большим драматическим накалом, нервно и трепетно. В ясной, логичной динамике, художественно верных и тем не менее непривычных темпах она разлилась во всей своей богатой и мощной красоте. Живо и полнокровно встали перед слушателями яркие картины жизни Киевской Руси с ее героическим и архаико-языческим стилем, живописная экзотика восточной томной неги и взрывающихся знойных «дикарских» созвучий. Особенно масштабны и грозны в подчеркнута замедленных и цепенеющих темпах богатырские — волшебные и всегда жизненно-

НЕ ПОКИДАЕТ НАС ВЕСНА

Музыка Юрия САУЛЬСКОГО.
Стихи Леонида ЗАВАЛЬНЮКА

Не покидает нас река,
Где столько солнечного ветра,
Где ветка клена или кедра,
Как друга верного рука.

Не покидает нас весна —
Тот край под радугой высокой,
Где вербы гнутся над осокой
И капли падают с весла.

Припев:

Вдали от дома
Не покидает,
В любой разлуке
Не покидает,
Как песня сердца,
Не покидает нас весна.

Не покидает нас простор,
Где утро просекою скачет,
Где вешний лес стоит и плачет,
Расчесан ливнем на протор.

Не покидает нас любовь
К земле, что счастьем нас учила,
И что бы нас ни разлучило,
Ее всегда несем с собой.

Припев:

Вдали от дома
Не покидает,
В любой разлуке
Не покидает,
Как песня сердца,
Не покидает нас любовь.

В первом выпуске Клуба «Музыка с тобой» мы опубликовали выступление народного артиста СССР Леонида Осиповича Утесова «Об эстраде и о себе».

В нем он высказал такое соображение:
— Наше государство существует уже шестьдесят три года.

Песен за это время написано много.

Но сколько из них на самом деле пошло в народ? Я думаю, примерно шестьдесят. Получается в год по песне.

Мне кажется, больше одной-двух песен в год народ не подхватывает.

Какой же она чаще всего бывает, эта единственная песня?

Как правило, она отличается несложными музыкальными оборотами.

В массы обычно идет песня с доходчивыми музыкальными ходами, но в тексте ее обязательно должен быть «крючок».

Понимаете, это слово или фраза, сразу проникающая в сердце слушателя;

удачно сформулированное настроение или примета, хорошо знакомые всем.

Вот возьмите, к примеру, «Катюшу» или «Синий платочек».

Разве их можно представить с другим текстом?

Само слово «Катюша» уже «крючок».

Особенно был великолепен словесный «крючок» у Лебедева-Кумача.

Он у него разнообразен, и почти всегда это готовый лозунг. Вспомните:

«Тот, кто с песней по жизни шагает,

тот никогда и нигде не пропадет»

или «Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить».

Ну, а с точки зрения мелодии должны быть неусложненные музыкальные обороты, основанные на интонации русской народной или городской песни.

ВАШЕ МНЕНИЕ?

ВАШЕ МНЕНИЕ?

Начало на 22-й стр.

мне! Расскажешь все, и я уйду, оставив тебе этот маленький подарок. Ты меня забудешь, я забуду тебя... Оба мы будем держать язык за зубами, и никто не узнает, что ты мне доверился. Но надо торопиться, а то опоздаешь на работу.

Карню думал недолго.

— Хорошо. Я немного знал Барона... Он когда-то водил грузовики и работал со мной вместе... Давно, лет десять назад. Но мы иногда встречались за стаканчиком божоле. В воскресенье 18-го он мне предложил это дело.

— Сколькo?

— Десять тысяч... Новых.

— Значит, миллион старых! Болван, небось всегда говоришь в старых, а тут преуменьшаешь... Ладно, продолжай.

— Я должен был лишь наполнить цистерну вечером и оставить документы в кабине.

Женис удивился.

— Погоди, не торопись. Это что, в порядке вещей — заполнять цистерну накануне?

— Иногда, если шеф разрешает... Если надо ехать рано утром... Как в тот раз. Да и в других случаях можно договориться.

— А документы? Обычно ты их забираешь с собой? — Всегда. После этой истории стал оставлять, о чем сожалею...

— Но он же не мог войти, не имея документов... Ну, да, конечно!.. Идиоты! Они взяли этот риск на себя? Оба охранника?

— Надо думать.

— Дальше! Кто ехал сзади на легковой машине? — Послушайте, — проговорил Карню, волнуясь, — я не знал, что там затевается... Сказал жене, что работаю ночью... Теперь она о чем-то догадывается...

— Как, в этой машине был ты?

— В «Порше» Барона... Мы поменялись ролями... На случай, если вдруг возникнут какие-нибудь осложнения. Он — за рулем цистерны, я — в «Порше». Идиотизм, но я понял, что Барон получил вознаграждение за то, что вел цистерну. Только я догадался об этом уже потом.

— Ты знал маршрут?

— До этого проклятого поселка знал... Я должен был дожидаться в пятистах метрах от Гийоза. Я думал, что там находится гараж или заправочная станция.

— Не валия дурака, старик... Ты получаешь миллион, Барон в два или три раза больше. А где ж тогда прибыль от перепродажи бензина?

Монтелье быстро соображал, и Карню об этом тоже думал. Он вздохнул.

— Знаю... Барон прибежал в панике, сказал, что цистерна застряла, и мы поскорее смотались.

— Ты не въезжал в поселок?

— Нет. Что я, с ума сошел! Я перетрусил и ждал в машине... Если вы думаете, что я из тех, кто привык к таким делам, вы ошибаетесь... Я уж тогда пожалел.

— Ладно, ладно, не пыхти.

— Я развернулся и, отъезжая, увидел пламя... Барон сказал, чтобы я не обращал внимания. Но я смотрел в зеркало...

— И все?

— Пламя стало огромным, и я заметил тени... Силуэты, что ли.

— Силуэты? Сколькo?

— По меньшей мере два, может, три.

— Сколькo времени отсутствовал Барон?

Раздвув щеки, Карню сделал гримасу, давая понять, что ему ожидание показалось очень долгим.

— Больше получаса, во всяком случае... У меня уж не было сил... Холодно было в этом тумане... Но с меня пот катился градом.

— Да, стоял туман, и, несмотря на это, ты заметил силуэты?

— На таком-то пожаре! — возмутился Леон Карню. — Туман растаял, вот... Иногда на аэродромах при тумане специально зажигают огромные горелки. Так же было в поселке. Я вдруг увидел дома. Они горели все разом.

— Цистерна взорвалась?

— Нет... Ничего подобного... Но она, наверное, взорвалась потом. Не знаю, что произошло... Барон наврал мне, когда сказал, что цистерна застряла... Я лично думаю, что они хотели куда-то перелить бензин... И все загорелось.

— По-твоему, существует какой-то тайный склад? Но тридцать тысяч литров нельзя было продать больше чем за четыре миллиона старых франков... Наши подсчеты совпадают?

— Отпустите меня. Мне надо на работу. И я уверен, что жена смотрит на нас из-за ставен... С

того дня она какая-то странная... Я не хотел бы ее лишний раз волновать.

— Погоди, а деньги?

— Может, хватит, а?

Он опять был готов броситься в атаку, защищая то, что заработал ценой страха, самого сильного, который он пережил за всю жизнь.

— Не путай... Как тебе заплатили? В каких купюрах?

— По пятьсот франков.

— Дай-ка мне одну бумажку.

— Дать одну вам?

— Ну да... Одну. Может, ты думаешь, что я тебе ее разменяю, а? Ты не находишь, что и так легко отделался?

— Мне надо выйти. Деньги в багажнике. Господи, может, отъедем подальше, моя жена...

— И не думай. Давай быстро и поосторожней... Стрелять буду, да и сумочки твоей тебе не выдать.

— Ладно, — проговорил Карню, — я не собираюсь дурить.

Он спрятал деньги под настилом в багажнике, где их без труда мог обнаружить любой полицейский. Они были завернуты в пакет из прозрачного пластика. Женис не стал их особо разглядывать, опасаясь, что захочет получить всю сумму.

— Значит, одну? — спросил Карню.

— Да, — буркнул Женис, — одну... Дешево ты отделался, а?

Он швырнул сумочку на сиденье, схватил деньги и, пятясь, отступил к своей машине. Но Карню был слишком занят, проверяя, все ли документы на месте, чтобы преследовать Жениса.

Вернувшись в центр города, Монтелье зашел в кафе выпить стаканчик и украдкой взглянул на номер ассигнации. Она была из той же серии, что и остальные, а значит, вышла непосредственно из кассы В. Р. Н. Кассиру в тот день пришлось иметь дело с солидной суммой...

Впервые Женис пришел на службу раньше времени.

Глава XIV

Около 9 часов Женис, оставив стопку папок, которые ему дал начальник юридического отдела, отправился к Мирей. Она разворачивала шоколадный батончик с орешками и начинкой из карамели. Женису стало ясно, откуда берутся ее лишние килограммы.

— Мне нужен список учреждений, в которые мы направляли охранников в последний квартал.

— Ого! — Мирей забеспокоилась. — Не думаю, что этот список уже составлен и находится в картотеке. Но машина располагает всеми данными.

— Хорошо... А как их от нее получить?

— Проще простого. Надо только указать имена нескольких охранников, и ты получишь все нужные сведения. Это для твоей теперешней работы?

— Разумеется, — ответил Женис непринужденно.

Она, кажется, ему не поверила, но он знал, что может на нее положиться. Женис направился к дверям с надписью «Архив» и, прежде чем войти, бросил взгляд на комнату секретарей. Он рисковал, что его застигнут врасплох и немедленно вышвырнут за дверь. Он начал с имени Жаки Малакси, получил его обычную карточку с информацией, не представляющей ценности. Для того, чтобы добраться до его тайного досье, надо было знать особый код, что лишь накануне стало известно Женису. Названия различных учреждений, где Жаки работал, возникали на экране и на печатающем устройстве. Такие же сведения Женис получил о Жераре Ваниане и двух других охранниках, которых знал. Он отрывал листочки с информацией и клал их в карманы.

Когда в комнату неожиданно вошел начальник юридического отдела, Женис, сохранив полное спокойствие, набрал имя одного из клиентов В. Р. Н. Шеф, проходя за спиной Жениса, прочел текст, который появился на экране.

— Кто имеет плохую память, радуется, что может прибегнуть к помощи машины, — заметил он ехидно.

Женис не ответил. Он вернулся в свою комнату. Скрываясь за папками, он быстро подвел итог и выделил три транспортных агентства. Одно из них специализировалось на дорогих винах и шампанском. Тридцать тонн шампанского могли принести по меньшей мере двадцать миллионов старых франков, если украсть и перепродать даже с убытком. Другое агентство предоставляло свои услуги фабрикантам роскошной мебели и антикварам. Трудно назвать цифру, но здесь суммы могли быть очень велики.

Наконец, существовало агентство Маржена, занимающееся перевозкой специальных и опасных грузов. Его Женис отметил особо, потому что В. Р. Н. постоянно направляло туда своих охранников.

Он не решался опять идти в картотеку, искал

предлог, копаясь в своих досье, и отметил фамилию злостного неплательщика, который в этом деле был настоящим артистом. Этот человек обращался к фирмам, занимавшимся торговлей по выписке, заказывал на разные адреса дорогую радиотехнику, редкие издания и никогда ни за что не платил. Он часто переезжал с места на место, менял имена. Разве не естественно попытаться уладить это дело, прежде чем покинуть В. Р. Н.? Все, включая Жениса, зубы себе обломали на этом мошеннике.

Отвечая на запрос об агентстве Маржена, машина, не останавливаясь, выдавала сведения одно за другим. Женис даже заволаговался, что его застанут врасплох. Он остановил машину, сунул рулончик с впечатанной информацией в карман и набрал одно из имен мошенника.

Выходя, он столкнулся с начальником юридического отдела, который хитро взглянул на него:

— Вы позволите?

Он выхватил у Жениса из рук бумажку, поднял брови, наконец, пожал плечами.

— Гризалия... Уж не надеетесь ли вы разрешить эту задачу, прежде чем уйти от нас?

— Почему бы и нет? Ваш отдел поручил мне это дело. Возможно, я смогу обнаружить что-то новое.

— Вы воображаете себя Эркулем Пуаро? Знаете, серое вещество...

Женис удалился, не ответив. Прикрываясь досье Гризалии, он прочел полученную информацию и узнал, что В. Р. Н. и агентство Маржена связаны контрактом, возобновлявшимся каждый год в мае. В. Р. Н. обязано было постоянно обеспечивать агентство четырьмя оплачиваемыми самим Обществом охранниками. Двумя постоянными и двумя временными. Оба постоянных охранника должны иметь шоферские права на вождение грузовиков, чтобы ездить в качестве помощника шофера при перевозке специальных грузов. Каких — не уточнялось. Они должны быть вооружены, иметь разрешение на ношение оружия и не иметь судимости. Постоянные охранники получали от агентства Маржена особое вознаграждение непосредственно из его кассы.

Последнее заставило Жениса задуматься. Оба постоянных охранника должны были неплохо зарабатывать, что никак не побуждало их участвовать в хищении грузов.

Охранников звали Руже Перро и Жорж Пелерен. Женис был с ними немного знаком. Они редко бывали в В. Р. Н., и это понятно, раз они были заняты полное рабочее время в агентстве Маржена.

С 15-го числа Пелерена, который получил травму на работе, заменял некий Робер Биасты. Его Женис не знал совсем. Охранники редко появлялись здесь, у них было свое помещение во втором этаже. Как и у тех, кто занимался слежкой и розыском.

Если широкая спекуляция краденым товаром и существовала в рамках В. Р. Н., агентство Маржена наверняка не было в это замешано. За это говорил и тот факт, что у охранников не было судимости. Пожалуй, два других агентства скорее могли оказаться жертвой незаконных действий. Однако наличие контракта между В. Р. Н. и Марженом заинтересовало Жениса.

Он не мог в третий раз отправиться в картотеку, не привлекая внимания. Только Мирей в состоянии была ему помочь и получить информацию о Маржене и Жорже Пелерене, получившем травму во время работы. Каким образом мог охранник пораниться во время работы? В большинстве случаев это происходило при попытке ограбления или в столкновениях с бастующими. Женис хотел это выяснить.

Сделав вид, будто ему нужна зажималка, он склонился над столом Мирей и положил перед ее глазами бумажку.

— Только ты можешь войти в картотеку, не обратив на себя внимания... Мне нужна информация об этих двух типах.

— Слушай, Женис, — прошептала Мирей, не сводя глаз со своих коллег, — ты что-то задумал... Ты еще не смирился с увольнением, но не упорствуй. В этом заведении есть вещи, о которых лучше не знать.

— Я думал, мы друзья, — произнес он с несчастливым видом.

— Я посмотрю, что могу сделать.

Женис прождал довольно долго и подумал, что Мирей не сдержала обещания. Он решил еще раз попытаться во второй половине дня. Но в полдень Мирей подала ему знак, и он подождал ее на улице у витрины книжного магазина.

— Держи, — сказала она, сунув ему бумажный рулончик. — Это в последний раз. Я не хочу, чтобы меня уволили... С таким мужем, как у меня, мой заработок позволяет мне быть независимой. Иначе это было бы настоящее рабство.

Женис обнаружил, что в карточке Жоржа Пелерена не упоминается, что он пострадал на работе. Однако все предыдущие дни его отсутствия отмече-

ны. Что это, сверхсекретная информация, предназначенная лишь для посвященных?

Маржен — 48 лет, женат, четверо детей, — основал свое агентство два года назад. Он являлся членом «Ротари клуба» и других привилегированных городских клубов. Он даже заменил однажды провалившегося на выборах кандидата.

В сущности, ничего особенного. Женю разочарованно свернул бумажки и сунул их в карман. Он без аппетита доел свою капусту, отказался от десерта и заказал виноградную водку. И вдруг пришло озарение; он опять развернул рулончик — Маржен жил в том же доме, что и комиссар Эстев из службы безопасности. Очередное удивительное совпадение вроде тех, с которыми он сталкивался в последние дни. Женю становились понятней предостережения Мирей.

Он не встал из-за стола до 14 часов 10 минут, а потом спустился в подвал, чтобы позвонить.

— Агентство Маржена? Я хотел бы знать, каковы ваши условия для перевозки азотной кислоты из...

— Прощу прощения, мсье, но наше агентство связано контрактами с некоторыми предприятиями, в настоящий момент мы достигли нашей квоты километро-тонн и не будем обслуживать новых клиентов раньше чем через шесть месяцев. Оставьте нам свой адрес, и мы свяжемся с вами, как только появится возможность. Но раньше чем через полгода не рассчитывайте.

— Тогда не стоит, перевозка довольно срочная. Удивительно все же, что в период экономического кризиса транспортное агентство отказывается от клиента.

— Наша деятельность обеспечивается строгими контрактами, которые позволяют нам работать с максимальной нагрузкой, — терпеливо объяснял женский голос.

— Ну, что ж, тем лучше для вас, — сказал Женю и повесил трубку.

Он улыбался. Во всем городе, да во всей Франции, наверное, не найдется ни одного транспортного агентства, которое отказалось бы от нового клиента.

Недалеко от здания В. Р. Н. Женю сел в свою машину и отправился к Жоржу Пелерену домой.

Дверь ему открыла молодая женщина с короткой стрижкой.

— Я коллега вашего мужа... Можно его повидать на пару минут?

— Заходите, он смотрит телевизор.

Пелерен был внушительного вида малый ростом 190 сантиметров, с квадратными плечами, лысым черепом и длинными монгольскими усами. Одна рука у него была на перевязи.

— Я знал, что ты сидишь дома по болезни, но не знал, что из-за руки, — сказал Женю.

— Разрыв мышцы...

— А я-то думал, что охранник на службе и палец о палец не ударит! Ты что смеешься? Это ты, небось, что-нибудь дома мастерил и перетрудился!

— Уверяю тебя... Пришлось поднимать стокилограммовые бидоны с краской...

— Грузчик ты или охранник?

— Ну, не мог же я смотреть, как шофер сам возится с этими бочонками. У нас в дороге случилась неприятность, и несколько бидонов вылетели из грузовика. И вот результат: разрыв мышцы. А ты что делаешь в наших краях?

— Тут один ваш сосед... Неплательщик...

Женю пришлось выдумать какую-то историю, но Пелерен внимательно слушал.

— Ничего не могу тебе сказать... Но, может, моя жена что-нибудь знает. Жульетта, ты слышала?

— Да, но мы с этими людьми даже не здороваемся. У них долги?

— Профессиональная тайна, — улыбнулся Женю.

Он согласился выпить стаканчик красного, устроился в кресле.

— Скоро выйдешь на работу?

— После праздников, — ответил Пелерен.

— Все на то же место?

— Конечно... Мне там хорошо... За некоторые поездки получаешь вознаграждение от пятисот до тысячи франков.

— Ах ты, черт!.. Им не нужны люди?

— Спроси у Дарье...

— Ты шутишь?

— Отнюдь нет... И так я тебе слишком много сказал... Но ты ведь свой человек в фирме, не так ли?

Женю склонил голову и поднес стакан к губам. Ужасное вино!

Перевод с французского Надежды НОЛЛЕ.

Продолжение следует.

Кирилл
КОВАЛЬДЖИ

Рисунок
Сергея
ТЮНИНА

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

Идите к зубному врачу

Вдобавок ко всему придется идти к зубному врачу.

Была еще надежда, что удастся избежать этого визита: с утра зуб как-то присмирел, затаился, ныл неуверенно и вяло, вот-вот перестанет совсем.

Авось пронесет, думал Игорь, однако за десять минут до конца рабочего дня зуб ни с того ни с сего взвился, стрельнул коротко, но недвусмысленно, показал характер: не пойдешь к врачу — ночью опять спать не дам...

Все понятно. Игорь смирился, тупо зацепил портфель и выскользнул из учреждения, ни с кем не попрощавшись. Как раз сорок минут до поликлиники: он был записан на девятнадцать ноль-ноль. Зуб, догадавшись, что сигнал дошел и решение принято, удовлетворенно отключился. Можно было ехать и думать.

А думать было противно. Что за день, господа, не приведи! Одни колючки, и все незаслуженные. Он-то, имея, так сказать, полное право на раздражительность, вел себя кротко и грустно, предупреждал сослуживцев: зуб у меня...

Но сослуживцы, как все люди, любили бурные страсти, а не тихие жалобы, потому пропускали его слова мимо ушей и переходили к своим, куда более актуальным новостям.

Таку же оплошность он допустил и утром, когда, стеснительно улыбаясь, сказал сестре, что опять всю ночь глаз не сомкнул (сестрица с неделю как перебралась к

нему, поссорившись с мужем, и тут же стала мстительно и властно хозяйничать). Она как-то уж очень брезгливо поморщилась:

— Ну и болван! Говорила тебе — дерануть его надо...

— Я просто так сказал...

— Все у тебя просто так. В квартире свинарник. Пусть твоя Вика придет и приберет, нечего с ней цапкаться. Ей бы только цветы да концерты. Будь я мужчиной...

Рыжая, воинственная, готовая за свою правоту взойти на костер...

— При чем тут Вика? — прошептал он и, чувствуя, что краснеет, заторопился на работу.

Ну почему сестра нахамила вдруг? Почему она вообще грубит? Он однажды попытался выяснять и получил такой ответ: «Милый мой, я миндальничая с чужими, на то они и чужие, а ты свой, родной, что мне перед тобой на цыпочках ходить? Ты же знаешь, я за тебя любому горло перегрызу!» Он съезжился, ему вовсе не хотелось, чтобы кому-то горло перегрызали. Он просто чувствовал себя сиротливо и досадовал на сестру, которая грозила сделать ему в случае чего громадное добро, не размениваясь на мелочи. А он, как на грех, предпочитал мелочи...

Жизнь состоит из мелочей, думал Игорь. Как дом — из кирпичей и прочих деталей. В повседневности происходит тихая борьба: одни кладут кирпичи, другие выгаскивают. Вот курьер, например (с чего это рифмы привязались

Под редакцией
заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

(Продолжение. Начало см.
в №№ 1—5 журнала).

ШЕСТОЙ ТУР

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

Ход черных. Могут ли они спасти в вышеуказанной ситуации? (3 балла).

ВТОРАЯ ЗАДАЧА!

Белые начинают и дают мат в три хода. (2 балла).

ЭТЮД — ВСЕГДА КРАСИВО!

Белые начинают и делают ничью. (2 балла).

Редакция просит не забывать, что в случае, если в какой-либо олимпиадной позиции участник найдет побочный (не предусмотренный автором или соперниками) ответ, нерешаемость и т. п., то он должен сообщить нам об этом (приведе доказательные варианты, когда требуется), и ему будут засчитаны баллы, определенные для данного задания. Запомните, пожалуйста, что открытки на шестой тур нужно посылать в адрес редакции не позднее 20 мая 1980 года (по почтовому штемпелю отправления).

КАСКАД ЖЕРТВ ОШЕЛОМЛЯЕТ!

Общезвестно, что «самым-самым» для ценителей шахматного искусства любых уровней всегда был и всегда будет элемент эстетки, а говоря проще — комбинационная игра. Вниманию читателей предлагаются два фрагмента из сравнительно недавних баталий.

Здесь перед вами положение фигур, создавшееся после 22-го

хода черных в партии между Гарри Каспаровым и одесским гроссмейстером Семеном Палатником на всеоюзном турнире 1978 года. Юный бакинчанин, игравший белыми, осуществил настоящий жертвенный фейерверк!

23. Ce3:g5! h6:g5 24. Фd1—h5 f7—f5.

Неотразима атака белых на короля партнера и после 24. ...f6 25. K:g5! Lf8 26. Ch7+ Kpf8 27. Kce4.

25. Ke4:g5 Lf8—f7 26. Cc2:f5!! Lf7:f5.

Взять пешкой по жертвованному Каспаровым второму слону черные не могут ввиду 26. ...ef 27. Kd5 Фe8 28. e6!

27. Lf2:f5+ e6:f5 28. Kc3—d5 Фe7—e8 29. Фh5—h7+ Kpg8—f8 30. Фh7:f5+ Kpf8—g8 31. Фf5—h7+ Kpg8—f8.

Теперь для развития наступления с решающим эффектом перебрасывается с одного фланга на другой белая лада.

32. La1—a3! Лa8—c8 33. La3—f3+ Kd7—f6.

Не добились черные шансов ценою ферзя в варианте 33. ...Kf7 34. Lf7+ Фf7 35. K:f7 Lc1+ 36. Kpf2 Lf1+ 37. Kpg3 Lf7 38. Фh4f1, и защиты от «страшной» угрозы 39. e6 не оказывается.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.02.80. Подписано к печати 19.02.80. А 06531. Формат 70 x 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1150000 экз. Изд. № 534. Заказ № 1958. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

мелочей — кирпичей, курьер — например?). Так вот курьер. Как он должен реагировать, когда ему вручают срочный пакет? Известно как. А лохматый парень в джинсах, студент какого-то вечернего вуза, развалился в кресле, нога на ногу, никакого интереса к пакету не проявил:

— Вы мне машину дайте. Наша в разгоне.

Игорь стал объяснять: так, мол, и так, время не терпит, можно и на транспорте, а тот ни в какую, отсылает к директору — дескать, попросите его машину:

— Вам надо, не мне.

Парню было чрезвычайно важно, чтобы его не принимали за курьера. Всем своим поведением он ревниво подчеркивал: я к вам случайно попал, вам не чета, чихать мне на всю эту бумажную возню. Я свое возьму, не волнуйтесь.

Пришлось спросить напрямик:

— Вы отказываетесь отвезти пакет?

— Почему? Киньте. Пусть лежит.

Что делать? Жаловаться на курьера — унизительно, недостойно. Самому съездить — некогда, заказан разговор с райцентром, а это вольнка, легче с Владивостоком созвониться. Закурил, чтобы зуб приглушить и нервы успокоить. Повздыхал и позвонил в министерство:

— Слушай, друг, пакет для твоего шефа готов, но наш курьер на бюллетене, пришли своего...

В трубке загудел, заурчал басок:

— Ну, знаешь, всегда с тобой сложности. Буду я еще гоняться за курьером...

Пропали вы пропадом, подумал Игорь, пошел и кинул пакет — пусть лежит! — на стол рядом с курьером, который ворковал по телефону с какой-то Лялочкой.

А с совещанием в райцентре вообще не повезло. То есть сперва повезло. Он против ожидания дозвонился сразу, застал всех на месте, за пять минут договорился о совещании во всех деталях и, обрадованный, побежал докладывать начальнице отдела, Красавице, как ее называли. Та выслушала, тщательно обточивая карандаш (она любила самолично чинить карандаши), покивала головой и вдруг спросила:

— Письма не вижу. Где письмо?

Оказалось, что без письма нельзя. Товарищи из райцентра должны письменно обратиться с просьбой провести совещание у них. Никакие объяснения не помогли. Вначале было слово, теперь сначала должно быть письмо...

Пришлось опять звонить в райцентр (на этот раз на соединение ушел час), изложить ситуацию. А с того конца провода — идея: давай упростим, ты наш куратор, у тебя есть бланки, напиши-ка за нас это самое письмецо, раз уж оно нам позарез необходимо, подмахни похожей подписью — и дело в шляпе...

Действительно, чего каинтелишь? За десять минут сочинил письмо «от них» по всей форме, попросил машинистку Машеньку, чтобы она — никому ни гу-гу! — напечатала, и повес начальнице отдела, бойко объявив, что вот, кстати, только что по почте пришло требуемое письмо. «Они,

молодой человек, оказались умнее вас!» — сказала Красавица, начертала сбоку резолюцию, но этим дело не кончилось: «Теперь пишите им ответ, что мы согласны на таких-то и таких-то условиях. Я подпишу».

Фу ты, черт. Назвался груздем, полезай в кузов. Накал, значит, и ответ на собственное сочинение. Машенька давилась со смеху, однако перепечатала быстро. Понес на подпись.

Красавица изучала, изучала бумагу и повела левой рукой:

— Вы текст вычитали?

— Разумеется.

— Нет, не вычитали. А я ведь просила — каждую букву! Посмотрите предпоследний абзац. — И раздраженно вернула письмо.

Фраза как фраза. Все нормально. Ах, вот — запятой нет! Зануда. Могла бы сама проставить, читала ведь с ручкой на весу. Ладно, получай удовольствие.

— Извините, — сказал он. — Я не выспался... — И запнулся: стоит ли оправдываться?

— Ночью надо спать, — неопределенно улыбнулась Красавица и тем самым сделала уже невозможной ссылку на зуб.

Пришлось молча достать шариковую ручку и аккуратно внести недостающий знак. Но начальница письма не приняла и только хотела что-то сказать, как ее упредил телефон, и прошло не меньше четверти часа, пока она вела с кем-то любезную и хитрую игру... Раз не отпустили — стой и жди, разглядывай стол, поблескивающий, как ледяное поле для фигурного катания. Потом еще столько же времени выслушивая комментарий начальницы по поводу того, какой прохвост тот, кто ей звонил, и как надо было балансировать (Красавица любила демократически объяснять свои действия). Наконец она запустила пальцы в свою прекрасную черную шевелюру, напоминающую всем, что в ее годы она еще хоть куда. Тряхнула головой, вспомнила про письмо:

— Нет-нет, никаких поправок. Перепечатать!

Она была весьма скрупулезна во всем, что касается формы.

Тут уж Машенька взорвалась: я тоже человек, зачем заставляете меня весь день ерундой заниматься? Зачем перепечатывать совершенно чистый и, кстати, никому не нужный текст?

Уговорил все-таки. Отстучала в сердцах, бросила не глядя:

— И чтоб я вас сегодня не видела больше!

Рабочий день клонился к концу, бумага была подписана, Красавица не преминула подчеркнуть, что, извольте запомнить, в архивах должен остаться след каждого мероприятия, прошу впредь не отнимать у меня времени попусту... И, наконец, обе бумаги — «их» письмо и копия ответа — подшиты в дело, а первый экземпляр он у себя в кабинете изорвал в клочки и швырнул в корзину...

Совсем потерял чувство юмора, подумал он. Вместо того

чтобы пробежаться по отделам и рассказать живой анекдот, как сам себе писал и отвечал, вместо этого устался в стенку и трясется как псих. Верно, оттого, что не выспался и предчувствовал, что боль вот-вот выскочит из засады.

Идти к зубному врачу — только этого не хватало.

Тошно жить на белом свете...

В поликлинике обреченно занял очередь и со злорадством долдонил себе: будет больно, очень больно, невыносимо больно! За дверью свиристела бормашина. Старушка слева поинтересовалась, к кому он записался на прием, и руками всплеснула от удивления, что он не знает. «Врача надо с умом выбирать, молодой человек. Я-то знаю, к кому иду!»

...И настал черед взойти на плаху. Сел в проклятое кресло, откинул голову, как летух под ножом, раскрыл рот — инструментом с зеркальцем отправился на разведку по тылам его челюстей. На всякий случай зажмурил глаза. И поймал себя на том, что даже не разглядел врача, совсем отупел — безразлично, в чьи руки попал. Некто в белом халате, и все. Да и врач, наверное, столь же отвлеченно воспринял очередного пациента: некто с разинутым ртом. Так и сидел, давая затылком предательски уютную подставку кресла: скорей бы все началось и кончилось.

Некто в халате, по-видимому, отошел, листнул его карточку, послышался шорох, потом мелодично прозвучал женский голос, назвавший его по имени-отчеству и пожуривший за то, что он так невнимателен к себе — начал года два назад лечение и бросил...

Голос был теплый, участливый, это было так неуместно, что он открыл глаза, неловко повернул голову и увидел лицо молодой женщины, доброе, ясное и словно давным-давно знакомое, чуть ли не с детства.

Женщина взяла хоботок бормашины, утешительно и слегка устало улыбнулась:

— Запустили вы коренной, будем спасать... Завтра еще повозимся немножко, прочистим канал — и готово!

Ей-богу, в ее голосе было что-то материнское, мамин. Он почувствовал совершенную покорность, почти невосможность. И не успел Игорь под свистящим сверлом вздрогнуть от боли, как ласковая рука уверенно прижала его голову, и он услышал необыкновенные слова:

— Потерпи, солнышко. Пожалуйста!

И вдруг ему захотелось, чтобы еще раз было больно. Но, к несчастью, обошлось. Женщина отпустила его голову, захлопотала, погрузила лекарство в канал зуба, поставила временную пломбу. Быстро, ловко, аккуратно, но молча.

Все. Надо уходить. Так скоро?

Прощаясь, он замылся у полуоткрытой двери — а в нее уже протискивался человек с флюсом, — все равно не выдержал и спросил:

— Вы говорите, завтра? Вытаскивать нерв такой длинной тонкой иглой? — Но его слова прозвучали вовсе не обеспокоенно, а по-мальчишески звонко, словно он пропел и взмахнул крыльшками.

Человек с флюсом посмотрел на него, как на идиота.

Изящный финал встречи впечатляет.

34. h2—h3! Фe8—g6 35. Лf3:f6+! Сg7:f6 36. Кg5—e6+ Крf8—e8 37. Кd5:f6+, и черные сложили «оружие».

К такому миттельшпиллю пришли после 14-го хода в партии недавнего межзонального турнира личного первенства мира Нона Гаприндашвили (у нее были белые фигуры) и москвичка Людмила Зейцева. Замечательная тбилисская шахматистка красиво и энергично провела обоюдострую схватку, насыщенный оригинальным комбинационным содержанием.

15. 0—0! Фd5:a2 16. c2—c3 Фа2—a1+ 17. Кrc1—c2 Фа1—a4+ 18. Кrc2—b1 Лa8—b8 19. Cd3—c2 Фа4—a6 20. Фe2—f3! b7—b5 21. Cd2:h6 b5—b4 22. Ch6:g7! b4—b3.

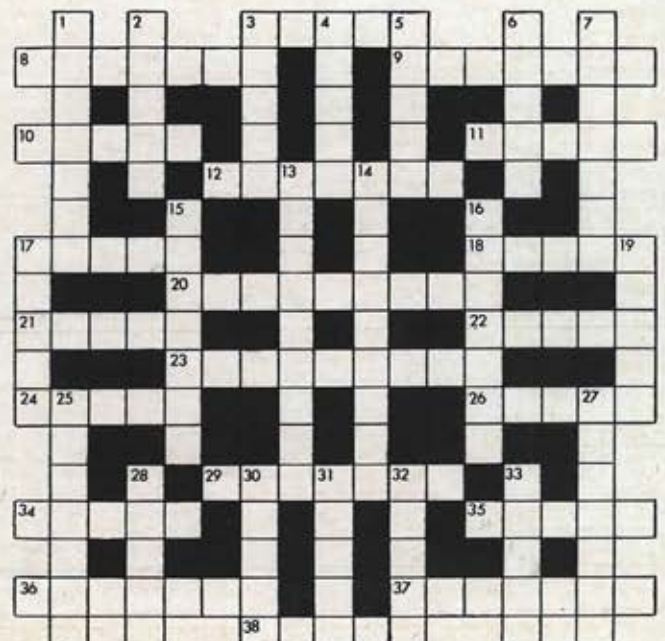
На принятие жертвы слона следовал бы форсированный мат — 22... Кр:g7 23. Фg3+ Крh8 24. Фh4+ Крg7 25. Фg5+ Крh8 26. Фf6+ Крg8 27. Фg5+ Крh8 28. Фh6+ Крg8 29. Фh7x. Черные отклоняют «данайский дар», однако их изобретательные встречные действия явно запаздывают.

23. Сс2—d3! Фа6—a2+ 24. Крb1—c1 Сс5—a3 25. Ке5—c4! Са3:b2+ 26. Кс4:b2 Фа2—a1+ 27. Cd3—b1 Сс8—b7 28. Фf3:f6 Сb7—e4 29. Лd1—d3! Се4:d3 30. Кb2:d3 b3—b2+ 31. Кrc1—d2!, и черные сдались.

КРОССВОРД

Составила А. ПЯТИБРАТОВА, гор. Ош Киргизской ССР

По горизонтали:

- 3. Город во Франции. 8. Картина, написанная специальными красками. 9. Остросатирическое обличительное произведение. 10. Ковкий сплав железа с углеродом. 11. Рассказ А. П. Чехова. 12. Спутник Юпитера. 17. Инструмент скульптора. 18. Полуостров на западе Великобритании. 20. Город в Калининградской области. 21. Музыкальный темп. 22. Рассказ М. Горького.

По вертикали:

- 1. Положение в шахматной игре. 2. Вертикальное остроколонное завершение здания. 3. Грузовое несамостоятельное судно. 4. Русский архитектор, градостроитель XIX века. 5. Центр воеводства в Польше. 6. Столица государства на Балканском полуострове. 7. Декабрист. 13. Советская поэтесса. 14. Автор пьесы «Синяя птица». 15. Прибор для определения пройденного пешеходом расстояния. 16. Книга для обучения грамоте. 17. Наименование серии советских орбитальных научных станций. 19. Деталь велосипеда, мотоцикла. 25. Историческая область на севере Испании. 27. Редкая вещь, ценный экземпляр. 28. Помещение в школе для уроков. 30. Овощное корнеплодное растение. 31. Французский композитор, пианист, органист XIX века. 32. Город в Югославии. 33. Картина Н. К. Рериха.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

- 3. Планеристка. 8. «Геологи». 9. Шумская. 12. Рожок. 16. Шуман. 17. Волейболистка. 18. Людмила. 19. Яруллин. 20. Вентиль. 21. Яхонтов. 24. Сказительница. 26. «Марта». 27. Артик. 30. Карамыш. 31. Орхидея. 32. «Мирандолина».

По вертикали:

- 1. «Женитьба». 2. Шиншилла. 4. Ляле. 5. Коса. 6. Серов. 7. Папуа. 10. Ковалевская. 11. Малиновский. 13. Косметика. 14. Целлюлоза. 15. Астрахань. 16. Школьница. 22. Старшина. 23. Платонов. 24. Страз. 25. Артек. 28. Шари. 29. Пион.

ЛЮДЯМ ВСЕМ НА ЗАГЛЯДЕНЬЕ

С детства слышали мы народные предания, былины и сказки о мужичке с ноготок, о медведе-рыболове, о скоморохах и коробейниках, о старухе, которая, пожелав многого, осталась с разбитым корытом. С детства вошли в наш дом богородские и дымковские игрушки, оренбургские пуховые платки, скопинские квасники и подсвечники, не раз собирали мы в берестяные туески душистую землянику, пили из бело-голубых гжельских чашек.

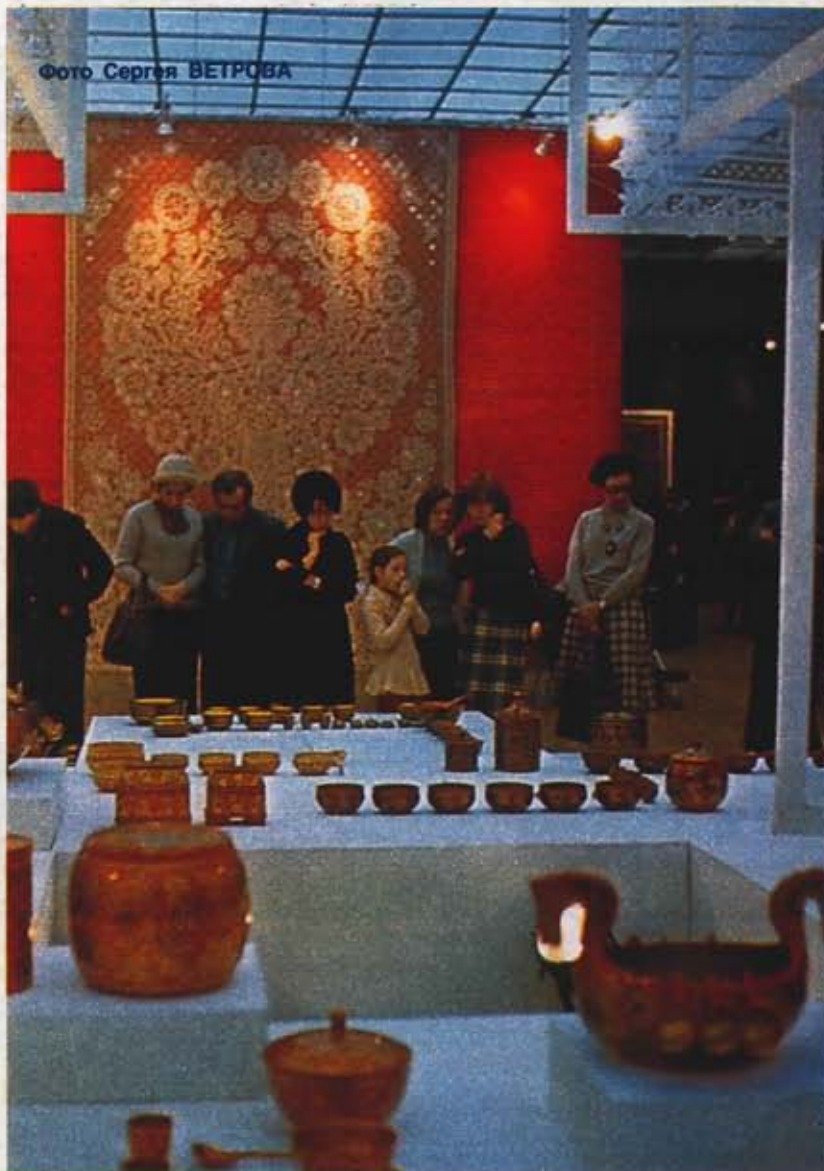
Произведения народного искусства несли нам не только то давнишнее практическое, бытовое назначение, они все больше воспитывали в нас эстетический вкус. Ведь недаром народ ценит не просто мастеров, способных построить добротный дом, сшить теплую одежду, вылепить удобную посуду, он уважал тех, кто делал «художества» — красивые дома, одежду, посуду...

Символично, что открывшийся в Москве Центральный Дом художника предоставил свои залы Всесоюзной выставке произведений мастеров народных художественных промыслов.

Справедливо говорят: народное искусство всегда приносит наслаждение, оно прекрасно. Ведь не может же быть бездарным, безвкусным то, что является выражением общенародного вкуса, что веками проверялось не отдельными ценителями, а всем народом.

Цель выставки — не просто познакомить зрителя с работами отдельных мастеров, а дать полную картину развития и становления народных ремесел. Давно прошли те времена,

Фото Сергея ВЕТРОВА

ЗНАМЕНИТЫЕ ОРНАМЕНТЫ НА СЕРЕБРЕ КУБАЧИНСКИХ МАСТЕРОВ ИЗ ДАГЕСТАНА.

ЧУДЕСА ХОХЛОМСКОЙ РОСПИСИ.

ВЯТСКАЯ ИГРУШКА ВСЕГДА ВЫЗЫВАЕТ УДИВЛЕНИЕ И РАДОСТЬ.

М. ЧИЖОВ. «ЗИМА В ФЕДОСКИНЕ». «ДЫМКА» ЛАУРЕАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ РСФСР ИМЕНИ И. Е. РЕПИНА З. ПЕНКИНОЙ.

когда секреты ремесла передавались из рода в род, от отца к сыну, от матери к дочери и часто так и оставались «секретами», когда вдруг обрывалась ниточка преемственности.

Семь тысяч экспонатов, представленных на выставке, убедительно доказали: за долгое время многими поколениями отобрано и сохранено самое лучшее, самое красивое как убедительное свидетельство таланта народа, как часть его культуры. Комбинат оренбургских пуховых платков, фабрика «Городецкая роспись», узленская косторезная мастерская «Северные сувениры» имени Вуквола, вологодское кружевное объединение «Снежинка», кубачинский комбинат художественных изделий, комбинат прикладного искусства «Максла» стали крупными центрами народных художественных промыслов, сохранившими истоки,

традиции и сам дух народной фантазии.

Посмотрите на веселые и яркие «дымки» — уникальные работы О. Коноваловой, Е. Кошкиной, З. Пенкиной, Е. Косс-Деньшиной, лауреатов Государственной премии РСФСР имени И. Е. Репина. Эти мастерицы из вятской заречной слободы уже в начале века были известны всей стране. Основы своего мастерства они передали младшему поколению дымковских умельцев. Эстафету приняла молодая мастерица, лауреат премии Ленинского комсомола А. Трефилова.

Не нарушилась связь поколений и в древнем искусстве резьбы по кости. На выставке представлены работы узленских мастеров, среди которых традиционная скульптура заслуженного художника РСФСР Туккая «Лежащий морж» и навеянная современными мотивами скульптура двадцатипятилетнего Н. Килилоя «Не кури так много, дед».

Всесоюзная выставка произведений мастеров народных художественных промыслов открылась в канун 5-летия принятого ЦК КПСС Постановления «О народных художественных промыслах». «Народное декоративно-прикладное искусство, являющееся неотъемлемой частью советской социалистической культуры, активно влияет на формирование художественных вкусов, обогащает профессиональное искусство и выразительные средства промышленной эстетики» — эти слова Постановления стали девизом выставки.

Ольга САСОРОВА

КВАСНИКИ И ПОДСВЕЧНИКИ СКОПИНСКИХ УМЕЛЬЦЕВ.